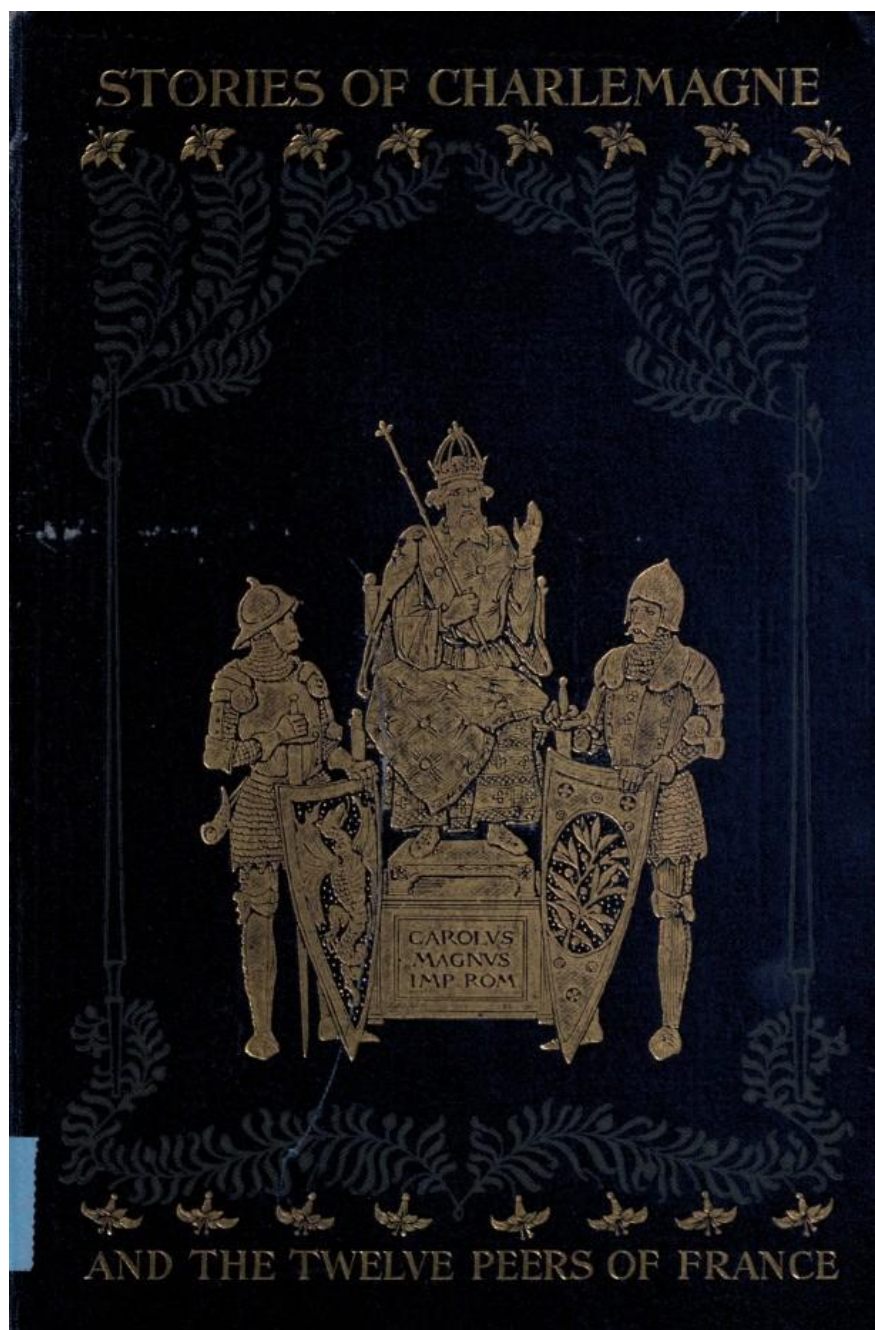

Истории о Карле Великом и двенадцати пэрах Франции

Альфред Джон Черч

The Project Gutenberg eBook of Stories of Charlemagne and the twelve Peers of France.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Истории о Карле Великом и двенадцати пэрах Франции

Из старинных романов

Автор: Альфред Джон Черч

Иллюстратор: Джордж Морроу

Дата выхода: 10 февраля 2025 года [eBook #75339].

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Seeley and Co. Limited, 1902

Кредиты: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ИСТОРИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО И ДВЕНАДЦАТИ ПЭРОВ ФРАНЦИИ ***.

OLIVER AND FIERABRAS.

ОЛИВЕР И ФЬЕРАБРАС.

ИСТОРИИ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ И ДВЕНАДЦАТИ ПЭРАХ ФРАНЦИИ

ИЗ СТАРИННЫХ РОМАНОВ

by the REV. A. ДЖ. ЧЕРЧ, М. А.

Бывший профессор латинского языка в Университетском колледже Лондона.
Автор "Историй из Гомера" и др.

С иллюстрациями Джорджа Морроу

ЛОНДОН
SEELEY AND CO. LIMITED
38, ГРЕЙТ-РАССЕЛ-СТРИТ
1902

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе я попытался рассказать историю Карла Великого, причем Карла Великого, надо понимать, не исторического, а романтического. Эти два персонажа любопытно отличаются друг от друга. У каждого автора романа, естественно, был свой герой. Поскольку ему нужно было возвеличить этого героя, он не мог не обесценить короля. Карл Великий страдает от сравнения с Роландом и Рейно так же, как в "Илиаде" Агамемнон, владыка греков, страдает от сравнения с подчиненным ему королем Ахиллом. Реальный Карл Великий был очень великой личностью, которая произвела на свою эпоху такое глубокое впечатление, как ни

один человек в истории; в этих историях он часто предстает мелочным, капризным и упрямым. Тогда авторы романов были французами, и они сделали великого короля французом, держащим свой двор в Париже и окруженным великими французскими лордами. Они начали писать, когда в воздухе витал крестоносный дух, и их произведения окрашены соответствующим образом. Враг всегда сарацин или последователь Магомета. Не может быть более любопытного примера, чем история гибели Роланда. В романе арьергард Карла Великого уничтожен превосходящими силами сарацинов. На самом же деле на него напала группа горцев, которых летописцы называют гасконцами, но на самом деле они были басками, вероятно, с целью разграбления багажа. И снова мы видим, что авторы романов сочувствуют великим феодалам, указывая на время до консолидации французской монархии, когда королю в Париже приходилось всеми силами противостоять своим могущественным вассалам, герцогам Бретани и Бургундии, а также английскому королю.

Романы о Карле Великом в переводах лорда Бернерса и Уильяма Кэкстона занимают двенадцать томов в Дополнительной серии Общества ранних английских текстов. Некоторые из них являются вариантами одной и той же истории. Например, есть роман "Ферумбрас", в котором приводится практически та же история, что и в одиннадцати главах этого тома. "Юон из Бордо", опять же, занимает четыре тома в Дополнительной серии. Но оригинальный *шансон* содержится в одном из этих четырех томов и сам по себе является полным. Его я тоже значительно сжал и сократил. Тот же процесс пришлось применить ко всем произведениям, чтобы сделать их приемлемыми для современного читателя. Я надеюсь, что они не потеряли своей жизни, красок и человеческого интереса.

Рассказы, которые я использовал, - это "Четыре сына Аймона" (i.-xi.); "Ральф-колхозник" (xii.-xiii.), судя по всему, истинно английское произведение, поскольку французского оригинала не обнаружено; "Фиерабрас", взятый из "Лифа Карла Грека" (xiv.-xxiv.); "Песнь о Роланде" (xxv.-xxxv.) и "Герцог Юон Бордоский" (xxxvi.-xl.). Она была поставлена последней по порядку, так как представляет Карла Великого постаревшим и уставшим от власти. Смерть великого короля упоминается как неизбежная только в романе, за которым я следил; я добавил сокращенный рассказ о ней из современного жизнеописания, написанного Эгинхардом. История Хьюона особенно интересна для нас, потому что в ней представлен сказочный король Оберон, которому суждено было стать столь важной фигурой в английской литературе.

Я должен выразить свою признательность за предисловие, написанное мистером Сидни Ли к первой части "Герцога Юона Бордоского".

АЛЬФРЕД ДЖ. ЧЕРЧ.

ОКСФОРД, 17 июля 1902 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.

- I. УБИЙСТВО ЛОТАРА
- II. КАК ГЕРЦОГ БЕНЕС ПРИШЕЛ К СВОЕМУ КОНЦУ
- III. КАК ОБСТОЯЛИ ДЕЛА С БРАТЬЯМИ
- IV. ПРИЕЗД РОЛАНДА
- V. О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ КОРОЛЯ ДЖОНА
- VI. О РЕМЕСЛЕ МАУГИСА
- VII. ДРУГИЕ ДЕЯНИЯ МАВГИСА
- VIII. КАК МАВГИС СТАЛ ОТШЕЛЬНИКОМ
- IX. О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МОНТАЛЬБАНЕ
- X. КАК БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН МИР
- XI. КОНЕЦ РЕЙНО
- XII. КАК РАЛЬФ РАЗВЛЕКАЛ КОРОЛЯ
- XIII. КАК РАЛЬФ ОТПРАВИЛСЯ КО ДВОРУ
- XIV. КАК ФЬЕРАБРАС БРОСИЛ ВЫЗОВ КОРОЛЮ КАРЛУ
- XV. КАК ОЛИВЕР СРАЖАЛСЯ С ФЬЕРАБРАСОМ
- XVI. КАК ОЛИВЕР И ДРУГИЕ ПОПАЛИ В ПЛЕН
- XVII. КАК СРАЖАЛИСЬ ОЛИВЕР И ЕГО ТОВАРИЩИ
- XVIII. О МОСТЕ МАНТРИБЛ
- XIX. О ДЕЛАХ ФЛОРИПАСА
- XX. О ПОСТУПКАХ ФРАНЦУЗСКИХ РЫЦАРЕЙ
- XXI. БУРГУНДСКИЙ ПАРЕНЬ
- XXII. О РИЧАРДЕ НОРМАННСКОМ
- XXIII. КАК БЫЛ ЗАВОЕВАН МОСТ МАНТРИБЛ
- XXIV. О КОНЦЕ АДМИРАЛА БАЛАНА
- XXV. КАК ГАНЕЛОН ОТПРАВИЛСЯ С ПОРУЧЕНИЕМ К КОРОЛЮ МАРСИЛАСУ
- XXVI. ИЗМЕНА ГАНЕЛОНА
- XXVII. О ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ РОЛАНДА
- XXVIII. КАК ЯЗЫЧНИКИ И ФРАНЦУЗЫ ГОТОВИЛИСЬ К БИТВЕ
- XXIX. БИТВА
- XXX. КАК РОЛАНД ТРУБИЛ В СВОЙ РОГ
- XXXI. КАК БЫЛ УБИТ ОЛИВЕР
- XXXII. КАК УМЕР АРХИЕПИСКОП ТЕРПИН
- XXXIII. СМЕРТЬ РОЛАНДА
- XXXIV. КАК КАРЛ ВЕЛИКИЙ ХОТЕЛ ОТОМСТИТЬ
- XXXV. О НАКАЗАНИИ ГАНЕЛОНА
- XXXVI. КАК КОРОЛЬ КАРЛ ОТПРАВИЛ ГУОНА С ПОРУЧЕНИЕМ
- XXXVII. КАК ХУОН ВСТРЕТИЛСЯ С КОРОЛЕМ ОБЕРОНОМ
- XXXVIII. О КОНЦЕ ЛЖЕГЕРЦОГА МАКАЙРА
- XXXIX. КАК ХУОН, УБИВ ВЕЛИКАНА, ПРИШЕЛ В ВАВИЛОН
- XL. КАК ХУОН ВЕРНУЛСЯ, ВЫПОЛНИВ СВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОЛИВЕР И ФИЕРАБРАС ... Фронтиспис

РЕЙНО НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД РОЛАНДОМ

РЕЙНО И БАЯРД

РАЛЬФ ВО ДВОРЦЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

РАЗДУВАНИЕ БОЛЬШОГО УГЛЯ

ПОСЛЫ КОРОЛЯ МАРСИЛИЯ

НА ПОЛЕ РОНСЕСВАЛЬ

ВСТРЕЧА ХУОНА С ОБЕРОНОМ

РАССКАЗЫ О КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

И ДВЕНАДЦАТИ ПЭРАХ ФРАНЦИИ

ГЛАВА I

УБИЙСТВО ЛОТАРЯ

На праздник Пятидесятницы король Карл собрал в своей столице Париже большой двор. Туда прибыли двенадцать пэров Франции и многие другие знатные люди, а также чужеземцы из Германии, Англии и других королевств. Одним из главных французов был Аймон, герцог Арденнский, который привез с собой четырех своих сыновей, а именно Рейно, Аларда, Гишара и Ричарда. Все эти четверо были удивительно красивы, остроумны и доблестны; но самым красивым, остроумным и доблестным был Рейно, старший по рождению. Не было в мире человека столь великой силы и роста. Именно о нем и его братьях рассказывается эта история.

Король Карл встал и сказал: "Братья и друзья, вы знаете, что с вашей помощью я завоевал много земель и привел многих язычников к христианской вере. Вы знаете также, что это было сделано не без тяжелых потерь с нашей стороны, и, поистине, не было бы сделано вообще, если бы не помощь, которую мы не искали. Но помощь, которую мы искали, мы не получили, и в частности от герцога Бенеша Айгремонтского. Итак, вот моя цель. Я пошлю к герцогу Бенешу, прося его посетить меня этим летом. А если он не приедет, то я осажу его в его городе Айгремонте. И когда он попадет в мои руки, я повешу его, и убью его сына Мавгиса, и сожгу в огне его жену, эту неучливую женщину".

Герцог Неймс сказал: "Не будьте так горячи, господин мой король. Пошлите к герцогу послание от какого-нибудь благоразумного человека, и когда получите его ответ, тогда и посоветуйтесь, что вам делать".

"Это хороший совет", - сказал король. Но когда он позвал гонца, никто не откликнулся, ибо многие были из рода герцога. Тогда он призвал своего старшего сына Лотаря и сказал ему: "Поезжай к этому герцогу и прикажи ему явиться ко мне со своими воинами к середине следующего лета, иначе я осажу его город Айгремонт".

На следующий день Лотарь отправился в путь, взяв с собой сотню рыцарей, вооруженных для битвы. По дороге они произносили множество угроз в адрес герцога, если тот не подчинится королю.

Случилось так, что один из шпионов услышал их разговор, и, поспешив, пришел к герцогу и рассказал ему. "Пришли гонцы от короля Карла, угрожают страшными вещами, и с ними сын самого короля". Тогда герцог спросил своих лордов, что ему делать. Один из них, сэр Саймон по имени, человек добрый и мудрый, сказал ему: "Прими посланцев короля с честью. Нехорошо человеку, как бы велик он ни был, воевать против своего государя. Многие из твоих сородичей осмелились на это, но не ты". Герцог ответил: "Я не настолько низок, чтобы следовать подобным советам. Разве у меня нет трех братьев, принцев, которые помогут мне против короля, и четырех племянников, сыновей Аймона, крепких и доблестных мужчин?" И не стал он слушать ни сэра Саймона, ни его жену герцогиню, хотя она настоятельно просила его говорить с посланцами короля мирно.

К этому времени Лотарь со своими рыцарями подъехал к городу Айгремонту. Принц сказал: "Посмотрите, какая там крепость! Как крепки стены! Посмотрите также на реку, протекающую у их основания. В христианстве нет более прочного места. Ее нельзя взять силой, но, может быть, можно взять голодом". Один из его рыцарей сказал ему: "Господин мой, ты говоришь правду. Это могущественный князь, и у него крепкий замок. Было бы хорошо, если бы ты смог заставить его быть в добром согласии с твоим отцом". "Ты хорошо говоришь, - ответил Лотарь, - но если герцог скажет что-нибудь, что вызовет наше недовольство, он будет об этом сожалеть". Но рыцарь тихо сказал себе: "Это глупость, и мы заплатим за нее своей жизнью".

Тогда Лотарь и его люди подошли к замку и постучали в ворота. "Кто вы?" - спросил привратник. "Мы друзья, - ответил Лотарь, - и мы принесли послание от короля". "Подождите немного, - сказал носильщик, - пока я скажу герцогу". Тогда носильщик отправился к герцогу и сказал: "К нам едут сто рыцарей со старшим сыном короля во главе. Открыть ли мне ворота?" "Открывай", - сказал герцог, - "мы сможем удержать свои позиции, даже если сам король придет со всеми своими людьми". И носильщик поспешил открыть ворота. Герцог же сказал своим господам: "Вот идет старший сын короля; если он будет говорить с нами мудро, мы ответим ему мудро; если же нет, он не выйдет на свободу".

Тогда Лотаря и его рыцарей привели в зал, где герцог сидел среди своих господ, рядом с ним была герцогиня, его жена, а перед ним - его сын Мавгис. Мавгис был великим волшебником.

Лотарь сказал: "Боже, храни короля Карла и посрами герцога Бенеса! Мой отец говорит: "Приезжай в Париж с пятью сотнями рыцарей и восполни недостаток службы в Ломбардии, где из-за отсутствия твоей помощи погибло много доблестных людей. Если же ты не справишься с этой задачей, тебя непременно повесят, твою жену сожгут в огне, а весь твой дом разрушат".

Тогда любой мог бы увидеть, как герцог изменил цвет лица от гнева. Когда он смог говорить, то сказал: "Я не пойду к королю. Я не держу у него ни земли, ни крепости; вернее, я буду идти и опустошать его земли, пока не дойду до самого Парижа".

"Как ты смеешь так говорить?" - воскликнул принц Лотарь громким голосом. "Ты прекрасно знаешь, что ты человек короля. Я советую тебе исполнить его волю. Иначе ты будешь повешен, пока небесные ветры не высушат твои кости".

Услышав это, герцог в ярости поднялся на ноги и стал кричать Лотарю, что это был злой день для него, когда он приехал в Айгремонт. Ни слова не мог он вымолвить, когда кто-нибудь из его рыцарей говорил ему о могуществе короля и о том, что он на самом деле человек короля и держит у себя этот самый город Айгремонт. "Не дергайтесь!" - вскричал он. "Никогда не соглашусь я держать что-либо у этого человека до тех пор, пока могу сидеть на коне или держать копье". И он призвал своих лордов наложить на Лотаря, и они не ослушались его, а бросились на Лотаря и остальных людей короля Карла. Тогда началась такая жестокая битва, какой еще не было в этом мире. Ибо не только люди герцога, находившиеся во дворце, напали на французов, но и жители города, купцы и ремесленники, услышав шум, стали осаждать ворота. Эти ворота, правда, французы держали с большим мужеством, но их было мало, и день складывался против них неудачно. В конце концов, после того как принц Лотарь был убит самим герцогом, из ста рыцарей в живых осталось только десять. Их герцог пощадил, но при условии, что они передадут его послание королю, а послание было таким: "Я не собираюсь платить дань за свою землю и ни пенни дани. Напротив, я приду с сорока тысячами людей, опустошу ваши земли и сожгу ваш прекрасный город Париж". После этого он доставил им тело Лотаря, положив его в повозку, запряженную двумя лошадьми. И когда десять рыцарей покинули город и вышли в поле, они стали плакать и сетовать не только по Лотарю, но и по себе, ибо боялись короля. И они отправились в Париж.

Тем временем король Карл в Париже не на шутку встревожился. "Я очень боюсь, - сказал он своим господам, - чтобы с моим сыном не случилось какого-нибудь зла, ибо этот герцог Бенеш - человек дикий и жестокий". Тогда герцог Аймон ответил: "Если герцог причинит вам зло, я помогу вам от всего сердца. Вот и четверо моих сыновей, которые пойдут со мной". "Хорошо сказано", - сказал король. "Приведи своих сыновей сюда". И герцог привел их, и король, увидев их, полюбил всех, но Рейно, который был старшим, больше остальных трех. Он сказал своему управителю: "Принеси сюда оружие короля Сертеса, которого я убил в Пампелуне, и надень его на него". И Огир датчанин пристегнул ему шпоры, а сам король опоясал его мечом. Сделав это, он нарек его рыцарем, сказав: "Да приумножит тебя Бог в добре, чести и достоинстве!"

Следует знать, что у Рейно был очень благородный конь, по имени Баярд, подаренный ему его кузеном Мавгисом. Такого коня не было в мире, разве что Буцефал, конь Александра Македонского. Когда он садился на него, то казался таким рыцарем, равного которому не было ни во Франции, ни в какой другой стране. Когда они состязались в поединках, а король устроил турнир в Сен-Виктор, что недалеко от Парижа, ни один из них не добился такого успеха, как Рейно.

Закончился турнир, и король вернулся в свой парижский дворец. На следующее утро он сказал своим господам, датчанину Ожье, герцогу Неймсу и архиепископу Терпину: "Я боюсь за своего сына Лотаря; он долго медлит в этом путешествии. Прошлой ночью мне также приснилось, что герцог Бенес убил его". Герцог Неймс сказал: "Не доверяйте снам, ибо они ничтожны". Король ответил: "Тем не менее, если герцог сделал это, он должен умереть".

Пока они разговаривали, прискакал гонец на коне, слабый, изможденный и тяжело раненный, и король увидел, как он проехал мимо окна, где стоял. Тогда король налегке побежал к воротам, а его лорды последовали за ним. Когда гонец увидел короля, он

приветствовал его низким голосом и рассказал ему обо всем, что с ним случилось. И когда он закончил свои слова, то упал на землю в обмороке от горя и боли своих ран.

Велика была печаль короля. Он бил себя по рукам и рвал бороду и волосы. Его лорды пытались утешить его, и герцог Неймс сказал: "Похорони своего сына с великими почестями в Сен-Жермене, а когда ты это сделаешь, собери свое войско и выступи в поход против этого герцога Бенеса".

Тогда король и его сеньоры выехали из Парижа и, проехав две мили, встретили повозку, в которой лежало тело принца Лотаря. И когда король увидел повозку, он сошел с коня и поднял ткань, которая была на мертвом человеке. И когда он увидел, что голова отрублена от тела, а лицо обезображено ранами, он громко заплакал. И сказал он: "О, Лотарь, сын мой, ты был прекрасным и кротким рыцарем. Да примет тебя Господь по своей милости в рай!" Затем его лорды подняли его с одной и с другой стороны и принесли в Сен-Жермен. Там они похоронили принца Лотаря со всеми почестями.

ГЛАВА II

КАК ГЕРЦОГ БЕНЕС ПРИШЕЛ К СВОЕМУ КОНЦУ

Герцог Аймон сказал своим сыновьям: "Нам не стоит здесь задерживаться. Король очень зол, и не без причины, на вашего дядю герцога Бенеса и собирается начать против него войну, в которой он непременно попросит вашей помощи. Но мы не можем воевать против своих сородичей. Поэтому давайте отправимся в свою страну".

И вот герцог и его четыре сына отправились в путь и прибыли в Арденнскую землю. Герцогиня была очень рада их видеть. Однако, узнав о причине их приезда, она сильно встревожилась. Герцогу Аймону она сказала: "Мой господин, вы поступили дурно, покинув короля без разрешения, ибо он ваш природный господин, и вы получили от его рук много добра. Вы увезли и своих сыновей, которых он по своей доброте возвел в рыцарский орден. Это было нехорошо". "Госпожа, - сказал герцог, - мы покинули короля, потому что мой брат Бенес убил принца Лотаря, и мы боимся". "При всем том, - ответила герцогиня, - служите королю и повинуйтесь ему, ибо так поступает настоящий мужчина". Тогда герцог сказал: "Я потерял бы свой замок и половину своей земли, если бы только мой брат Бенес не убил принца Лотаря".

Тем временем король был сильно встревожен не только смертью сына, но и отъездом герцога Аймона и его сыновей. "Видите, - сказал он, - как предали меня эти люди, которых я возвел в великую честь. Истинно, если я наложу на них руки, они умрут. Но сначала я должен наказать этого негодяя герцога Бенеша. Я начну войну с ним этим же летом. А пока те, кто пожелает, могут разойтись по своим домам, но пусть все будут здесь в день Средины лета".

Весть об этом дошла до герцога Бенеса, и он послал к своим братьям, Герарду и Брону, чтобы они пришли ему на помощь. Те пришли с большим количеством людей, так что у герцога

теперь было очень большое войско. И вот, будучи очень уверенным в своих силах, он отправился в Труа, в область Шампань.

Тем временем к королю в Париж прибыл герцог Ричард Нормандский с тридцатью тысячами воинов, а также граф Ги Геронский и герцог Бретани, а также множество других лордов и рыцарей из Гаскони, Бургундии, Фландрии и других мест. Все они разбили свои палатки на лугах Сен-Жермена.

Когда все было готово, король со своим войском отправился в путь, намереваясь осадить город Айгремонт. Когда они шли уже много дней, к Ожье датчанину, возглавлявшему войско, прискакал гонец, спешивший по своим делам. Он спросил: "Чье это войско?". Когда ему ответили, что это войско короля Карла, он сказал: "Я хотел бы поговорить с королем". Его привели к королю, и он передал ему послание, которое было от Обри, владыки Труа, и заключалось в следующем: герцог Бенеш и два его брата выступили против города Труа с очень большим войском и непременно возьмут его, если король не придет к ним на помощь. Услышав это, король приказал, чтобы войско оставило поход на Айгремонт и повернуло в сторону Труа. Так и было сделано, и вскоре король со своим войском подошел к месту, откуда был виден город Труа.

Когда Жерар Руссильонский, который был братом герцога Бенеша, услышал, что король уже близко, он сказал герцогу: "Давайте без промедления выступим против короля". Эти слова понравились остальным, и они поскакали, пока не увидели войско короля. И поскакал Жерар впереди своих людей, восклицая: "Руссильон! Руссильон!" С другой стороны от войска короля выехал Огир датчанин с копьем наготове и поразил рыцаря, по имени Понсон, так что тот замертво упал на землю. Тем временем Герард сразил одного из рыцарей Ожье. Битва становилась все ожесточеннее и ожесточеннее. Герцог Бенеш, мчавшийся на предельной скорости своего коня, поверг лорда Сент-Квинтина. С другой стороны герцог Ричард Нормандский совершил множество доблестных подвигов, убив, в частности, некоего рыцаря, который был ближайшим другом Жерара. "Не будет мне покоя, - сказал Герард, - пока я не отомщу за своего друга", - и он положил свое копье на землю и хотел броситься на герцога Ричарда. Но его брат Брон сказал ему: "Поберегись; вот идет король Карл со всеми своими людьми; если мы потерпим его приход в этом месте, нам несдобровать". Пока он говорил, некий рыцарь в компании герцога Ричарда зарубил племянника Герарда у него на глазах. Тогда Герард послал герцогу Бенешу весть о том, что он попал в тяжелое положение и должен немедленно получить помощь.

Услышав это, герцог Бенеш поспешил к нему, приведя с собой большую рать, и битва стала еще более ожесточенной. Через некоторое время герцог Ричард Нормандский поскакал на герцога Бенеша, пронзил копьем его щит и нанес ему множество сильных ударов по телу. Выхватив меч, он так сильно ударил коня герцога, что тот упал замертво. Но сам герцог легко поднялся с земли и доблестно сражался пешим, убивая многих из тех, кто думал взять его живым. Вскоре его люди привели ему еще одного коня. И все равно битва становилась все ожесточеннее и ожесточеннее.

Тогда подоспел сам король Карл с копьем наготове и ударил Жерара по щиту с такой силой, что поверг и человека, и коня. Тогда Герард погиб, если бы не два его брата - Бенеш и Брон, которые с немалым трудом вытащили его из-под удара. Так они и поступили, но битва пошла не в пользу айгремонтцев. Они были очень рады, когда зашло солнце, а было это около Комплина, [1] ибо дни стали длинными.

[1] Комплина была последней из служб дня. Вечерня соответствовала нашей Вечерней службе, хотя и немного раньше, в 6 часов вечера. Комплимент наступал через некоторый промежуток времени после нее.

Когда герцог Бенес и его братья собрались вместе после битвы, они долго спорили о том, что им делать. Герард советовал возобновить битву на следующий день, но остальные считали иначе. "Нет, - сказал герцог Брон, - нам не поздоровится, если мы так поступим. Мой совет таков: давайте выберем тридцать рыцарей, самых благоразумных, каких только сможем найти. Пусть они скажут от нашего имени королю Карлу, что мы просим его смириться над нами, что герцог Бенеш возместит ущерб за убийство принца Лотаря, о чем договорятся сеньоры двух стран, и что впредь мы будем его верными сеньорами". С этим советом согласились и остальные. Вскоре они разыскали тридцать рыцарей, самых благоразумных, каких только смогли найти. Когда наступил день, они отправили их в качестве мирного посольства к королю Карлу. А Жерар дал им совет, что прежде чем просить аудиенции у короля, они должны разыскать герцога Неймса и умолять его выступить в их пользу перед королем, "ибо герцог, - сказал он, - любитель мира".

В положенное время тридцать рыцарей с депешами в руках были приведены в присутствие короля и передали ему свое послание. Когда король Карл услышал эти слова, он посмотрел на них хмуро и в сильном гневе. Затем он сказал тому, кто был их вождем и глашатаем, некоему сэру Стефану: "Конечно, сэр Стефан, ваш герцог лишился рассудка, когда убил моего дорогого сына Лотаря. И теперь, когда он говорит, что будет моим человеком, говорит ли он правду? Что скажете вы?" "Я отвечу за него", - сказал сэр Стивен. Тогда король Карл удалился со своими лордами в отдельную палату и стал советоваться с ними, что делать. Тогда герцог Неймс сказал: "Мой совет - помиловать их. Они доблестные люди, и лучше иметь их друзьями, чем врагами".

Тогда король Карл созвал тридцать рыцарей и сказал им: "Я прощаю герцога Бенеша и его братьев. Только я хочу, чтобы он прибыл ко мне на следующий праздник святого Иоанна с десятью тысячами воинов, хорошо снаряженных для войны".

Когда гонцы привезли этот ответ, братья очень обрадовались. Герцог Герард сказал: "Нам следует самим пойти и поблагодарить короля". И вот они сняли свои прекрасные одежды и отправились в путь, имея на себе лишь одну одежду и босые ноги, и четыре тысячи рыцарей шли с ними в таком же положении. Когда они предстали перед королем, он говорил с ними мирные слова, но в сердце у него был гнев, особенно на герцога Бенеша, как будет показано далее.

За семь дней до праздника святого Иоанна Крестителя герцог Бенес отправился из Айгремона, чтобы предстать перед королем Карлом в соответствии со своим обещанием. Тем временем король держал свой двор в Париже. К нему явился некий Гуэн, его племянник, и сказал: "Сир, герцог Бенес едет сюда с отрядом рыцарей. Сейчас самое время отомстить ему за убийство принца Лотаря". "Это было бы вероломством, - ответил король, - ибо мы дали ему слово. Герцог тоже великий человек и имеет могущественных родственников". "Я не обращаю на это внимания, - сказал Гуенес, - у меня тоже есть родственники, не уступающие ему". "Конечно, это вероломство, - снова сказал король, - но делай, что хочешь, только учти, что я на это не согласен".

И Гуэнес отправился в путь, взяв с собой четыре тысячи человек, и встретил герцога с его отрядом в долине Суассона. Как только герцог увидел его, он понял его злой умысел. "Я считал короля честным человеком, но теперь вижу, что он совершает против меня вероломство. Если бы со мной был Мавгис, мой сын, и четверо сыновей моего брата Аймона. Сегодня они мне очень понадобятся". И в этом он действительно был прав, ибо произошла великая битва. Герцог и его рыцари сражались доблестно, но что могла сделать их доблесть против столь великого множества? Сначала был убит конь герцога, а когда он поднялся на ноги, Гуэнес, сидевший на очень быстром колеснице, бросился на него и пронзил его копьем, так что он упал замертво на равнине. Когда герцог был мертв, его рыцари были сильно перебиты. В живых осталось только десять, и их пощадили при условии, что они отнесут тело герцога в его город Айгремон, как и тело принца Лотаря было отнесено десятью его рыцарями в город Париж. Велика была скорбь в городе Айгремонте, когда тело герцога было доставлено туда. Но Мавгис сказал герцогине, своей матери: "Наберитесь терпения, моя дорогая мать. Король дорого заплатит за это свое вероломство. И я знаю, что мои родственники помогут мне в этом".

ГЛАВА III

КАК ОБСТОЯТ ДЕЛА С БРАТЬЯМИ

В день Пятидесятницы король Карл устроил в Париже суд, на который вместе с другими прибыли герцог Аймон и его сыновья. Король сказал Аймону: "Вы и ваши сыновья очень дороги мне. Поэтому я решил назначить Рейно своим управляющим". "Благодарю вас, - отвечал герцог, - но все же скажу, что вы совершили тяжкий проступок, допустив убийство моего брата Бенеса, когда он находился под вашей рукой в безопасности. Тем не менее я прощаю вас". "Вспомни, - сказал король, - что Бенес убил моего сына Лотаря. Давай сведем одно дело к другому и больше не будем о них говорить". "Да будет так", - ответил герцог. Но сыновья его не были так настроены, они вышли из компании, и Рейно заговорил за них: "Сир, - сказал он, - мы не в духе нашего отца, ибо ненавидим вас великой ненавистью". Король, сильно разгневавшись, воскликнул: "Прочь с глаз моих, глупый мальчишка; если бы не эта компания, я бы посадил тебя в темницу так быстро, что ты не мог бы пошевелить ни рукой, ни ногой".

После этого вся компания отправилась в церковь слушать мессу; а после мессы сели ужинать, но Рейно не хотел садиться, так он был зол. После ужина Бертелот, племянник короля, сказал Рейно: "Иди сюда, сыграй со мной в шахматы". И вот эти двое сели играть. Когда они немного поиграли, между ними возник спор. Спор был настолько жарким, что Бертелот обозвал Рейно дурным именем и ударил его по лицу, после чего Рейно, подняв шахматную доску, которая была из чистого золота, ударил Бертелота по голове так сильно, что тот упал замертво. Когда король узнал об этом, он воскликнул в великом гневе: "Держите этого Рейно. Клянусь святым Денисом, он не уйдет отсюда живым". Тогда рыцари короля схватились с ним, но его братья и родственники защитили его, и во дворце начались такие распри, каких еще не бывало. В конце концов Рейно и его братья, а также Мавгис, их двоюродный брат, вырвались из дворца и, сев на коней, бежали в Дордонь, а рыцари короля

неотступно следовали за ними. Что касается Рейно, то он не подвергался опасности, так как его конь Баярд был быстр как ветер, но с остальными он шел тяжело. Тогда Рейно обратился против преследовавших его рыцарей и, убив четверых из них, отдал их коней остальным. Так они благополучно добрались до Дордони, где жила их мать герцогиня. Она, сильно опасаясь за их жизнь, велела им взять все свои сокровища и уехать. И они ушли, проливая много слез, и, придя в Арденнский лес, построили себе замок, который называли Монтанфорд. Велика была эта крепость и крепка, ибо построена она была на скале и защищена со всех сторон большими стенами, а также снабжена большим запасом провизии.

Когда король услышал о том, что они сделали, он потребовал от своих баронов, чтобы они помогли ему отомстить за своего племянника Бертелота. Они обещали это сделать. "Только, - сказали они, - отпусти нас в наши края, чтобы мы могли подготовиться". Король согласился. Тогда они уехали и в положенный срок вернулись в Париж со своими людьми. После этого король отбыл и как можно быстрее двинулся к замку Монтанфорд.

Случилось так, что три брата Рейно возвращались с охоты и увидели королевский отряд. "Кто это?" - спросил Гишар. Ричард, который был самым младшим из братьев, ответил: "Это отряд короля, ибо я слышал, как говорили, что он идет отомстить нам. Но теперь давайте покажем себя мужчинами". И они со своими спутниками поскакали навстречу авангарду королевского войска. И Гишар положил свое копье в покой, бросился на графа Гийона, возглавлявшего авангард, и нанес ему такой удар, что тот замертво упал на землю. После этого завязалась жестокая битва, и тяжело пришлось авангарду короля, так что едва ли кто из них спасся. Но три брата благополучно вернулись в башню, и Рейно высоко оценил их доблесть. И вот король осадил замок. "Я возьму его, - сказал он, - силой или голодом". Но герцог Неймс посоветовал ему потребовать Гишара у своего брата. "Если Рейно отдаст его, - сказал он, - то дело будет улажено мирно и без потерь". "Это хороший совет", - сказал король и послал герцога Неймса с датчанином Ожье, чтобы они выдвинули свои требования. Но когда Рейно услышал это, он был полон гнева и сказал: "Господа мои, если бы я не любил вас, я бы, конечно, разрубил вас на куски за то, что вы принесли столь злую весть. Думаете, я совершу такой подлый поступок, как выдам своего родного брата? Передайте королю, что мне нет дела до его угроз; что же касается вас, то убирайтесь с глаз моих". И оба пэра ушли со всей быстротой и пересказали слова Рейно королю.

Тогда король поставил стражу у каждого из трех ворот замка, а начальником стражи у третьих ворот был сам герцог Аймон, ибо, будучи предан королю, он вел войну против собственных сыновей.

Когда Рейно увидел стражу, которую король поставил у ворот, он сказал своим людям: "Эти люди измождены и утомлены путешествием, и невелика слава одолеть их сейчас. Но когда они немного отдохнут, тогда мы нападём на них". И когда люди слышали его слова, они решили, что это очень галантный и благородный рыцарь.

Через некоторое время Рейно сказал: "Пришло время, иначе король подумает, что мы его боимся. Трубите в трубу, и пусть он увидит, что мы за люди". И вот прозвучала труба, и Рейно со своими людьми вышел из ворот замка, а люди короля с другой стороны приготовились к бою, и произошла очень страшная битва. В тот день Рейно и его люди сильно пострадали, ибо сначала герцог Аймон нанес большой урон войску своих сыновей, а затем герцог Фульк убил многих, и защитникам замка пришлось немало потрудиться, чтобы удержать свои позиции. Тем не менее они сражались так доблестно, что в конце концов король был вынужден отвести своих людей. Но и это не прошло даром: Рейно настиг армию при

отступлении, зарубил многих и взял несколько пленных. Сделав это, четыре брата вернулись в свой замок в Монтанфорде.

Но не хватило человеческого мастерства, чтобы удержать это место при таких трудностях, какие выпали на их долю. Король, собрав великое множество людей, окружил замок со всех сторон и держал его в узде год с лишним. Тогда Рейно отправил к королю гонца со словами: "Я сдам эту крепость и себя вместе с братьями, если король пообещает, что мы сохраним наши жизни и имущество". Но король, побуждаемый некоторыми из своих советников, не захотел ничего обещать. И так продолжалось некоторое время: ни король не мог овладеть замком, ни братья не могли выйти на свободу.

Через некоторое время к королю Карлу пришел некий рыцарь по имени Эрнегер, который сказал: "Сир, если вы отдадите мне этот замок Монтанфорд в собственность, и все имущество, которое в нем находится, и земли вокруг него на пять миль, я отдам вам Рейно и его братьев в течение месяца с этого момента". "Сделай это", - ответил король, - "и ты получишь то, что просишь".

Тогда Эрнегер, предварительно разослав тысячу рыцарей по окрестным горам, подъехал к воротам замка и сказал: "Молю вас впустить меня, ибо король ищет моей жизни. Мне есть что сказать сэру Рейно, и он будет очень рад это услышать". Тогда привратник открыл ворота и пропустил сэра Эрнегера внутрь.

Когда Рейно узнал, что в замке появился незнакомый рыцарь, он пришел и спросил, что с ним. Эрнегер сказал: "Король ищет моей жизни, потому что я выступал от вашего имени". "Как поживает король?" - спросил Рейно. "Хорошо ли он запасается провизией?" Эрнегер ответил: "Он и его войско почти голодны. Они не задерживаются здесь надолго, и когда они уйдут, вы можете получить много добычи, преследуя их". "Приятно слышать", - ответил Рейно. "Если король не выполнит своего замысла на этот раз, то такая возможность представится еще не скоро". Затем он, его братья и предатель Эрнегер сели ужинать и хорошо повеселели.

Когда все рыцари уже крепко спали, лже-Хернегер поднялся с постели и вооружился. Затем он перерезал веревки разводного моста и дал ему упасть, а также перебил стражников, которые несли вахту на стене. Когда он сделал это, рыцари, расположившиеся на горах, подошли под предводительством Ги Бургундского и, обнаружив, что ворота открыты, вошли внутрь и перебили всех, кого смогли найти. Воистину, плохо было в ту ночь четверем братьям, если бы не конь Аларда, который разбудил их ото сна. Ибо некоторые из стражников были убиты, а те, кто должен был наблюдать, были пьяны, и братья были удивлены, если бы не громкое ржание коня. Когда Рейно увидел, что враг находится в замке, он и его братья заняли свои места в башне, а когда башня была подожжена, они заняли позицию в яме и доблестно защищали ее от всех людей короля. Через некоторое время другие рыцари, находившиеся в замке, воспрянули духом и пришли к ним на помощь, они выгнали врага из замка, закрыли ворота и подняли разводной мост. На следующий день Рейно сказал своим братьям: "До сих пор мы действовали хорошо и были избавлены от всех надежд. Однако здесь нам оставаться нельзя, ибо все наши запасы еды сгорели в огне. Поэтому давайте уедем, пока есть возможность". Так они покинули замок не без печали. Алард и Гишар шли в авангарде с сотней рыцарей, а Рейно и Ричард - в тылу со всеми остальными своими людьми.

В ту ночь они прошли через армию короля без потерь и препятствий. Но еще много дней они не знали покоя от своих врагов, и из всех, кто их преследовал, не нашлось ни одного, кто нанес бы им больший урон, чем Аймон, их отец. Наконец дело дошло до того, что из всех их последователей не осталось в живых никого. Их лошади тоже были в тяжелом положении, потому что им нечего было есть, кроме кореньев, которые они могли найти в земле. Тем не

менее конь Баярда был упитанным и сильным, тогда как остальные были такими худыми и слабыми, что едва могли стоять на ногах. В этом, как и во всем остальном, он был удивительным зверем, питаясь кореньями так же хорошо, как другие лошади - сеном и кукурузой. Что касается рыцарей, то на них было плохо смотреть, так как их доспехи были изъедены ржавчиной, а кожа потемнела от голода и нужды.

Тогда Рейно сказал своим братьям: "Что же нам делать? Что касается меня, то я скорее умру, как подобает рыцарю, чем погибну здесь от голода и холода". Алард сказал: "Я советую нам отправиться прямо к нашей госпоже-матери в Арденны. И хотя король и его сеньоры ненавидят нас, и даже наш отец настроен против нас, я убежден, что наша мать не подведет нас". "Ты даешь хороший совет", - сказал Рейно, и двое других согласились с ним.

В ту же ночь братья отправились в путь и, не останавливаясь, добрались до города Арденны. Когда они оказались в виду стен, Рейно сказал братьям: "Мы поступили плохо, не взяв с отца поручительства, что он не отдаст нас в руки короля". "Не бойся", - ответил Ричард. "Я уверен, что наша госпожа-мать обеспечит нам безопасность". Так они вошли в город. Но никто не знал их, так странны они были на вид, и горожане спрашивали их: "Из какой вы страны?" "Вы слишком любопытны", - ответил Рейно, и они поскакали во дворец.

Герцог Аймон в тот день как раз ловил ястреба у реки, а герцогиня находилась в своих покоях, где она обычно сидела, и была очень огорчена, потому что не имела вестей о своих детях. Через некоторое время она вышла из своих покоев в зал, где сидели люди, но она их не знала. Но они были так черны и несносны на вид, что она не на шутку испугалась их и некоторое время думала о том, чтобы вернуться в свои покои. Но вскоре она набралась смелости и приветствовала мужчин, говоря: "Кто вы, христиане или язычники? Может быть, вы совершаете покаяние? Не хотите ли получить от меня милостыню или одежду? Думаю, вы в них очень нуждаетесь. Я с радостью окажу вам эту услугу, чтобы Бог помиловал и моих детей". И когда она подумала о своих сыновьях и о том, что она не знает, живы они или мертвы, она громко заплакала.

Когда Рейно услышал ее плач, он сам был очень тронут и тоже заплакал. А герцогиня, глядя на него более пристально, не на шутку встревожилась, так что едва не упала на землю в обмороке. Но когда она пришла в себя, то снова посмотрела на него, и вот! На его лице остался шрам от падения в детстве. Тогда она снова узнала его и воскликнула: "О сын мой Рейно, как случилось, что ты так сильно изменился, ты, который был самым прекрасным рыцарем на свете?" Потом она огляделась вокруг, узнала и других своих сыновей и взяла их одного за другим на руки, радуясь и горюя. Так она плакала, и они тоже плакали.

И вот пришел старшина и сказал, что ужин подан. Герцогиня и ее сыновья пошли к столу, сели за стол и стали веселиться.

Когда они сидели, вошел герцог с охоты и спросил: "Кто эти люди, на которых так странно смотреть?" "Это ваши и мои дети", - ответила герцогиня. "Посмотрите, что им пришлось пережить, живя в лесу. Умоляю вас отнестись к ним по-доброму". Но герцог ожесточился против своих сыновей, потому что был верен королю Карлу. И было между ними много споров, так что Рейно однажды наполовину выхватил меч из ножен. Только Алард остановил его: "Не поднимай на него руку, ибо это против Божьей заповеди". В конце концов мир между отцом и сыновьями был заключен именно таким образом. Аймон сказал: "Я не могу оставаться в доме с этими людьми, ибо это противоречит моей клятве, данной королю Карлу. Но у тебя, моя жена, много золота и серебра, и лошадей, и сбури, и доспехов. Дай своим сыновьям столько, сколько они возьмут". Сказав это, он вышел из дома, и его рыцари пошли с ним.

Затем герцогиня призвала к себе сыновей. Сначала она велела приготовить для них ванны. А когда они искупались, она дала им богатую одежду, в которой было все необходимое. После этого она показала им сокровища герцога Аймона и велела взять из них столько, сколько им нужно. И они не преминули это сделать. Рейно так запасался людьми и оружием, что собрал большую роту воинов.

На следующий день, когда они уже собирались уезжать, пришел Мавгис, их двоюродный брат, и рассказал, как он захватил у короля трех лошадей, груженных золотом и серебром. "И за эти сокровища, - сказал он Рейно, своему двоюродному брату. "Я готов отдать тебе половину".

И они уехали вместе, и герцог Аймон встретил их, когда они шли, и дал им свое благословение, и "Смотрите, - сказал он троим, - чтобы вы слушались своего брата Рейно, ибо он хорош в советах". Герцогине же, когда она чуть было не растерялась из-за отъезда своих детей, он сказал: "Не печальтесь о многом; мы увидим их снова в большом благополучии и почете".

ГЛАВА IV

ПРИЕЗД РОЛАНДА

Рейно и его братья с Мавгисом, их двоюродным братом, приехали верхом в Пуатье, где им сказали, что Иоанн, король Гаскони, сильно потеснен сарацинами. Рейно сказал своим товарищам: "Давайте отправимся на помощь королю". На это они согласились и, прибыв в город Бордо, были радостно приняты королем и его придворными.

Через несколько дней после этого король сарацин подошел к Бордо, и Рейно со своими товарищами выступил из города, чтобы напасть на него. Затем последовала великая битва, и сарацины обратились в бегство, а Рейно преследовал их так горячо, что все его друзья считали его убитым. Велика была их радость, когда Рейно вернулся не только целым и невредимым, но и привел с собой короля сарацинов в качестве пленника, так как взял его в бою. После этого король Иоанн, решив, что не может слишком сильно почитать столь доблестного рыцаря, уступил ему холм, на котором стоял замок, и отдал ему в жены свою сестру. Этот замок Рейно сделал очень крепким, с башнями и прочим, и назвал его Монтальбан; и некоторое время братья жили в мире.

Случилось так, что король Карл, отправляясь в паломничество, увидел тот самый холм с построенным на нем замком и, восхищенный, пожелал узнать, кто там обитает. Услышав, что это замок сыновей Аймона, он очень разгневался и отправил посольство, во главе которого был датчанин Огир, к королю Иоанну, требуя выдать ему братьев и их компанию. "Я ничего такого не сделаю", - ответил король. Тогда король Карл обратился к своим баронам: "Вы видите, как этот человек бросает нам вызов. Пойдемте же в Париж, соберем совет всего королевства и подумаем, как нам с ним поступить".

Когда совет был собран, король встал и изложил суть дела. Тогда герцог Неймс заговорил так: "Государь, мы неправы в этой войне; давайте заключим мир на пять лет; после этого, если вы так настроены, мы снова будем воевать". Этот совет сильно разгневал короля, но пока он сомневался, что ему ответить, во дворец пришел молодой человек, очень красивый и хорошо одетый, а за ним тридцать оруженосцев, и поклонился королю. "Скажи мне свое имя", - сказал Карл. "Сир, - ответил незнакомец, - меня зовут Роланд, и я ваш племянник, сын вашей сестры, которая замужем за герцогом Миланским". "Не за что", - сказал король. "Завтра я произведу тебя в рыцари, и ты пойдешь войной на этих предателей, сыновей Аймона". "Это я сделаю охотно, - ответил Роланд, - ведь Рейно убил моего кузена Бертелота".

На следующий день король произвел Роланда в рыцари. Но пока они сидели на пиру, прибыл гонец, сообщивший, что город Кельн осажден сарацинами. Сказал Роланд королю: "Позволь мне пойти против этих неверных", и король ответил: "Ты пойдешь". Тогда Роланд отправился с двадцатью тысячами хорошо вооруженных воинов и обрушился на сарацин, захватил у них добычу и пленных, а также одолел их короля в единоборстве, вернул его в Париж и передал королю.

Король сказал герцогу Неймсу: "Как Роланд, мой племянник, держался в бою?" "Никогда еще рыцарь не держался лучше, - ответил герцог, - только ему нужен конь, который бы хорошо нес его, когда он будет во всеоружии. Поэтому я советую вам объявить, что в вашем королевстве будут состязаться все лучшие кони, и тому, кто победит, вы дадите золотую корону, пятьсот марок чистого серебра и сто рулонов шелка". "Это хороший совет", - сказал король и велел объявить об этом и составить списки.

Случилось так, что один гасконский йомен, находясь в Париже, услышал это объявление и, вернувшись в свою страну, рассказал об этом Рейно и Мавгису. Когда Рейно услышал это, он рассмеялся и сказал: "Теперь король увидит такую хорошую скачку, какой никогда не было в мире, ибо я поеду в Париж с Баярдом и выиграю этот приз". "Я пойду с тобой, - сказал Мавгис, - и твои братья тоже, и с нами будет несколько рыцарей, хорошо вооруженных".

И Рейно и его компания отправились в путь, и когда кто-нибудь спрашивал, кто они такие, они отвечали, что родом из Беарна и что едут в Париж, чтобы пустить своих коней на королевские скачки. Когда они приблизились к Парижу, Мавгис, будучи великим магом, взял известную ему траву и, растолчив ее на рукояти своего меча и сдоблив водой, натер ею Баярда, так что тот стал совсем белым. И взял он другую траву, которую знал, и с ее помощью Рейно стал выглядеть как юноша двадцати лет. Когда остальные увидели Рейно и его коня, как они изменились, они громко рассмеялись. Тогда Рейно и Мавгис расстались с ними и отправились в Париж одни с конем Баярдом.

Тем временем король послал герцога Нейма, датчанина Ожье и еще одного с сотней рыцарей охранять дорогу из Орлеана, чтобы никто не мог проехать без их ведома. Там они пробыли несколько дней, сильно страдая от голода и жажды. "Что мы здесь делаем?" - спросил герцог Неймс. "Неужели король считает нас глупцами, раз заставляет торчать здесь понапрасну?" "Ты хорошо говоришь", - ответил датчанин Ожье, - "давайте вернемся назад". Но пока он говорил, они заметили двух человек на лошадях. Герцог сказал: "Этот конь - Баярд, но он другого цвета". Когда мужчины приблизились, герцог спросил их: "Кто вы?" Мавгис ответил: "Меня зовут Суссер, я родом из Перона, а это мой сын, но он не говорит по-французски". Герцог обратился к Рейно: "Человек, знаешь ли ты что-нибудь о Рейно, сыне Аймона?" Рейно ответил ему странными словами, которых никто не мог понять. "Какой дьявол научил тебя говорить на таком странном французском языке? Может быть, это латынь, но ты больше похож на дурака, чем на епископа". И он оставил их в покое.

Когда они прибыли в Париж, какой-то злодей увидел их и громко воскликнул: "Это Рейно, сын Аймона", - при этих словах многие сбежались к нему. Тогда злодей, набравшись смелости, схватил Баярда за уздечку. Но конь ударил его передней ногой в грудь и убил.

Затем они поехали дальше и остановились на постоялом дворе; когда они уложили коней, Мавгис взял нить шелка, хорошо натер ее воском и после связал передние ноги Баярда. Хозяин сказал: "Зачем ты это делаешь? Лошадь может бежать только плохо, если ее так связать. Но скажи мне, что это за рыцарь; если бы ему было больше лет, он был бы похож на Рейно, сына Аймона". Мавгис ответил: "Я связал коню ноги, потому что он любит сражаться. Что же касается его всадника, то он мой сын". Но случилось так, что вскоре после этого Мавгис назвал Рейно по имени, и хозяин, услышав это, сказал: "Это, вне всякого сомнения, Рейно, который убил племянника короля. Воистину, прежде чем я усну, я расскажу об этом королю". Рейно услышал слова этого человека и тут же убил его. Вслед за этим поднялся шум, но оба рыцаря сели на коней и, смешавшись с толпой, скрылись.

После обедни король и его лорды отправились на луг, что у реки Сены, где должны были проходить скачки. И два рыцаря отправились с ним, но Баярд, у которого была перевязана нога, сильно задержался. Тогда один рыцарь сказал: "Видишь здесь коня, который выиграет приз", а другой сказал: "Истинно, он выиграет, если Бог будет к нему благосклонен". И они посмеялись над ним.

Когда прозвучали трубы, чтобы дать старт лошадям, все побежали. Увидев это, Мавгис соскочил с коня и перерезал шелковую нить, которой была обвязана нога Баярда. А Рейно подстегнул своего коня и сказал ему: "Баярд, мы уже далеко позади, пора тебе спешить". Когда Баярд услышал, что говорит его хозяин, он понял его так же хорошо, как если бы тот был человеком. Он сразу же поднял голову, вытянул шею и побежал так быстро, что обогнал всех остальных лошадей. Увидев это, король сказал Ричарду Нормандскому: "Этот белый конь удивительно быстр, и он похож на Баярда, коня Рейно, сына Аймона". Рейно, одержав победу в состязании, взял золотой венец, но серебро и шелк он отверг. Затем, держа корону в руке, он поскакал обратно во дворец, где сидел король со своими владыками. Король сказал ему: "Я дам тебе за твоего коня такие сокровища, которые удовлетворят тебя". Рейно ответил: "Сир, я много раз гневил вас и убивал ваших людей, а теперь я уношу вашу корону. Знайте, что я Рейно, сын Аймона. Поищите в другом месте коня, которого вы могли бы отдать Роланду, вашему племяннику. Но Баярда ты не получишь". Сказав так, он пришпорил своего коня и поскакал прочь, и когда он проехал несколько миль, появился Мавгис на своем черном коне. Так эти двое вернулись в замок Монтальбан и были приняты с великой радостью.

ГЛАВА V

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ КОРОЛЯ ИОАННА

Король Карл обратился к своим рыцарям и баронам: "Посмотрите, как этот злодей Рейно обманул меня и унес мою корону. Придумайте средство, с помощью которого я смогу вернуть

утраченное". "Вы должны осадить, - сказал герцог Неймс, - его замок Монтальбан". И король собрал большую армию, настолько большую, что провизия подвела его. После Пасхи он отправился из Парижа и в положенное время подошел к замку Рейно, Монтальбану.

Король назначил Роланда капитаном своего войска. Когда Роланд увидел замок, он, будучи еще более смелым, сказал королю: "Давайте без промедления штурмовать это место". Но король ответил: "Не так, сначала мы испытаем их, уступят ли они место миром". Тогда он послал гонца, который должен был сказать Рейно: "Король требует, чтобы ты сдал свой замок, а также своего брата Ричарда. Если ты откажешься, он возьмет его силой и повесит и тебя, и его". Рейно ответил: "Я не из тех, кто предает друзей. Но если король гарантирует нам наши жизни и наш замок, мы уступим ему". На это король не согласился. Поэтому он осадил город, намереваясь уморить его голодом, ибо понимал, что силой его не взять.

В один из дней Роланд, увидев, что у реки много птиц, решил отправиться на охоту. И он отправился вместе с Оливером, своим товарищем (этот Оливер был очень благородным рыцарем и близким другом Роланда), и компанией рыцарей, самых храбрых из всего войска. Это видел некий шпион, который рассказал об этом Рейно и Маугису. Маугис сказал: "Кузен, ты хорошо сделаешь, если нападешь на королевский отряд, ибо они не думают о битве". И вот эти двое вышли из замка, а с ними четыре тысячи рыцарей.

Во главе королевского войска стоял архиепископ Турпин[1]. Когда он увидел, что враг вышел из замка, он не на шутку встревожился. Сначала он обратился к датчанину Ожье, чтобы тот вооружился, а затем к остальным баронам и рыцарям, чтобы они приготовились к бою.

[1] Настоящим Турпином, судя по всему, был Тильпин, архиепископ Реймский с 754 по 794 год. Мы не знаем, был ли Тильпин воином, но его предшественник, Мило по имени, как говорят, был "воином-клерком" и как таковой был поставлен в архиепископы Карлом Мартелом.

Сначала Рейно убил некоего рыцаря из королевской армии. Увидев это, архиепископ Турпин направил своего коня против Рейно. Они столкнулись с такой силой, что копья обоих разлетелись на куски; но Рейно, который быстрее выхватил меч, нанес архиепископу такой сильный удар, что и он, и его конь едва не упали на землю. Тогда Рейно воскликнул: "Святой отец, вы тот самый Терпин, который так кичится собой? По моему убеждению, вам лучше было бы петь мессу в какой-нибудь церкви, чем сражаться со мной". Архиепископ был сильно разгневан этими словами и бросился на Рейно со всей силой. Но ни он, ни датчанин Огир, ни кто-либо из людей короля не смогли в тот день удержать свои позиции против сыновей Аймона. И когда Маугис со своими рыцарями вышел из леса, где они сидели в засаде, и напал на королевское войско с фланга, французы бежали, не без больших потерь, особенно у переправы через реку. Рыцари из Монтальбана преследовали их около мили, а Маугис взял золотого дракона, который был на шатре Роланда (ведь Роланд еще не вернулся с охоты), и установил его на большой башне Монтальбана, чтобы все люди могли его видеть. Когда король увидел это, он сказал: "Теперь Роланд взял крепость этих злодеев". Но когда он узнал правду, то едва не лишился чувств от ярости.

Тем временем король Иоанн не на шутку встревожился. И сказал он себе: "Чем все это кончится? Эти пять рыцарей, несмотря на то что они храбрые воины, не всегда могут одержать верх над властью короля". Тогда он созвал своих баронов на совет и попросил их совета. Один говорил одно, другой - другое, но большая часть не питала особой любви к Рейно. Из них выступил некий старик, которого звали графом Антонием. Он сказал: "Я знаю этого Рейно и знаю, какого он надменного нрава. У его отца был всего один город, а теперь он так высоко себя держит, что не желает быть человеком короля. И теперь вы питаете его гордыню, отдавая ему в жены свою сестру. И кончится тем, что он отнимет у вас королевство и заберет его себе. Если ты хочешь спасти себя от такого бесчестья, выдай его и его братьев королю".

Когда король Иоанн увидел, что этот совет понравился большей части его баронов, он сильно встревожился и заплакал от горя и стыда. Тем не менее он призвал к себе своего секретаря и сказал: "Теперь напиши королю и скажи, что, если он оставит впустую мою землю, я сейчас же доставлю ему сыновей Аймона и Мавгиса, их двоюродного брата. Если он пошлет в Ванкулер, то найдет их там, одетых в мантии алого цвета, отороченные мехом, и верхом на мулах". Секретарь написал в соответствии с этими словами письмо и отдал его рыцарю, чтобы тот отнес его королю Карлу. Когда король прочитал письмо, он очень обрадовался. И он передал посланнику короля письмо, в котором написал, что ему пришло в голову сделать, а именно: послать Ожье датчанина с отрядом рыцарей, которые должны взять братьев в плен. Также он прислал из своей казны четыре мантии алого цвета, отороченные мехом.

Получив письмо с мантиями, король Иоанн велел сотне рыцарей приготовиться к поездке с ним в замок Монтальбан. Когда он подъехал к замку, его сестра вышла приветствовать его, но когда она хотела поцеловать его, как было принято, он отвернул лицо, сказав: "Прости меня, сестра моя, у меня заболел зуб, который меня сильно беспокоит". Вскоре после этого братья вернулись в замок и, услышав, что там находится король, взяли каждый свой рог и затрубили в него приветствие. Когда король услышал этот звук, ему стало стыдно, но он не отступил от своей цели. Увидев братьев, он сказал им: "Я говорил за вас с королем Карлом, и он обещал, что если вы отправитесь на равнину Ванкулер верхом на мулах, в алых мантиях, которые я вам сейчас дам, с цветами в руках и без оружия, то он заключит с вами мир. Ибо как только вы броситесь к его ногам, он помилует вас и вернет вам ваши земли".

Среди братьев не утихали споры по этому поводу, ибо Рейно был намерен идти, а остальные не желали. Жена Рейно также была настроена против путешествия, рассказав ему о страшном сне, который ей приснился. "Я видела, - сказала она, - как из Арденнского леса вышла тысяча диких кабанов. Они набросились на тебя и разорвали твое тело на куски. Я видела, как Алард был убит стрелой французов, и как Ричард был повешен на яблоне". "Держи себя в руках", - сказал Рейно. "Тот, кто уповает на сон, мало верит в Бога. Думаешь, твой брат предаст нас? Разве он не пошлет с нами восемь своих главных баронов для гарантии?" Он сказал своим братьям: "Если вы боитесь, то я пойду один".

Так четверо отправились в Ванкулер, не без опасений, ибо Рейно и сам сомневался, до чего может дойти дело. Равнина Ванкулер была уединенным местом, где сходились четыре дороги, и со всех сторон простиралась леса, в которых по приказу короля в засаде сидели многие сотни рыцарей, готовых выступить и обрушиться на братьев. Главным из этих рыцарей был датчанин Ожье, и он ничуть не сомневался, как ему поступить, ибо, с одной стороны, он был в близком родстве с братьями, а с другой - обязан был исполнить повеление короля. Иногда он склонялся в одну сторону, иногда в другую. Сначала он позволил братьям

пройти невредимыми, когда мог бы захватить их на узкой дороге; затем, когда они оказались на равнине, он сам повел своих рыцарей против них.

Когда братья узнали, что против них совершено великое предательство, они приготовились защищаться, предварительно исповедав друг другу свои грехи, так как не было священника, которому они могли бы исповедаться. В тот день они совершили великие дела, но не без многих страданий. Сначала Гишар был взят в плен людьми короля и привязан к лошади. Однако Рейно освободил его из плена. Затем Ричард был тяжело ранен Герардом, лордом Валансьенским, и был близок к смерти, но и его Рейно, лучше которого в мире не было бойца, спас, пока не стало слишком поздно. И действительно, именно благодаря совету Ричарда братья обрели спасение. Когда он открыл глаза, будучи до этого в обмороке, и увидел Рейно, то сказал ему: "Видишь ли ты вон ту скалу, такую высокую и крепкую? Если мы сможем забраться туда, то будем в безопасности от наших врагов, по крайней мере, на некоторое время. Я также не сомневаюсь, что Мавгис, который знает то, что скрыто от других людей, знает, в каком бедственном положении мы находимся, и скоро приведет нам помощь".

И Алард поднял Ричарда с земли, положил его на свой щит и понес к скале, а Рейно и Гишар тем временем сдерживали людей короля с такой силой и доблестью, которые никогда не были превзойдены, ибо они сражались как люди, которые не надеются на свою жизнь, а думают только о том, как бы навести наибольший хаос среди своих врагов. И вот Огир датчанин снова оказал им хорошую услугу. Воистину, едва ли они смогли бы пробиться к скале, если бы не он: когда они оказались в самом затруднительном положении, он отвлек свою роту на расстояние выстрела из лука. "Вы можете разобраться с этими людьми без меня, - сказал он королевским баронам. "Лучше бы мне больше не вмешиваться в их дела, ведь они мои родственники". И вот так, в некоторой степени благодаря благосклонности Ожье, но главным образом благодаря собственной доблести, братья пробились к скале.

У скалы было четыре грани. Из них Рейно держал две, настолько он был силен, Гишар - одну, а Алард - одну. Что касается Ричарда, то он так изнемог от потери крови, что лежал на земле и не мог оказать никакой помощи. Через некоторое время их постигла злая случайность: Гишар был так тяжело ранен в бедро, что не мог больше стоять на ногах. Он обратился к Рейно: "Давайте сдадимся королю, ведь ни Ричард, ни я больше не можем вам помочь". "Это значит говорить как трус", - ответил Рейно. "Я не отдам себя за все золото и серебро мира, ни за Баярда, ни за моего коня, хотя я люблю его больше всего на свете. И в самом деле, какая выгода от того, что мы сдадимся? Нас наверняка повесит король, и лучше погибнуть здесь, чем так позорно". Услышав эти слова, Гишар сильно встревожился духом. "Ты прав, брат, - сказал он. "Разрежь мне сейчас половину моей рубахи на полоски, и я перевяжу свои раны, как смогу, и таким образом смогу помочь тебе против наших врагов". Так он и поступил; эти трое по-прежнему удерживали скалу против короля.

Тем временем Мавгис узнал, как предали его сородичей, и поспешил им на помощь. Он оседлал коня Баярда и поскакал с большой компанией рыцарей как можно быстрее к месту, где находились братья. Велика была радость Рейно, когда он увидел его; пока он был еще далеко, он узнал его, но не столько по нему самому, сколько по коню Баярду, на котором он ехал. Баярд был быстр, как ласточка, и каждый его шаг составлял не менее тридцати футов. Услышав это, Ричард сказал брату: "Подними меня на руки, чтобы я мог увидеть его". Рейно поднял его, и когда он увидел Мавгиса и Баярда, приближающихся, как буря, то сказал: "От этого зрелища я снова стал целым".

Ожье датчанин был рад, что к его сородичам пришла помощь. "Видите ли вы этих людей?" - обратился он к французам, - "Мы не можем противостоять им; давайте отступим". Но пока он говорил, Мавгис настиг его, так быстр был конь Баярда, и бросил ему вызов. "Огир, - сказал он, - ты производишь от правдивых людей, но сам ты неправдив", - и, подстегнув Баярда, он ударил его копьем в грудь с такой силой, что сломал и щит, и корсет. Чем бы все это кончилось, никто не может сказать, ибо Ожье со своей стороны не отступал, но вот конь Баярда, зная, что его хозяин рядом, унес Мавгиса на своих ногах, подошел и преклонил колени перед Рейно. Тогда Мавгис спустился с него и с любовью приветствовал братьев.

Что же касается Ожье и французам, то, не желая противостоять новоприбывшим, они поскакали обратно к реке Дордонь, а Рейно крикнул своему родственнику: "Кузен! Неужели ты оставил воинское дело и стал рыбаком на угря или лосося?"

Когда они переправились через реку, французы обвинили датчанина Ожье в том, что он благоволил к братьям, а Ожье, в свою очередь, был сильно обеспокоен, зная, что они говорят правду, и что братья не уважают его за все, что он сделал. Все это так подействовало на него, что он сел на коня и поплыл обратно через реку. Когда он выехал на другой берег, Рейно, спустившийся к реке на Баярде, сказал ему: "Кузен, конечно, мы уже достаточно повоевали; давайте довольствоваться этим". Но Ожье ответил: "Вы обвинили меня в предательстве, и мои собственные друзья говорят то же самое. Я предпочел бы быть убитым, чем терпеть такие упреки".

Рейно сказал: "Да будет так". И они бросились друг на друга и столкнулись с такой силой, что оба были выбиты из седла и упали на землю. Не успели они подняться, так как оба получили немалые повреждения, как оба коня, Баярд и другой, сцепились в схватке. Тогда Ожье, зная, что Баярд сильнее из них двоих, сразил бы его своим мечом. Рейно, напротив, помешал ему. И когда Мавгис и братья, то есть Алард и Гишар, поскольку Ричард был слишком тяжело ранен, увидели это, они поспешили подойти. Когда Ожье увидел их, ему ничего не оставалось, как сесть на коня и бежать. Тогда Рейно крикнул ему вслед: "Вернись, если хочешь, и принеси свое седло", так как подпруга была сломана во время их поединка, "и я встречу тебя в таком месте, чтобы Карл Великий со всеми своими людьми не смог тебе помочь". Так Ожье снова переправился через реку, а Мавгис с братьями вернулся к скале, где они оставили Ричарда.

ГЛАВА VI

О ремесле Мавгиса

Когда король Иоанн Гасконский слышал обо всех бедах, постигших братию, с одной стороны, и императора и его рыцарей - с другой, он не мог успокоиться, так сильно мучила его совесть. Поэтому, распрощавшись со своей сестрой Клэр, женой Рейно, он отправился в некое аббатство и принял там монашеский постриг. Но некий человек, который был шпионом, знал об этом и рассказал Роланду. Также он сказал, что братья и Мавгис едут в Монтальбан. Тогда Роланд, призвав сначала Оливера, сказал: "Мы пойдем сейчас и сразимся с сыновьями Аймона, и возьмем с собой только четыре тысячи человек, чтобы не иметь перед ними преимущества, так как у них пять тысяч хорошо конных и хорошо вооруженных". Огир датчанин сказал: "Я пойду с вами и посмотрю, как вы справитесь, и обещаю, что если вы схватитесь с ними, то я одолжу вам веревку".

Роланд первым пришел в аббатство и сказал аббату. "У вас здесь в монашеском одеянии некий Иоанн, которого люди называют королем Гаскони. Отдайте его мне, чтобы я повесил его как вора". И когда аббат не согласился, Роланд вошел в монастырь, силой схватил короля Иоанна, который был ему известен, и посадил его на коня, прижав лицом к хвосту. Король сказал одному знакомому рыцарю: "Ступай сейчас к Рейно и скажи, что я в тяжелом положении". "Сэр, - сказал рыцарь, - я сомневаюсь, что Рейно сделает хоть шаг, чтобы помочь вам". Тем не менее он согласился идти.

К этому времени Рейно приехал в замок Монтальбан. Но когда его жена, леди Клэр, вышла ему навстречу, он не позволил ей приблизиться к нему. "Иди, - сказал он, - к своему лжебрату Джону". И детей, а у него было двое сыновей, он отверг. "Я не потерплю этого злого выводка", - сказал он. Но когда леди Клэр поклялась всеми святыми, что не знала о злодеянии своего брата, и упала в обморок у его ног, а его братья также заступились за нее, его сердце смягчилось, и он согласился принять ее снова.

Когда они сидели за едой, пришел рыцарь от короля Джона. Он сказал: "Король Джон в тяжелом положении. Роланд взял его в плен и твердо намерен его повесить. Король знает, что тяжко провинился перед вами, но все же молит вас помочь ему". Тогда Алард воскликнул: "Если Роланд повесит этого предателя, он поступит хорошо". Но Рейно ничего не ответил.

Подумав немного, он начал говорить, рассказывая всю историю своей жизни, как он сам причинял зло другим, как много страдал и должен был проявить милосердие, а не твердость. "Король Джон, - сказал он, - мог бы предать меня, но он сделал это из страха перед королем Карлом. Мне подходит помочь ему в его нужде".

Братья согласились, хотя и не очень охотно. И вот они отправились в путь, имея шесть тысяч человек верхом и тысячу пеших, и не успели они проехать и нескольких часов, как к ним подошли Роланд, Оливер и Огир датчанин, с которыми, как уже было сказано, был король Иоанн.

Когда Огир увидел их, он очень обрадовался. "Если бы кто-нибудь дал мне тысячу марок золотом, - сказал он, - это не доставило бы мне такого удовольствия, как то, что Роланд встретится с братьями и маугисами и узнает, какого они качества". Роланду он сказал: "Теперь ты увидишь то, чего так долго желал. Если ты возьмешь этих людей живыми, король воздаст тебе за это великую благодарность, и ты получишь Баярда в свое распоряжение, и война будет окончена". Роланд ответил: "Ожье, ты говоришь это не по доброте, но я сделаю все, что в моих силах".

Рейно же, увидев Роланда и его отряд, сказал своим братьям: "Оставайтесь здесь, пока вас не разыщут. Я произведу суд над этим великим Роландом". И когда они хотели его удержать, он сказал: "Я знаю, что он сильнейший рыцарь во всем мире. И все же я встречу с ним, ибо мое дело правое, а его - неправое. Поэтому я непременно одержу победу".

Когда две армии сблизились, Оливер сказал Роланду: "Этих людей слишком много для нас". "Не так, - ответил Роланд, - гасконцы всего лишь трусы". "Может быть, - сказал архиепископ Турпин, - но у них сегодня хороший предводитель, а за доблестным человеком всегда идут доблестные люди".

REYNAUD KNEELING TO ROLAND.

РЕЙНО ПРЕКЛОНЯЕТ КОЛЕНО ПЕРЕД РОЛАНДОМ.

Роланд, которому этот разговор пришелся по душе, выехал навстречу Рейно. Но Рейно, когда он был уже на расстоянии выстрела, соскочил с Баярда и, воткнув копье в землю, привязал

своего коня и, выбежав вперед, преклонил колени перед Роландом и сказал ему: "Молю тебя сжалиться надо мной, ибо ты мне родня. Я отдам тебе Баярда, моего коня, это самое дорогое, что у меня есть, и мою светлость Монтальбана, если ты сможешь заставить короля примириться с нами. Кроме того, я обещаю, что покину Францию до конца своих дней и отправлюсь в Святую землю со своими братьями и мавгитами, чтобы там воевать с сарацинами".

Роланд был сильно встревожен этими словами и сказал: "Я бы хотел, чтобы так и было, но король не заключит мира, пока ты не доставишь ему Мавгиса". "Мавгис, - сказал Рейно, - это не то, что может дать или взять человек. А теперь, видя, что я напрасно смиряюсь, давайте вдвоем уладим это дело. Не нужно, чтобы другие проливали свою кровь, а только мы. Если ты победишь меня, то отведешь к королю, чтобы он поступил со мной, как пожелает; если же я одержу победу, то отведу тебя в Монтальбан, но ты не потерпишь ни вреда, ни позора".

На это Роланд согласился, но его друзья не захотели этого допустить. И вот две армии сошлись в битве, и многие были убиты с обеих сторон, но в конце концов Рейно и его люди одержали верх над Роландом и его войском. Тем не менее Рейно понес такой большой урон и потери, что его брат Ричард, напав на Роланда, был повержен и взят в плен.

Когда Рейно услышал эти вести, он сильно встревожился и готов был сдаться королю Карлу, если бы тот мог избавить его брата. Но остальные не захотели этого делать. Тогда Мавгис сказал: "Не беспокойтесь о Ричарде, я освобожу его. А вы отправляйтесь в Монтальбан". Но они сомневались, как ему это сделать, и пребывали в великой печали.

Тем временем Мавгис замаскировался так, что никто не мог его узнать. Съев одну траву, он стал намного больше, чтобы видеть, а другой травой он затемнил свое лицо почти до черноты. Затем он надел на себя одеяние паломника: мантию и капюшон, на ноги - большие сапоги, а в руку - посох. Сделав это, он понесся к лагерю короля с большей скоростью, чем если бы он ехал на самом быстром из коней, ибо он был волшебником, как уже было сказано. Эту скорость он использовал, чтобы опередить Роланда.

Когда он подъехал к лагерю, то наблюдал, пока король не вышел из своего шатра, и сказал ему: "Храни вас Бог, господин, от всякой измены!" Король, которого уже не раз обманывали, сказал: "Кто этот плут? Неужели он замышляет какую-то измену?" Некоторое время лжепаломник ничего не отвечал. Но потом, набравшись смелости, он сказал: "Господин, ты видишь, что я бедняк, который больше нуждается в здоровье, нежели в замышлении измены. Я недавно прибыл из Иерусалима, где поклонялся Гробу Господню, и теперь должен отправиться в Рим к святому Иакову Компостелльскому, но я в большой беде. Вчера, когда я переправлялся через реку Жиронду с десятью людьми, которых я приставил к себе для охраны, на меня напали разбойники, которые перебили всех моих людей и забрали все, что у меня было. Эти разбойники сказали мне, что они - четыре сына Амиона и один Мавгис, их двоюродный брат. А когда я спросил их, почему они так жестоко обошлись со мной, они ответили, что так нуждаются в своем замке Монтальбан, что не могут не грабить всех путников. Тогда они побили меня и отпустили. И теперь, сир, я молю вас отомстить мне за этих разбойников".

Король ответил: "Я с радостью отомстил бы за тебя, если бы мог, но против этих людей я ничего не могу сделать". И сказал лжепаломник: "Если я не могу получить помощь от человека, то, конечно, получу ее от Бога". Царь сказал: "Похоже, это благочестивый человек". И обратился к своим владыкам. "Будет добрым делом подать этому паломнику милостыню". И он приказал своему управителю дать ему двадцать фунтов серебра.

Когда Мавгис получил деньги, он сказал себе: "Конечно, ты получишь за это награду". Но вслух он сказал: "Молю вас, сир, дайте мне немного мяса, ибо со вчерашнего дня я не ел и не пил". И король повелел подать ему все самое лучшее.

И Мавгис ел и пил; он ничего не говорил, но очень серьезно смотрел на короля. И сказал Карл Великий: "Скажи мне, пилигрим, почему ты так пристально смотришь на меня?" Лжепаломник ответил: "Сир, я побывал во многих землях, но никогда не видел, ни среди сарацин, ни среди христиан, столь благочестивого и учтивого князя. Поэтому сейчас из всех помилований, которые у меня есть, я отдам тебе половину". "Это, - ответил король, - справедливый дар. Я принимаю его охотно". И лжепаломник отдал ему свой посох, чтобы тот поцеловал его в знак благодарности.

И вот пришел Роланд с пленным Ричардом. Но прежде чем он получил аудиенцию у короля, герцог Неймс и другие бароны сказали ему: "Будет плохо, если ты выдашь Ричарда королю. Пусть он уедет с миром". "Это, - отвечал Роланд, - я сделаю охотно, если смогу".

Но некий йомен, стоявший неподалеку, услышал разговор баронов и Роланда и рассказал об этом королю. И тот, выйдя из своего шатра, увидев Ричарда, воскликнул: "Злодей, теперь, когда ты у меня в руках, я позабочусь о том, чтобы тебя повесили за шею", - и ударил его своим посохом. Тогда Ричард прыгнул на короля, так как тот был развязан, и оба, борясь друг с другом, упали на землю. Но бароны наложили на них руки и разняли их.

Когда Мавгис увидел, как король поразил Ричарда, ему стоило больших усилий не шевелиться. Но все же он сдержался и сделал знак Ричарду, и когда Ричард узнал его, то обрадовался, будучи уверенным, что его освободят с его помощью.

После этого Мавгис покинул лагерь короля и со всей скоростью направился в Монтальбан. Прибыв туда, он сказал трем братьям: "Ричард еще жив, но он в большом затруднении. Идите и избавьте его, пока еще есть время". После этого все они отправились в путь. Но когда они приблизились к лагерю и укрылись в лесу, который находился неподалеку, случилось так, что от усталости все они погрузились в глубокий сон. И это чуть не погубило Ричарда.

Тем временем король созвал своих баронов. Сначала он сказал Беренгеру, владыке Валуа: "Я избавлю тебя от всякой службы мне, если ты возьмешь этого негодяя Ричарда и проследишь, чтобы его повесили". Беренгер ответил: "Вы мало любите меня, милорд король, если предъявляете мне такое требование. Я не сделаю этого".

Тогда король сказал другому барону: "Ты держишь у меня Баварию и обязан служить мне тремя тысячами человек. Я освобожу вас от этой службы, если вы повесите этого негодяя Ричарда". "Я не причиню ему вреда", - ответил граф.

Тогда он обратился к датчанину Ожье и сказал: "А теперь, если хочешь доказать мне свою любовь, повесь этого парня". "Нет, - ответил Ожье, - я этого не сделаю, и, более того, я считаю своим врагом любого, кто причинит вред Ричарду".

В конце концов он сказал архиепископу Турпину: "Повесьте этого Ричарда, и я сделаю вас папой римским". "Сир, - ответил Турпин, - сделать это было бы против долга моего священника".

Наконец король уговорил некоего рыцаря, по имени Рипус, чтобы тот совершил это деяние. И вот этот Рипус, накинув на шею Ричарда удавку, повел его к виселице, которую установили за лесом. И когда Ричард хотел дать ему золото, он не принял его. Он лишь потерпел, чтобы

его заколол священник, которому Ричард признался в большем количестве грехов, чем совершил за всю свою жизнь, и таким образом выиграл немного времени, ибо еще искал помощи. Когда же сечение закончилось, он попросил дать ему время, чтобы помолиться, но Рипус не смог ему отказать.

И вот, когда он был в величайшей нужде, помог ему добрый конь Баярд, ибо он, обладая такой смекалкой, какой никогда не было у коня, увидев, что Рейно, его хозяин, крепко спит, ударил копытом по его щиту, чтобы разбудить его, и, подняв голову, увидел, что виселица стоит у дерева, и Ричард начинает подниматься по лестнице, приставленной к виселице. Тогда он вскочил на спину Баярда и поспешил доставить Ричарда, а Мавгис, Алард и Гичард последовали за ним со всей быстротой, на какую были способны.

Что касается Рипуса и его людей, то они не смогли противостоять братьям и Мавгису. Многие были убиты, а остальные с радостью обратились в бегство. Тогда Рейно взял тела Рипуса и пятнадцати его рыцарей, которые лежали мертвыми на равнине, и повесил их на виселице, поставленной для Ричарда.

ГЛАВА VII

НОВЫЕ ДЕЯНИЯ МАВГИСА

Когда Рейно справился с освобождением своего брата Ричарда, он отправил большую часть своего отряда обратно в Монтальбан, а сам остался с остальными, задумав совершить какое-нибудь великое дело против короля Карла. Так он и поступил, ибо, пробравшись со своими товарищами в лагерь, он подошел к палатке короля. Перерезав веревки, так что весь шатер упал на землю, он положил руку на золотого Орла, который висел на большом шесте посередине, вещь настолько дорогую, что никто не мог сказать ее цену. В этом ему помог Мавгис.

Но это приключение едва не обернулось к большому несчастью братьев и Мавгиса. Ведь Мавгис не удовлетворился захватом орла, а хотел убить короля. Он пробрался во внутреннюю часть шатра, где лежал король, и сказал ему: "Сэр король, ты долго беспокоил нас, убивая моего отца и делая нам всякие пакости. И теперь ты умрешь". Сказав так, он метнул в короля свое копье; но король повернулся, и копье вонзилось в постель на два фута и более. Тогда король Карл сильно испугался и позвал Роланда. Услышав это, Мавгис оглянулся, но Рейно и братья уже ушли.

Когда он оказался один, то, несмотря на то, что он был таким же крепким воином, как и все, кто когда-либо обнажал оружие, он не на шутку встревожился и обратился в бегство. Но многие рыцари короля преследовали его и мешали ему бежать, и в конце концов Оливер одолел его, сбросив с коня на землю, так что он был вынужден сдаться в плен. И Оливер отвел его в шатер короля.

Увидев его, король очень обрадовался и сказал: "Теперь, лживый вор, ты заплатишь за все злодеяния, которые совершил". "Сэр король, - ответил Мавгис, - я в вашей власти, и вы

можете творить надо мной свою волю. Тем не менее, я посоветую тебе лучшее. Заключите мир, и у вас будут лучшие рыцари во всем мире, чтобы служить вам. Но если вы убьете меня, то не получите от этого дела никакой пользы, а только большой вред".

Король сказал своим баронам: "Прикажите сделать виселицу, чтобы я мог повесить этого Мавгиса или когда-либо еще". "Сэр, - сказал герцог Неймс, - я советую вам подождать до полудня. Ваши враги будут насмехаться над вами, говоря, что вы не посмели умертвить этого человека при свете дня, боясь их". Но король ответил: "Мне будет стыдно, если этот человек сбежит".

Услышав эти слова, Мавгис сказал королю: "Если ты этого боишься, то я даю тебе слово, что не уйду, не получив от тебя должного отпуска". "Но кто будет твоим поручителем?" - спросил царь. Тогда Мавгис, оглядевшись вокруг, увидел двенадцать пэров и сказал Оливеру: "Сэр, когда я отдался вам, вы обещали быть поручителем за меня перед королем". Затем он повернул его к Роланду и обратился к нему с такой же просьбой, и так было со всеми двенадцатью. И пэры согласились на его просьбу и выступили поручителями за него.

Тогда Мавгис сказал королю: "Я голоден, дай мне немного мяса". "Можешь ли ты есть, - сказал король, - находясь в таком бедственном положении?" Но герцог Неймс сказал: "Тот, кто поел, лучше подготовлен ко всему". "Пусть будет так, - сказал король, - но где сесть этому человеку?" "Лучше всего ему сесть рядом с тобой", - сказал Роланд. "Ты хорошо говоришь, - ответил король, - ибо я действительно не могу доверять ему быть в другом месте".

После ужина король велел двенадцати пэрам караулить Мавгиса всю ночь. Но и на этом он не успокоился: он позвал истуканов и связал им руки и ноги. А ключ от кандалов он оставил у себя. "Теперь, - сказал он, - тебе не уйти от меня, лживый вор". "Ты так думаешь?" - ответил Мавгис. "Тем не менее, я буду в Монтальбане завтра до приезда". И король так разгневался, что тут же зарубил бы его, но ему помешали пэры.

Сделав это, они сели играть за столы, и в шахматы, и в другие игры. Через некоторое время все они почувствовали сильное желание спать. Тогда Мавгис начал воздействовать на них своим волшебством. Сначала он сделал их сон более крепким, так что и король, и пэры, и вся компания были полностью им овладевшими. Затем другим заклинанием он снял ошейник с шеи и оковы с ног. Затем, видя, что король упал с запрокинутой головой, он взял подушку и подложил ее под него. Также он взял у него меч Радостный, а у Роланда - меч Дюрендаль, и меч, который носил Оливер, по имени Хаутклер. Также он взял много сокровищ из сокровищницы короля. Когда он сделал это, он взял траву, которая у него была, и натер ею нос и губы короля, и сказал: "Вставайте, сэр король, я сказал, что не должен уезжать, не взяв отпуска. Итак, прощайте", - и он исчез из этого места.

Когда король пришел в себя, он был так разгневан, как никогда прежде. Он хотел разбудить пэров, но не смог, так крепко они спали. Тогда он вспомнил о траве, которую привез из заграницы. Он натер ею нос, рот и глаза пэров, и они тотчас же проснулись. Сказал герцог Неймс: "Где теперь Мавгис?" "Он ушел, - ответил король, - и по вашей вине, ибо вы помешали мне, когда я хотел его повесить". "Ты видел, как он уезжал?" - спросил Оливер у Роланда. "Нет, клянусь святым Денисом", - ответил Роланд. Но король сказал: "Я видел, как он уходил, своими глазами". "Тогда ты должен был предупредить нас", - сказал Роланд, и, сказав это, он приложил руку к боку и упустил свой добрый меч Дюрендаль. И когда пэры обнаружили, что их мечи пропали, они были вне себя от гнева.

На следующий день король сказал своим баронам: "Отправляйтесь сейчас к Рейно и скажите ему, что если он вернет мне моего золотого Орла, мою корону и мой меч Джойус, то

я заключу с ним перемирие на два года. Ожье пусть возьмет это послание, а герцог Неймс и Турпин - архиепископа".

И вот они сели на коней и поскакали в Монтальбан. Когда они подъехали к воротам, то позвали привратника и сказали ему: "Мы рыцари короля и хотели бы поговорить с сэром Рейно". Тогда привратник рассказал все братьям.

Ричард подошел к воротам, вежливо приветствовал их и ввел в замок, где их с почестями приняли Рейно и леди Клэр, а также Алард и Гишар. Затем Ожье передал свое послание, и Рейно сказал: "Оставайтесь здесь, милорды, на эту ночь, а утром мы дадим вам ответ". На это они согласились. Тогда был приготовлен большой пир, и они уселись за стол и были по-королевски веселы.

На следующий день герцог Неймс сказал Рейно: "Какой ответ вы дадите королю?" Рейно ответил: "Я сделаю все, что он пожелает".

Когда Ожье датчанин услышал это, он обрадовался и подумал: "Теперь король будет очень доволен. Может быть, будет не только перемирие, но и мир. Если я смогу уговорить Рейно вернуться с нами к королю, то они смогут примириться". Так он изложил Рейно свою мысль, и Рейно согласился.

На следующий день они отправились в путь. Ожье и герцог Неймес со всей возможной скоростью направились к лагерю короля, а Рейно и Алард медленно следовали за ними вместе с Турпином и еще одним человеком.

Тем временем некий шпион, осведомленный обо всем, поспешил рассказать об этом королю, и сделал он это еще до того, как Ожье и герцог прибыли в лагерь. Когда король услышал об этом, он сказал Оливеру: "Возьми с собой двести рыцарей и поезжай со всей поспешностью к реке Безансон, где, если ты проявишь усердие, ты найдешь Рейно и Аларда. Схватите их и приведите ко мне".

И поскакал Оливер со своими рыцарями, и когда он подъехал к реке, то обнаружил, что Рейно идет пешком, а Байярд на своем коне так далеко от него, что он не может сесть на него; так что он был застигнут врасплох. Тогда он в великом гневе обратился к Турпину и тому другому и сказал: "Злодеи, вы предали меня". "Сэр, - ответил Турпин, - клянусь вам, что я невиновен в этом деле".

Рейно сказал Оливеру: "Вспомни, как я помог тебе в Ванкулере, когда тебя свалили на землю, дал тебе коня и помог сесть". "Я хорошо это помню", - ответил Оливер. "Ни один человек не причинит тебе вреда, если я смогу ему помешать. Тем не менее я должен отвести тебя к королю". И они отправились в лагерь.

А герцог Неймс, и Ожье, и Оливер, и все пэры умоляли короля, чтобы он заключил мир с братьями. Но он ожесточил свое сердце против них. "Вы напрасно тратите свое дыхание, - сказал он, - я сделаю то, что решил, хотя вы все будете говорить мне "нет"; и, обратившись к Рейно, он сказал: "Ты не обманешь меня, как обманул этот лживый вор Мавгис, ибо я разрежу тебя на куски и сожгу эти куски в огне". "Господин, - ответил Рейно, - ты не сделаешь этого, Бог мне помощник".

Король, получив такой вызов, обратился к Ожье и сказал: "Ожье, примешь ли ты роль моего смертельного врага?" "Не стану", - ответил Ожье; "однако я буду защищать свою честь перед всеми людьми, даже перед королем".

Тогда Рейно сказал: "Господин, вы сказали, что я предатель. Так знайте же, что я не предатель, и нет предателя во всем моем доме и роду. И если кто скажет что-либо против меня или моих сородичей, то я буду биться с ним, как мужчина с женщиной". Король ответил: "Я докажу свое обвинение против тебя силой оружия". Тогда Рейно снова сказал. "Господин, вы говорите так, как должен говорить король. Я даю вам слово, что я такой же правдивый человек, как и все живущие на свете". "Я приму ваши слова", - ответил король, - "если вы сможете найти поручителей". Тогда Ожье и Терпин, герцог Неймс и еще кто-то выступили поручителями за него.

Рейно сказал королю: "Довольны ли вы этими поручителями?" "Да", - ответил король. Тогда Рейно хотел узнать, с кем ему следует сражаться. "Со мной", - сказал король. Но когда Роланд услышал это, он сказал: "Так не должно быть, сир; я буду сражаться вместо вас". Так и было приказано. Тогда Рейно, сев на Баярда, вместе с герцогом Неймсом, Ожье и другими пэрами вернулся в Монтальбан.

ГЛАВА VIII

КАК МАВГИС СТАЛ ОТШЕЛЬНИКОМ

В тот вечер Рейно развлекал баронов по-королевски. На следующий день, после того как они отслужили мессу, он собрался в путь и сказал своим братьям и Мавгису: "Оставайтесь здесь и охраняйте этот замок". "Нет, - сказал Алард, - мы пойдем с тобой. Может быть, тебе понадобится помощь". "Алард хорошо говорит", - сказал Огир датчанин. Тогда Рейно сказал Мавгису: "По крайней мере, ты останешься здесь". "Я так и сделаю, светлый кузен, - ответил Мавгис, - и будь уверен, что Монтальбан не пострадает от меня".

Рейно поскакал к Монфокону и застал там Роланда, который ждал его. Роланд заговорил первым и сказал: "Будь уверен, сэр Рейно, что когда ты сегодня покинешь поле боя, ты так его покинешь, что никогда больше не будешь сражаться ни со мной, ни с кем-либо другим". "Такие угрозы не подобают хорошему рыцарю", - ответил Рейно. Роланд снова сказал: "Я здесь не для мира, а для войны. Если ты мудр, то будешь держаться от меня подальше". "Ты слишком горд, - ответил Рейно, - может быть, я умерил бы твои высокие помыслы".

Когда Рейно произнес эти слова, он пришпорил Баярда и бросился на Роланда, а Роланд тоже бросился с его стороны. С таким сильным ударом они сошлись, что их копья разлетелись на куски. Что касается Рейно, то его повалило на землю, подпруги седла сломались, а ноги Роланда выскочили из стремян. Тогда Рейно, быстро поднявшись с земли, нанес Роланду мощный удар мечом, так что тот едва понял, где находится. Тем не менее, выхватив свой добрый меч Дюрендаль, он бросился на Рейно и нанес ему сильный удар. Долго и ожесточенно сражались эти двое, ибо оба они были такими же выносливыми рыцарями, как и все живые.

Тогда герцог Неймес воззвал к королю: "Негоже посылать на смерть двух столь доблестных рыцарей, которые могли бы сослужить добрую службу язычникам. Прикажите им прекратить бой, сэр король". Но король ничего не сказал.

Рейно сказал Роланду: "Давайте спустимся на землю и будем сражаться пешими, чтобы случайно не убить наших коней, ведь если мы их потеряем, то вряд ли получим таких же снова". Роланд был доволен. И вот они сошли с коней и стали сражаться пешими. Сначала они сражались на мечях, но ни один из них не мог одержать верх над другим. Когда Роланд увидел, что мечом ему не одолеть, он обхватил другого за талию и стал бороться с ним так, как это делают северяне. Так они боролись столько времени, сколько человеку требуется для того, чтобы пробежать милю. Потом, видя, что ни один из них не может повалить другого, они сели, совершенно измученные; шлемы и щиты их были частично разбиты, а земля, на которой они стояли, была истоптана, как будто люди били на ней кукурузу.

И тут произошло удивительное событие. На них внезапно опустилось такое густое облако, что ни один из них не мог видеть другого. Тогда Роланд, немного подумав, сказал Рейно: "Окажи мне любезность, и я когда-нибудь, если ты будешь в ней нуждаться, сделаю то же самое с тобой". Рейно ответил: "Я готов сделать все, о чем вы меня попросите". Тогда Роланд сказал: "Я хочу, чтобы ты взял меня с собой в Монтальбан, ибо я убежден, что в этом деле ты прав, а я не прав".

И Роланд сел на своего коня, а Рейно - на Баярда, и они поскакали прочь бок о бок. Когда король Карл увидел их, он не на шутку изумился и, вскочив на коня, воскликнул: "Теперь я увижу, кто на моей стороне!" И он поспешил за двумя рыцарями, и многие французы поехали с ним.

К этому времени король, вновь лишившись воли, ибо считал, что Роланд одолеет Рейно, еще более твердо решил не давать братьям мира; поэтому он велел герцогу Ричарду Нормандскому ехать дальше и охранять переправу через реку, а сам последовал за ним со всем войском, которое мог собрать.

Так король со своим войском прибыл в Монтальбан и поставил свой шатер перед большими воротами замка. Один пришел к Мавгису и сказал: "Король пришел с большим войском и поставил свой шатер перед большой стеной". "Не обращай на это внимания, - ответил Мавгис, - если король сделал это, то сделал себе во вред".

Когда Рейно узнал об этом, он рассказал об этом Роланду, и Роланд сказал: "Теперь я пошлю королю, моему дяде, это послание - что Рейно поступил со мной очень вежливо, и что он, его братья и Мавгис отдадут себя и свой замок в его руки, если только он пообещает сохранить нам жизнь". "Ты хорошо говоришь", - сказал Рейно; "я согласен на это".

Затем они стали сомневаться, кому отнести это послание королю. В конце концов было решено, что отнести его должны герцог Неймский и датчанин Ожье. И вот эти двое отправились к королю, где он сидел в своем шатре перед большими воротами замка.

Но король ожесточил свое сердце и не стал слушать герцога Неймса и Ожье. Более того, он воскликнул: "Бегите отсюда, злодеи! Рейно не будет иметь со мной мира, пока я не получу Мавгиса, чтобы поступать с ним по своему усмотрению". Тогда бароны вернулись в замок и рассказали, как у них все получилось. Рейно сказал: "Я удивляюсь, что король так жесток сердцем. Но Мавгис я ему не отдам; нет, пусть даже я умру за него".

Затем они отправились ужинать и с большим удовольствием съели свое мясо. Покончив с ужином, Рейно сказал Мавгису: "Кузен, прошу тебя, подежурь эту ночь, ибо от этого зависит жизнь всех нас". "Спи спокойно", - ответил Мавгис, - "ибо все будет хорошо".

Когда все бароны легли спать, Мавгис вывел Баярда из конюшни и поскакал к королевскому лагерю. Прибыв туда, он наложил на всех воинов чары, которыми обладал, очень глубокий

сон. Сделав это, он вошел в шатер короля, взял его с постели, положил на Баярда и понес его, еще спящего, в Монтальбан.

Мавгис вошел в покои Рейно и сказал ему: "Кузен, что бы ты дал мне, если бы я передал короля в твои руки?" "Я дам тебе все, что ты попросишь", - ответил Рейно. "Тогда обещай мне, что не причинишь ему вреда", - сказал Мавгис. Рейно ответил: "Обещаю". Тогда Мавгис привел его в свои покои и показал ему короля, спящего в своей постели.

Когда Мавгис передал короля Рейно, тот пошел в конюшню, где оставил Баярда, натер соломой спину и голову коня и поцеловал его, плача при этом. После этого он надел на него свое одеяние паломника и, отдав носильщику всю одежду, которая у него была, вышел из ворот.

Мавгис путешествовал, пока не пришел к реке Дордонь. Он переправился через нее на лодке и, пройдя через сосновый лес, который находился на другом берегу реки, подошел к колодцу, у которого стоял маленький домик с источником перед дверью, в котором удобно было бы поселиться отшельнику. Войдя в дом, он увидел ораторий, а в нем образ Богоматери, и, опустившись перед ним на колени, стал молиться, чтобы Господь простил ему грехи. После этого он дал великий обет, что будет жить в этом месте до конца своих дней, питаясь только теми дикими вещами, которые были в лесу. Так он и поступил, думая, что, если он уедет, король помирится с братьями.

ГЛАВА IX

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В МОНТАЛЬБАНЕ

Когда братья узнали, что Мавгиса нет в Монтальбане, они пришли в большое смятение и недоумение. Тогда они позвали носильщика и спросили его, что ему известно. Носильщик сказал: "Сэр Мавгис выехал на Баярде; через некоторое время он вернулся, имея перед собой человека большого роста на шее лошади, и вошел в замок. Затем он вышел снова, плохо одетый и на другом коне. Больше этого я не знаю".

Услышав это, Ричард заскрипел зубами от злости и сказал: "Все это происходит от ненависти, которую король питает к нам и нашим сородичам. Я хотел бы убить его", - и он сделал вид, что хочет выхватить меч из ножен. Но остальные удержали его и уговаривали, пока он не пообещал не причинять королю зла.

Когда они рассказали о случившемся Роланду и другим баронам, те были немало удивлены, и Огир датчанин сказал: "Все эти неприятности происходят из-за гнева короля на братьев, ибо он и в самом деле превышает всякую меру. Но теперь, я верю, наступит мир. По правде говоря, война длилась слишком долго, и много хороших рыцарей было убито".

И вот чары, наложенные Мавгисом на короля, закончились, и он очнулся от сна. И когда он узнал, что находится в замке Монтальбан, и понял, что это дело рук Мавгиса, он разгневался еще больше, чем прежде, и сказал, что не будет мира, пока Мавгис не будет выдан ему.

Когда Ричард услышал, что он так говорит, он сказал: "Вы угрожаете нам, сир, таким образом, будучи пленником и находясь в нашей власти?" Но Рейно сказал: "Молчи, брат мой; пусть король говорит, что хочет; нам же остается молиться, чтобы он заключил с нами мир". Тогда братья и все рыцари и бароны, которые там были, как с одной, так и с другой стороны, пали на колени перед королем и умоляли его заключить мир, но король ожесточил свое сердце, сказав: "Не будет мира, пока Мавгис не будет отдан на мою волю".

Рейно сказал: "Господин мой король, если бы три моих брата были в вашей власти и вы собирались бы их повесить, я бы и тогда не отдал вам Мавгиса. Но кроме этого я не знаю, где он". "Я верю, что он в этом самом месте", - сказал король. "Клянусь своим крещением, - воскликнул Рейно, - что это не так, и я не знаю, куда он ушел".

Тогда все бароны снова обратились к королю с мольбой, чтобы он даровал мир братьям и Мавгису. Но король ни на йоту не ослабил своего гнева. "Мне нужен Мавгис, и я могу творить над ним свою волю".

Услышав эти слова, Рейно поднялся с колен, ибо до этого он стоял на коленях перед королем, и сказал, обращаясь к Роланду и другим лордам, которые были на стороне короля: "Видя, что король ожесточил свое сердце и не хочет пощадить меня и моих сородичей, я призываю вас в свидетели, что отныне буду добиваться своего права всеми средствами, которые может законно использовать настоящий рыцарь". Затем он повернул его к королю и сказал: "Можешь идти с миром, когда пожелаешь, я не причиню тебе зла, ибо ты - мой суверенный повелитель".

Когда бароны короля услышали эти слова, они были немало удивлены, не думая, что кто-то может так великодушно поступить со своим врагом. Что касается Ричарда, то он был очень недоволен и сказал: "Теперь ты отпустил врага; я очень боюсь, что мы все поплатимся жизнью за эту дурную любезность, которую ты проявил к нему". Но Рейно ответил: "Молчи, брат; знай, что я не стану принуждать короля делать то, что против его воли. А теперь уйди с моих глаз, ибо твои высокие слова мне не по душе".

Тогда Рейно позвал к себе дворянина из своих домочадцев и сказал: "Ступай без промедления к старшине, который отвечает за моих лошадей, и прикажи ему привести мне Баярда. Я хочу, чтобы мой государь вернулся на нем в свой лагерь; лучшего коня ему не найти". Старшина привел Баярда, король сел на него и поехал в свой лагерь, где французы приняли его с большой радостью.

Король велел оруженосцу отвести Баярда обратно в Монтальбан, и, увидев его, Рейно сказал Роланду и другим баронам: "Добрые мои сеньоры, я знаю, что король недоволен вами за вашу любовь ко мне. Поэтому уходите и заключите с ним мир. Что же касается меня, то, если я в чем-то провинился перед вами, я прощаю это от всего сердца".

Когда герцог Неймс услышал эти слова, он хотел преклонить колени перед Рейно, но добрый рыцарь этого не допустил. Тогда герцог сказал: "Конечно, не может не быть, что сердце короля смягчится, когда он услышит, как благородно Рейно повел себя в этом деле". "Вы хорошо говорите", - сказали остальные бароны.

Затем из конюшни привели коня Роланда и остальных лошадей. Когда они сели на коней, из дворца вышла леди Клэр и сказала им: "Милорды, я умоляю вас заключить мир, если это возможно, между королем и моим мужем, ибо у него действительно большое сердце, как вы прекрасно знаете". И герцог Неймс ответил: "Леди, мы сделаем это, если это возможно". Так

он и его товарищи с большой печалью расстались с Рейно и леди Клэр и поскакали в лагерь короля.

Бароны умоляли короля заключить мир с Рейно, но он не слушал их, а наоборот, еще больше разгорелся гневом против него и его сородичей. Сначала он приказал своим людям напасть на замок. Это они делали с большим усердием, принеся с собой орудия, с помощью которых бросали в него камни и дротики, и установив на стенах лестницы, по которым они забирались на самые верхние части. Но все это ничего не дало, а только навредило людям короля, из которых многие были ранены и убиты.

Когда король понял, что таким образом ему не одержать верх, он велел своим людям прекратить штурм замка, сказав: "Если я не могу овладеть этими злодеями силой, то возьму их голодом". Поэтому он поставил у каждых ворот по двести рыцарей, которые не позволяли никому ни выходить, ни входить.

Через некоторое время в Монтальбане начался сильный голод, так что человек не мог купить еды ни за серебро, ни за золото, и не мало людей погибло от голода.

Когда сведения об этом дошли до ушей короля, он очень обрадовался и сказал своим баронам: "На этот раз, думаю, Рейно от меня не уйдет. Клянусь святым Денисом, я повешу его, а лже-Ричарда потащу за конский хвост, и точно так же поступлю с Алардом и Гишаром".

Но Роланд, Ожье и герцог Неймес очень сожалели и обращались к королю с мольбами, но он ожесточил свое сердце против них.

В замке свирепствовал такой голод, что Рейно и его люди едва могли поддерживать в себе жизнь. Тогда леди Клэр сказала своему мужу: "У нас в конюшне больше сотни лошадей, так давай же зарежем одну из них, чтобы у тебя, у меня и у детей было хоть немного мяса, ибо мы действительно не ели ничего уже три дня". И, сказав это, она упала в обморок к ногам своего мужа.

Тогда Рейно отправился в конюшню и, выбрав одну из лошадей, велел убить ее и накормить, что и было сделано, но это была мелочь среди многих. И так они делали, пока не были съедены все лошади, кроме четырех, то есть Баярда и по одной лошади каждого из братьев.

В конце концов дошло до того, что есть стало нечего, кроме этих четырех лошадей. Но Ричард сказал: "Моего коня вы не возьмете, нет, даже если мы умрем все вместе. Воистину, мы не дошли до этого, если бы не наше безрассудство, когда мы взяли короля в руки и отпустили его на свободу". Когда мальчик Аймон, который был сыном Рейно, услышал это, он сказал: "Что толку, дядя, говорить о том, что прошло и ушло? К тому же я не сомневаюсь, что доброта, которую мой отец проявил к королю, когда-нибудь обернется ему на пользу".

Услышав столь мудрые слова мальчика, Ричард взял его на руки и поцеловал, плача при этом, и сказал Рейно: "Пусть мой конь будет убит и отдан на мясо леди Клэр и молодым мальчикам, моим племянникам, и другим нуждающимся". Так и было сделано.

Через несколько дней дошло до того, что из всех лошадей в живых остался только Баярд. И когда братья хотели убить и его для еды, Рейно воспротивился, сказав, что скорее умрет, чем его лошадь будет убита. Но когда леди Клэр умоляла его, а также его детей, он уступил им, сказав, что лошадь должна умереть. Тогда он отправился в конюшню, чтобы самому совершить этот поступок. Но когда он посмотрел на Баярда и вспомнил, сколько раз этот благородный зверь спасал ему жизнь, он раскаялся в своем намерении. Тогда он дал ему горсть сена, ибо ничего другого дать не мог, и, вернувшись к леди Клэр и своим братьям,

сказал: "Потерпите до ночи, и у вас будет мясо. Это я вам обещаю", ибо в сердце его была цель.

Затем он оседлал Баярда и незаметно подъехал к палатке своего отца, что стояла в лагере короля, ибо он хорошо знал, где она находится.

Когда Рейно увидел герцога Аймона, он сказал ему: "Ради бога, отец мой, дай мне еды, ибо моя жена, и мои дети, и мои братья, и все мои люди умирают от голода. Пока я жив, у нас остался только этот конь Баярд". Но герцог ответил: "Я дал клятву королю, что не окажу вам никакой помощи ни едой, ни чем-либо другим".

Рейно снова сказал: "Отец мой, пожалейте свою плоть, ибо таковы мы. Король поступает с нами очень плохо, когда преследует нас таким образом".

Когда герцог услышал эти слова, он едва не упал в обморок от жалости. Через некоторое время он сказал: "Вы верно говорите, что король поступает с вами несправедливо. Итак, слезай с коня, иди в шатер и бери все, что найдешь, и никто тебе не запретит; но, ради моей клятвы, я могу ничего тебе не дать". И Рейно вошел в шатер, и взял все, что смог найти, и положил на спину Баярда, и понес в Монтальбан. В ту ночь они ели свое мясо в замке с радостью в сердце.

На следующий день герцог Аймон позвал своего управителя и сказал ему: "Возьми сейчас три двигателя, которые король велел мне сделать для штурма замка, и наполни их не камнями, а мясом, соленым и свежим, и буханками хлеба, и другими продуктами, и прикажи, чтобы они спустили все это в замок". И управляющий сделал так, как велел ему герцог.

Когда король услышал, что сделал герцог Аймон, он очень разгневался и послал за ним в свой шатер. И когда герцог пришел, он сказал ему: "Как ты дерзок, что кормишь моих смертельных врагов. Воистину, ты лишишься за это головы". Герцог ответил: "Сир, если бы вы сожгли меня в огне, я бы не подвел своих детей. Они не воры, не убийцы, не предатели, а такие же добрые и верные рыцари, как и все на свете".

Когда король услышал, что герцог так говорит, он сделал вид, будто хочет его ударить. Но герцог Неймс выступил вперед и сказал: "Сир, я бы посоветовал вам отправить герцога в его дом. Вы не можете рассчитывать на то, что он будет с вами в этом деле, что он увидит, как его дети умирают на его глазах". Тогда король сказал герцогу Аймону: "Немедленно убирайся из моего лагеря, ибо ты причинил мне больше вреда, чем можно рассказать". И герцог ответил: "Я охотно исполню твою просьбу". Но прежде чем уйти, он сказал пэрам: "Милорды, я передаю вам своих детей. Смотрите, молю вас, чтобы они не пострадали".

Король приказал сломать все военные машины, опасаясь, как бы другие бароны не забросили в замок съестные припасы. Так Рейно и его люди получили мир, ибо никто не нападал на замок. Но через несколько дней, когда все запасы были израсходованы, голод стал таким же сильным, как и вначале.

Алард сказал: "Брат мой, мы не можем больше жить без мяса". Тогда Рейно взял в руки меч и пошел в конюшню, имея в сердце своем желание зарубить своего коня. И когда Баярд увидел его, ибо он не приходил к нему уже много дней, он обрадовался. Тогда Рейно сказал: "Я был жесток, если причинил тебе зло, добрый ты зверь". Но Йонне, который был его младшим сыном, сказал: "Отец, неужели ты решил, что моя мать и мой брат должны умереть, а Баярд жить?"

Тогда Рейно сильно встревожился, сомневаясь, как ему поступить. Тогда он придумал, как ему поступить. Он позвал таз, взял кровь из лошади и, смешав ее с другими вещами, которых у них было немного, приготовил кашу, которой немного подкрепил леди Клэр и детей. Так он делал четыре дня, но на пятый день конь стал настолько слаб, что кровь из него совсем не шла. И теперь казалось, что вся надежда потеряна.

Когда Рейно, его родня и дом оказались в таком бедственном положении, пришел старик, который хотел поговорить с ним. "Сэр, - сказал он, - вы сделали столько, сколько не смог бы сделать ни один человек, чтобы сохранить этот замок, но теперь вы не можете сделать больше. Но послушайте меня. Я был при строительстве этого места много лет назад, когда был еще совсем маленьким ребенком. И помнится мне, что лорд, построивший его, сделал тайный ход, по которому человек может сбежать, если ему вздумается. Я покажу тебе этот путь, и ты сможешь без опаски покинуть это место".

REYNAUD AND BAYARD.

РЕЙНО И БАЙЯР.

Рейно был так рад услышать это, что забыл о голоде. Тогда он взял своего коня, который, правда, едва мог стоять из-за слабости, и всех людей, оставшихся в замке; и они вошли в

тайный ход, который указал им старик. Когда они прошли часть пути, Рейно увидел, что с ними нет короля Иоанна Гасконского. Он сказал: "Мы поступили дурно, оставив короля Иоанна. Для нас было бы позором, если бы он умер, как голодный волк, упавший в яму". И он вернулся и привел его. Остальным было мало радости видеть его, и даже леди Клэр, которая была его сестрой, резко сказала ему: "Брат, ты причинил мне такой вред, что вполне заслуживаешь смерти". Но Рейно сказал: "Я присягнул королю и должен спасти его". И когда остальные услышали эти слова, они признали, что мысли Рейно более достойны христианина, чем их собственные.

Так, пройдя по тайному пути некоторое время, они дошли до конца и, выйдя наружу, обнаружили, что находятся в Змеином лесу. Многие претерпели они в пути, но ради надежды и с помощью диких плодов, которые собирали по дороге, выстояли. И вот с большим трудом и неприятностями они пришли в Арденны и были приняты с большой радостью.

ГЛАВА X

КАК БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН МИР

Примерно через семь дней после этих событий король проезжал мимо замка, ибо хотел узнать, как обстоят дела у осажденных. Не увидев на стенах ни одного человека, он не мало удивился и, вернувшись сразу же в лагерь, созвал своих баронов и рассказал им об этом деле.

Герцог Неймс сказал: "Мы должны узнать, что постигло этих людей; давайте притворимся, что совершаем нападение". И они притворились, что хотят напасть, но никто не вышел на защиту замка. Тогда король сказал: "Они все умерли от голода", и приказал приставить к стенам длинную лестницу. По ней взобрались некоторые пэры, первым был Роланд, а за ним Огир Датский и Оливер. Но, не найдя никого, они спустились на другую сторону и открыли ворота, чтобы король мог войти.

Король вошел, но, не увидев во всем помещении ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, очень удивился. И когда он искал, то нашел тайный ход, увидев который, воскликнул: "Вот что сделал этот лжец Мавгис! Воистину, он разобьет мне сердце от гнева". Но герцог Неймс ответил: "Не так, мой господин; этот путь был проложен много лет назад".

Тогда по повелению короля Роланд с отрядом воинов отправился тайным путем, пока не пришел в Змеиный лес. Там не было никаких признаков того, что многие люди прошли этим путем. Тогда он вернулся в замок и рассказал об увиденном королю, а король со своим отрядом на некоторое время остановился в Монтальбане.

К королю прибыл гонец с вестями о братьях. Он сказал, что видел, как они устраивали большой суд в городе Арденне, и что у них с собой много сокровищ и большая компания.

Когда король услышал это, он поклялся святым Денисом, что не успокоится в своей постели, пока не осадит Рейно и его компанию. Тогда он приказал своим баронам приготовить багаж и со всей возможной поспешностью отправиться в Арденны, что они и сделали.

Когда Рейно узнал об их приближении, он дал великую клятву, что не потерпит, чтобы его осаждали. "Скорее, - сказал он, - я сражусь с королем в открытом поле; поистине, если случайно он попадет мне в руки, я не стану жалеть его, как в прежние времена". "Теперь, брат мой, - сказал Ричард, - ты говоришь как мужчина; если дело дойдет до боя, я не откажусь от своего долга". И Гишар с Алардом сказали то же самое.

Тогда Рейно отдал приказ своему отряду, и Байярд, сев на коня, поскакал навстречу войску короля. Когда король увидел его приближение, он так обезумел от ярости, что готов был сразиться с ним, человек с человеком. Когда герцог Неймс увидел это, он сказал: "Сир, что вы собираетесь делать? Было бы глупо сражаться с этими людьми. Лучше заключите с ними мир. Ибо независимо от того, победим мы или они, мы понесли тяжелую потерю храбрых людей, которую никогда не восстановить". "Откажись от такого совета, - сказал король, - лучше я буду разорван на части, чем заключу мир с этими злодеями. Поэтому больше не говори со мной об этом, а неси Орифламму Франции, как подобает благородному рыцарю". "Так я и сделаю", - ответил герцог. "Воистину, нет человека настолько старого, чтобы он был горяч в бою".

Тогда хозяева сошлись в битве, и бой становился все ожесточеннее и ожесточеннее. Сначала Рейно с братьями отбросил королевских воинов. Первым ударом Рейно снес голову рыцарю, а мечом срубил голову другому с шеи. Затем он громко воскликнул "Арденны!", и мужество его людей возросло настолько, что люди короля не могли ничего противопоставить им.

Увидев это, король со всей силой бросился на своих противников, убивая по рыцарю с каждого удара. А когда его копье было сломано, он выхватил меч и совершил с ним чудесные подвиги. Никогда он не держался так доблестно, как в тот день.

Когда Роланд увидел, как его дядя сражается на самом переднем крае битвы, он сильно испугался, чтобы с ним не случилось несчастья. Поэтому, прищпорив коня, он поспешил ему на помощь. Так же поступили и остальные двенадцать пэров, и королевская рать осталась против людей Рейно. С самого утра до полудня битва была настолько равной, что никто не мог сказать, кто одержит верх - та или другая сторона. Но когда солнце стало клониться к закату, люди Рейно начали сдавать позиции, так как их стало меньше, и они были измотаны боем. Тогда Рейно сказал тем, кто нес его штандарт: "Пора отдохнуть, несите штандарт домой".

Когда король заметил это, он громко воскликнул: "Они летят; следуйте за ними со всей скоростью; не дайте им сбежать". Это стало причиной немалого ущерба, ибо Рейно с братьями и рыцарями, которые были на его стороне, бросились на тех, кто шел следом, убили многих и взяли в плен Ричарда, герцога Нормандского. Его они отнесли в Арденны и закрыли ворота.

Роланд отправился к королю и сказал: "Братья взяли герцога Ричарда; чтобы не причинить ему вреда, предложите условия мира. Помните, сир, что вы уже пятнадцать лет ведете войну с сыновьями Аймона. Воистину, если бы вы делали против сарацин столько же, сколько делали против них, вы бы к этому времени привели их к христианской вере".

Король сказал: "Не говорите больше о мире; его не будет только на тех условиях, которые вам известны. Что касается герцога Ричарда, то они не посмеют причинить ему вреда".

Тогда король осадил город и подтянул к нему большие военные машины, ожидая, что Рейно отдаст его в его руки, ибо думал, что к этому времени его силы уже почти иссякли. Но когда

прошло много дней, а из города не приходил гонец, он начал сомневаться в себе. Тогда он созвал своих лордов и сказал им: "Меня беспокоит, что у нас нет вестей о герцоге Ричарде". Роланд ответил: "Сир, я удивляюсь, что вы не понимаете истины. Герцога Ричарда мы больше никогда не увидим, если вы не заключите мир с Рейно и его братьями".

Когда король немного поразмыслил над этим вопросом и понял, что Роланд сказал правду, он сказал: "Идите трое из вас, а именно герцог Неймс, Ожье Датчанин и Роланд, с оливковыми ветвями в руках и скажите ему: "Так говорит король, отдайте мне Мавгиса в руки, и я дам вам мир; вы и ваши братья снова получите свои земли, а двух ваших сыновей я приму при моем дворе и своими руками сделаю их рыцарями"".

Три барона отправились туда с оливковыми ветвями в руках и передали послание короля Рейно. Тот ответил: "Милорды, я от всего сердца рад видеть вас; однако я очень удивлен посланием короля. Он требует, чтобы я отдал ему Мавгиса. Теперь весь мир знает, что у меня нет Мавгиса, чтобы отдать или не отдать. Воистину, я потерял его, и лучшего друга или родственника не было по жестокости и черствости короля. Поэтому вернитесь к королю и скажите: "Мавгиса я не могу отдать, да и не отдал бы, если бы мог. Что же касается герцога Ричарда, то завтра я повешу его над главными воротами в Арденнах". А вы больше не приходите ко мне с подобными поручениями. Обещаю вам, что если впредь кто-либо придет с подобным посланием от короля, я срублю ему голову".

И вот три барона вернулись к королю и рассказали ему слова Рейно. И сказал Роланд: "Сир, не обижайтесь, если я скажу вам, что из-за своей гордыни вы погубите герцога Ричарда. Эти сыновья Аймона - лучшие рыцари во всем мире, и они просили у вас мира не один раз, а много раз, а вы ожесточили свое сердце против них". Другие пэры выступили с тем же намерением. Но король не стал их слушать. "Не так, - сказал он, - они не посмеют обидеть герцога; поистине, если они сделают такое дело, я повешу их всех собственной рукой".

На следующий день Рейно сказал своим братьям: "Совершенно очевидно, что король не даст нам мира. Поэтому я решил причинить ему весь возможный вред, и прежде всего я повешу герцога Ричарда на его глазах и на глазах всех его приближенных".

И Рейно приказал установить виселицу над главными воротами Арденн. Когда это было сделано, он послал за герцогом десятерых йоменов. Герцог сидел в своих покоях и играл в шахматы с Йоннетом, который был сыном Рейно. Один из старшин сказал ему: "Сэр герцог, выходите, ибо Рейно повелел немедленно повесить вас". Услышав такие слова, герцог не стал ничего отвечать, а сказал Йонне: "Играй скорее, ибо нам пора идти ужинать". Увидев, что он не обращает на них внимания, йомены возложили на него руки, по одной с каждой стороны, и сказали: "Встаньте, сэр герцог, ибо вас повесят вопреки королю". Когда герцог понял, что люди схватили его, имея в руке одну из шахматных фигур, а именно королеву, которой он собирался дать мат Йонне, он отдернул руку и нанес одному из них такой удар по голове, что тот сразу же умер. После этого он взял с доски ладью и нанес другому старшине такой удар, что его череп был проломлен; третьему он нанес сильный удар кулаком и убил его. Остальные, увидев, как пострадали их товарищи, тут же выбежали из палаты. Тогда герцог сказал Йоннету: "Дитя мое, ты вполне достойно спарился; что же касается этих парней, то они, как я понимаю, пьяны, чтобы так использовать меня; но они получили по заслугам", - и он позвал слугу, который был там, сказав: "Вышвырни этих чурбанов в окно", и тот вышвырнул их, сильно опасаясь, как бы с ним не поступили таким же образом.

Когда Рейно и его братья услышали, что сделал герцог, они пришли к нему в палату в великом гневе и сказали: "За что ты зарезал моих старшин?" Герцог ответил: "Ко мне в покои пришли десять чурбанов, говоря, что вы дали повеление повесить меня, чему я никак не мог

поверить. По этой причине я выгнал их из своих покоев, убив некоторых из них - не знаю, скольких. Теперь, если я поступил дурно, вы можете делать со мной все, что пожелаете. Но я рассуждаю так: если эти чурбаны пострадали от моей руки, то вина лежит скорее на тех, кто послал их с этим поручением".

Рейно в гневе сказал: "Хотите верьте, хотите нет, но я твердо намерен повесить вас на глазах у короля и его войска". И он приказал связать герцога.

Когда герцог понял, что Рейно действительно намерен поступить с ним подобным образом, он сказал: "Позвольте мне послать гонца к королю". "Пошлите его", - сказал Рейно. И герцог отправил гонца с двумя посланиями: одно - королю, другое - пэрам. Королю он сказал: "Молю вас, господин, если вы когда-нибудь любили меня, помиритесь с Рейно. Если он совершил что-либо дурное против вас, я буду его поручителем и отвечу за него, чтобы он исправился". Пэрам он сказал: "Покажите королю, что если он допустит мою смерть, то нанесет себе такое бесчестье, которое никогда не будет устранено".

Когда эти послания были доставлены (а король не знал, что Ричард послал к пэрам), возникли большие споры, ибо король ожесточил свое сердце, как и прежде, а пэры настоятельно просили его отвратиться от своего гнева. И раздор между ними разгорелся настолько, что пэры ушли от короля, забрав с собой своих людей, так что в тот день войско короля стало меньше на сорок тысяч человек.

Когда гонец вернулся с известием, что король по-прежнему ожесточен, а пэры от него отошли, Рейно был очень тронут и, обратившись к герцогу Ричарду, сказал: "Молю вас, мой добрый кузен, простите меня за великий позор, который я вам причинил". Герцог ответил: "Я не виню вас. Скорее я виню короля за его жестокость и черствость сердца". Тогда Рейно развязал его и сказал: "Встаньте здесь рядом со мной, мой кузен, и мы посмотрим, что сделает король".

И вот король наконец-то образумился и сказал рыцарю, который его ждал: "Скачи сейчас как можно быстрее, а когда приедешь к пэрам, скажи им, что я прислушаюсь к их совету". И рыцарь поскакал со всей скоростью, и когда он нагнал пэров, то передал им послание короля. И они вернулись в лагерь.

Король сказал: "Поезжай теперь к Рейно и скажи ему: "Король дарует тебе мир на таких условиях. Ты отправишься в одежде паломника в Святую землю и пойдешь пешком, выпрашивая хлеб. Вы оставите мне своего коня Баярда. С другой стороны, я верну твоим братьям все их земли".

Герцог Неймс отправился в Арденны и рассказал Рейно об условиях короля. Рейно ответил: "Я принимаю их всем сердцем". Тогда он пошел в конюшню, вывел Баярда из стойла и передал его герцогу Неймсу. После этого он взял свое знамя и поднял его на стене замка в знак мира. После этого он отправился в свои покои и, сняв богатую одежду, облачился в бедные одежды, взял в руки посох паломника и приготовился к отъезду. Но сначала он простился со своей женой, леди Клэр. Она была так печальна сердцем, что упала к его ногам, как мертвая. Когда она пришла в себя, он сказал: "Не принимайте это так близко к сердцу. Что касается меня, то я так радуюсь установлению мира, что время моего изгнания, кажется, уже прошло. Теперь пусть Бог хранит вас!" И он нежно поцеловал ее в правую руку и пошел своей дорогой.

Когда леди Клэр увидела, что он уходит, она снова упала в обморок, да так сильно, что ее камеристки решили, что она умерла. Когда же она пришла в себя, то сказала: "О Рейно,

милорд, никогда не было такого хорошего мужа, как вы. Я знаю, что больше никогда не увижу вас". Затем она пошла в свою комнату, сняла с себя богатые одежды и оделась бедно, сказав: "Это я буду носить до тех пор, пока мой господин не придет с миром".

Что касается Рейно, то его братья, герцог Ричард Нормандский и многие другие отправились с ним в долгий путь. Но через некоторое время он сказал: "Друзья мои, вы делаете мой путь еще более тяжелым для меня; мне было лучше одному. Возвращайтесь теперь в Арденны и утешьте мою жену и моих детей".

Так они расстались с ним со слезами на глазах.

ГЛАВА XI

КОНЕЦ РЕЙНО

Теперь следует в нескольких словах рассказать о том, что Рейно делал в Святой земле и что с ним случилось потом.

Сначала, когда он прибыл в Константинополь, то случайно увидел своего двоюродного брата Мавгиса, который лежал больной в одном доме. Мавгис так обрадовался, увидев Рейно, что сразу же избавился от болезни. Затем они вместе отправились в путь и, придя в Иерусалим, оказали прекрасную услугу истинной вере, избавив город от руки персидского султана, который захватил его вероломством.

Сделав это, оба удалились, так как не хотели брать никакой награды, и прибыли в Рим. Там они исповедались в своих грехах папе и, получив отпущение, со всей возможной скоростью направились в город Арденны, где братья и весь народ приняли их с радостью.

Рейно сказал: "Я очень дивлюсь, что не вижу здесь ни моей жены, ни моих детей". Ричард ответил: "Ваши сыновья находятся в Монтальбане в полном здравии и благополучии". "Это хорошо", - сказал Рейно, но, видя, что его братья встревожены, он велел им сказать ему правду, ибо "я вижу, - сказал он, - что у вас тяжелые вести". Тогда Алард сказал: "Мы не можем скрыть от тебя, что твоя жена, леди Клэр, умерла. Ведь когда вы уехали, она непрерывно горевала, плакала и днем и ночью, и так исхудала, что умерла".

Рейно сказал: "Отведите меня туда, где вы ее похоронили". И они повели его в церковь, где находилась ее гробница. Когда он стоял и плакал, к нему пришли его дети, которых привезли из Монтальбана, и преклонили перед ним колени. И Рейно поцеловал их и сказал: "Смотрите, чтобы вы были хорошими людьми, ибо я боюсь, что недолго буду с вами".

Через десять дней после этого он с двумя своими сыновьями и Мавгисом выехал из Арденн и прибыл в Монтальбан. Что касается Мавгиса, то он вернулся в Эрмитаж, где жил вначале, и умер там через семь лет, будучи очень почитаем как святой человек.

Вскоре после этого умер герцог Аймон, завещав своим детям большое богатство. Все это Рейно разделил между своими братьями, оставив себе замок Монтальбан, да и то лишь на время, ибо он решил отказаться от всего мирского.

В Монтальбане он прожил некоторое время со своими двумя сыновьями, обучая их и наставляя на все благородные и благочестивые пути. Когда он увидел, что каждый из них обучен владению оружием и всем прочим вещам, которые должен знать хороший рыцарь, он велел своему управляющему снабдить их хорошей одеждой, оружием и всем прочим необходимым. Сделав это, он поручил им вести себя достойно. "Будьте учтивы, - сказал он, - со всеми дамами; почитайте тех, кто выше вас; будьте готовы помочь тем, кто в нужде; любите ближнего своего; и тогда вы будете пользоваться похвалой всех людей". Сказав эти слова, он простился с ними не без слез.

О том, как эти двое жили при дворе короля, как они были в большом фаворе у короля и как одолели своих врагов - ведь дети некоего лорда, ненавидевшего их отца, пытались нанести им обиду, - здесь рассказывать не стоит. Достаточно сказать, что они очень преуспевали.

Теперь следует рассказать о конце Рейно. Когда он увидел, что его сыновья хорошо утвердились в своем достоинстве, он покинул Монтальбан и отправился в город Кельн, в котором сейчас строилась очень красивая церковь. Он сказал мастеру-каменщику: "Позволь мне теперь подать каменщикам то, в чем они нуждаются". Мастер-каменщик сказал: "Господин, вы больше похожи на короля, чем на рабочего, и мне стыдно поручать вам такую работу". Рейно ответил: "Не говори так; я буду служить с доброй волей". И тот остался доволен.

Через некоторое время мастер-каменщик сказал ему: "Видишь ли ты тех бедняков, которые пытаются унести камень вон там? Пойди и помоги им, ведь они всего лишь слабаки". И Рейно пошел; он сказал людям: "Идите и делайте то, что вам еще поручено, ибо я займусь этим камнем". И он отнес камень на место, хотя он был такого размера, что четыре человека с трудом могли бы справиться с ним. После этого он принес другие камни и раствор, и их было так много, что каменщикам пришлось немало потрудиться, чтобы справиться с ними.

Когда наступил вечер, каменщики пришли получать плату, и каждый получил по пять грошей. Но когда мастер-каменщик увидел Рейно, он сказал: "Ты получишь двадцать пенсов, ибо ты трудился так, как я никогда не видел ни одного человека. И столько же ты будешь получать каждый день". "Нет, - ответил Рейно, - дай мне только один пенни, чтобы у меня были средства к существованию, ибо я работаю не за плату, а из любви к моему Богу".

Тогда Рейно нашел ночлег в городе, купил себе один грош хлеба и из него и воды приготовил ужин. На следующий день он принялся за работу, и так он делал много дней, получая за свою работу всего один пенни.

Но другие каменщики стали завидовать ему, потому что он был намного лучше и сильнее их. Тогда они составили против него заговор, и в один день, когда он спал, они убили его и, положив тело в мешок, бросили в реку.

О чудесных вещах, произошедших с этим Рейно, желающие могут прочесть в другом месте. Здесь же достаточно сказать, что тело было найдено через несколько дней и с почестями похоронено в церкви Кельна, и что из года в год в память о лорде Рейно устраивается праздник, ибо он действительно был весьма совершенным и кротким рыцарем.

А теперь остается рассказать о коне Баярда, который, как уже было сказано, был доставлен королю. Когда хозяин, возвращаясь в Париж, подошел к реке Мёз, ему на шею привязали

мельничный жернов и бросили в реку. Некоторые утверждают, что это было сделано по приказу короля, но в это не стоит верить. Как бы то ни было, добрый конь не пострадал: он отбил ногами камень со своей шеи и, доплыв до берега, скрылся в Арденнском лесу, где прожил много лет, не позволяя ни мужчине, ни женщине приблизиться к себе.

ГЛАВА XII

КАК РАЛЬФ РАЗВЛЕКАЛ КОРОЛЯ

В праздник святого Фомы, который наступает за четыре дня до Йоля, король Карл выехал из Парижа с большой компанией принцев и вельмож. Когда они ехали через болото, на них обрушилась сильная буря с востока. Ветер был такой свирепый, а дождь такой сильный, что их разбросало по всей стране, и они не могли понять, куда едут - день был почти такой же темный, как ночь. О том, что случилось с остальными членами компании, нет нужды рассказывать; эта история касается только короля Карла.

Когда он ехал в тяжелом положении, не зная, где найти убежище, ему попался на глаза один парень, который вел кобылу, несущую две большие поклажи. "Теперь скажи мне свое имя", - сказал король. "Меня зовут Ральф Угольщик", - ответил тот. "Я живу в этих краях - мой дом в семи милях отсюда - и зарабатываю свой хлеб нелегким трудом, продавая угли тем, кто в них нуждается". "Друг, - сказал король, - я не желаю тебе зла, ибо считаю тебя честным человеком". "Суди как хочешь, - ответил Ральф, - мне все равно". "Я очень нуждаюсь в друге, - сказал король, - ибо я и мой конь готовы погибнуть, так яростна буря. Тогда скажи мне, где я могу найти убежище". "Приюта!" - ответил Ральф, - "я не знаю, кроме как в своем собственном домике, а он далеко в лесу. Но я буду рад, если ты захочешь пойти со мной".

Король был очень рад услышать эти слова. "Это хорошо, - сказал он, - Бог вознаградит тебя за твою доброту". "Нет, - ответил чурбан, - оставь свою благодарность до тех пор, пока она не будет заслужена. Пока что ты не получил от меня ничего: ни огня, ни мяса, ни ужина, ни места для отдыха. Завтра, когда пойдешь, сможешь поблагодарить меня, если будешь так настроен, с большим основанием. Хвалить сначала, а потом, может быть, порицать - это противоречит здравому смыслу". "Так тому и быть", - сказал король. И они пошли своей дорогой, разговаривая на ходу.

Когда они подошли к дому, Ральф громким голосом позвал свою жену: "Ты внутри, госпожа? Выходи, открой дверь без промедления. Мы с гостем дрожим от холода; такой злой погоды я еще не видел". Добрая жена, услышав голос хозяина, поспешила к двери, зная, что он человек торопливый. "Добро пожаловать домой", - сказала она Ральфу, а незнакомцу: "И тебе тоже". "Разожги большой огонь, - сказал Ральф, - и возьми двух каплунов из лучших, чтобы мы могли хорошо повеселиться", - и он взял короля за руку, чтобы тот пошел перед ним в дом. Но король стоял спиной к двери и просил, чтобы угольщик прошел перед ним. "Это всего лишь плохая вежливость", - сказал человек, взял его за шею и втолкнул внутрь.

Когда они немного погрелись у огня, пылавшего по-королевски, Ральф обратился к жене: "Давай ужинать, Джиллиан, как можно быстрее и из лучшего, ведь у нас был трудный день, и мы вполне можем провести веселую ночь. Никогда еще я не страдала от худшей погоды и не была так близка к тому, чтобы сбиться с пути, как в тот раз, когда встретила здесь этого незнакомца".

Через некоторое время, когда они умылись, ужин был готов. "А теперь, друг, - сказал Ральф, - возьми даму за руку и веди ее к столу". И когда король сдержался, он воскликнул: "Теперь уже во второй раз", - и неожиданно ударил его правой рукой под ухо, да так сильно, что тот зашатался через полкомнаты и упал на пол. Когда король поднялся, а он и в самом деле едва мог стоять, "Теперь, Джиллиан, - сказал Ральф, - возьми его за руку и иди к столу, как я тебе велел". А своему гостю он сказал: "Вот уже второй раз ты отказываешь в любезности, сначала у дверей, а потом за столом. Неужели ты не сделаешь, как тебе велено? Разве я не хозяин в своем доме?" Король сказал себе: "Станные дела. Никогда в жизни со мной так не поступали". Тем не менее, ради спокойствия он поступил так, как ему было предложено, и, подав руку даме, повел ее к столу. Так они и сидели: угольщик - по одну сторону стола, а король и дама Джиллиан - по другую. Веселились они от души, ели жирных каплунов, хлеб и лучшее вино. Воистину, они ни в чем не нуждались.

И вот что сказал королю чурбан: "Сэр, здешние лесники сильно угрожают мне из-за оленей. Они говорят, что я постоянно сбиваю самых жирных из стада. Они, говорят, пошлют меня в Париж, представят перед королем и подадут на меня жалобу. Что бы они ни говорили, но почему бы мне не иметь достаточно еды для себя, да еще и для гостей? А теперь, друг мой, не жалея, хватит и еще останется". Когда они хорошо поели, Ральф сказал жене: "А теперь, Гилл, подай кубок. Я выпью за моего друга, а он выпьет за меня". И дама подала кубок, и они выпили друг за друга. Потом, когда ужин закончился, они уселись у огня, и Угольщик рассказал много веселых историй. Когда стало поздно, он обратился к королю: "Скажи мне теперь, где ты живешь". "Я живу при дворе, - ответил тот, - где у меня есть кабинет у королевы". "И какова же твоя должность?" "Я джентльмен из опочивальни королевы". "А как вас зовут?" "Меня зовут Уаймонд; Уаймонд из Гардероба. А теперь, если вы придете ко двору, я, несомненно, смогу вам услужить, ибо позабочусь о том, чтобы у вас был хороший сбыт для вашего топлива". Ральф сказал: "Я не знаю, где может находиться суд, о котором вы говорите". Но Чарльз убеждал его, говоря, что король и королева будут в Париже, чтобы вместе провести Юлед, и что там будет много веселья, и что, без сомнения, он продаст свое топливо с большой выгодой. "Похоже, вы рассуждаете здраво, - сказал Ральф, - я приду. А теперь давайте выпьем еще по кружке и ляжем спать". Кольер и дама провели его в другую комнату, где стояла кровать, красиво обставленная и закрытая занавесками. Когда они увидели, что его хорошо обслужили и у него есть все необходимое, они пожелали ему спокойной ночи, и король поблагодарил их за любезность.

На следующий день, как только рассвело, король поднялся с постели и оделся сам, без посторонней помощи, ибо, действительно, у него не было ни камердинера, ни оруженосца. Затем к нему подвели его полусотню, и, сев на нее, он позвал Ральфа, где тот лежал, чтобы тот дружески проводил его, как подобает тому, кто так хорошо провел время. Когда чурбан проснулся, он сказал королю: "Побудьте еще немного, пока не кончится эта злая погода". "Нет, - ответил король, - я должен заняться своими делами и делами; скоро праздник, и тот, кого застанут без дела, будет сильно порицаем. А теперь позови свою добрую жену, чтобы я мог заплатить ей за приют и хорошее настроение, которые я получил". "Нет, - вскричал Ральф, - этого никогда не будет; подумать только, что я должен брать плату за приют с того, кто принадлежит ко двору короля Карла!" "Да будет так", - ответил король; "но, по крайней

мере, если ты не хочешь брать плату, приходи ко двору с грузом топлива, как только это будет возможно; я ручаюсь, что если ты это сделаешь, то получишь хорошую прибыль от своих товаров". "Так и сделаю", - ответил Ральф. "Хотел бы я посмотреть, как продаются угли при дворе. А теперь назови мне еще раз свое имя, чтобы я его не забыл".

Король ускакал, и не успел он проехать и тысячи человек, как навстречу ему выехали Роланд и Оливер. Они отправились на его поиски и были очень рады, что нашли его. Тогда они повернули головы своих коней и поехали обратно в Париж. Когда они приблизились к городу, из ворот навстречу им вышел архиепископ Турпин с большой компанией епископов, священников и других людей, возносящих благодарность Богу за то, что их господин король снова прибыл в Париж. И когда они приехали в Париж, то отправились в церковь Сен-Дени, где шла служба. А после службы они отправились во дворец и устроили свой праздник Йоль с большим весельем и изобилием добрых вещей. Двадцать дней они пировали. Никогда еще не было такого праздника на земле Франции.

ГЛАВА XIII

КАК РАЛЬФ ОТПРАВИЛСЯ КО ДВОРУ

На следующий день Ральф, хорошенько поразмыслив над тем, что он задумал, запряг свою кобылу, как он это обычно делал, с двумя корзинами, полными углей, и приготовился пуститься в путь ко двору. "Это не мой совет, - сказала Джиллиан его жене, - это путешествие не принесет тебе пользы. Вспомни, какой удар ты нанесла ему. Держись подальше от суда, говорю я". "Нет, Джилл, - сказал угольщик, - я должен идти своей дорогой. Я обещал, что поеду, и я поеду, неважно, с пользой или во вред". И вот он нагрузил телеги и отправился ко двору.

Тем временем король Карл не забыл об этом деле. Он призвал к себе Роланда, ибо не было человека, которому он доверял бы больше, и сказал ему: "Завтра утром возьми своего коня и упряжь и хорошенько осмотри дорогу, по которой мы ехали в тот день, когда я потерялся, и если увидишь кого-нибудь, идущего этим путем, с каким бы поручением он ни ехал, приведи его с собой в это место и позаботься, чтобы он никого не увидел прежде, чем увидит меня".

Роланд сильно задумался, что бы король имел в виду, ибо казалось странным, что в самый день праздника, когда человек должен отдыхать, его посылают с таким поручением. Тем не менее он взял своего коня и сбрую, выехал рано утром и стал наблюдать за дорогами, как ему было велено. Долгое время он ничего не видел ни вдали, ни вблизи; но чуть позже полудня он увидел, что угольщик едет на своей кобыле с двумя корзинами, наполненными углями. Это зрелище очень обрадовало его, и он поскакал к нему со всей возможной скоростью. Тот учтиво приветствовал его, и Роланд, в свою очередь, тоже поприветствовал его. Когда их приветствия закончились, он сказал человеку: "Поезжай теперь к королю; пусть ничто не мешает тебе". "Нет, - сказал Ральф, - я не так глуп. Это шутка, сэр рыцарь, а рыцарю не подобает шутить с простым человеком. Есть много людей получше меня, которые приезжают

и уезжают в Париж, и король о них не думает, будь то утро или ночь. Если вы хотите меня обмануть, то я могу постоять за себя, хотя и плохо одет". "Это просто глупость, - сказал Роланд, - король прямо приказал привести тебя к нему". "Нет, - ответил Ральф, - я уже в пути, согласно обещанию, данному одному Уаймонду, и к нему я пойду, и ни к кому другому". "Покончим с твоим Уаймондом, - воскликнул Роланд, - я должен отвести тебя к королю, как приказал король".

Так они долго спорили, и все же чурбан твердо решил, что пойдет к Уаймонду и ни к кому другому. "А где живет этот твой Уаймонд?" - спросил Роланд. "Он живет с королевой в Париже, если его рассказ правдив". "Если это так, - ответил Роланд, - то, видя, что я хорошо знаю королеву и ее дам, а ты направляешься к ним, я доверюсь твоему приезду. Только ты должен дать мне обещание, что это действительно твоя цель". "Нет, - сказал угольщик, - я не дам вам никакого обещания. А что касается тебя, то убирайся с моего пути, иначе тебе будет хуже".

Роланд сказал себе: "Глупо продолжать с этим парнем". И он распрощался с ним с полным удовольствием. Но Ральфу не понравилась такая манера поведения, ибо он подумал, что этот рыцарь, который был так нарядно одет, презирает его. "Приезжай сюда, сэр рыцарь, завтра, когда мы с тобой останемся наедине; тогда ты увидишь, как я с тобой поступлю".

Затем Роланд поскакал обратно к королю. К этому времени закончилась месса, и король облачился в свои одежды. "Ты хорошо приехал, сэр Роланд, - сказал он, - выполнил ли ты мое поручение?" "Сир, - отвечал сэр Роланд, - я пошел, как вы мне велели, и смотрел по сторонам, но не увидел ни одного человека, а только одного". "И кто же это был?" - спросил король. "Он, - ответил Роланд, - был всего лишь чурбан, у которого было с собой два мешка угля". "Почему же ты не привел ко мне этого парня, как я тебе велел? Возможно, ты не смог".

Роланд увидел, что король разгневан, и был несказанно рад уйти от него. Выйдя на улицу, он встретил носильщика: "Куда ты идешь, ленивая гагара?" - спросил он. Носильщик ответил: "У ворот стоит один человек, у него кобыла и два мешка углей, и он просит, чтобы его впустили в ворота". "Кого он хочет?" - спросил Роланд. Носильщик ответил: "Он просит некоего Уаймонда". Тогда Роланд сказал: "Возвращайся на свое место, носильщик, открой ворота и попроси его войти. Но скажи, что не в твоей власти идти к этому Ваймонду, а пусть он сам его ищет".

Тогда носильщик вернулся к воротам и открыл их, сказав угольщику: "Входи, парень, но мне недосуг искать этого Уаймонда, о котором ты просишь. Ты должен искать его сам". Ральф сказал: "Если ты не хочешь искать человека, я должен сделать это сам; проследи, чтобы кобыле и углям не причинили вреда, а я поищу Уаймонда, ведь это он велел мне прийти сюда".

RALPH IN THE PALACE OF CHARLEMAGNE.

РАЛЬФ ВО ДВОРЦЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО.

Так угольщик прошел через весь дворец, спрашивая о Ваймонде. Не было ни одного человека, который бы знал его или хотя бы слышал это имя. Ральфу казалось, что им не хватает вежливости; тем не менее он не прекращал своих поисков, и не было ни одного человека, которого бы он не расспросил. Пройдя через множество покоев, он подошел к одному, который был великолепнее всех виденных им ранее. Это был большой зал, прекрасно расписанный и увешанный гобеленами, и в нем король обедал в великой обстановке. На столе было много яств, множество блюд, серебряных и золотых, и множество других украшений. "Здесь достаточно королевской власти, - воскликнул Ральф. "Если бы я только мог поговорить с Уаймондом, я бы ушел, ибо, как мне кажется, это не место для простого человека". И все же он пошел дальше. Многие пытались остановить его, потому что он, казалось, наседали не по-хозяйски; но он был стойким человеком, который отдавал столько же, сколько и брал.

Наконец, после немалого труда, он добрался до короля, где тот сидел за столом в торжественной обстановке. "Видите, - воскликнул он, - это Уаймонд, которого я ищу. Я хорошо его знаю, хотя, правда, он одет иначе, чем когда я видел его в последний раз. Теперь он в золотой одежде. Воистину, он должен быть более великим человеком, чем он говорил. Увы, меня заманили сюда. Поистине, этот человек обманул меня". Услышав это, король рассмеялся.

Ральф оглядел общество, сидевшее с королем, ибо там было много благоговейных людей. Но когда он увидел королеву, то сильно встревожился. "Леди, - сказал он, - я очень встревожен, увидев ваше прекрасное одеяние, столь великолепное. Если я смогу сбежать отсюда в этот день, ничто на свете не заставит меня вернуться сюда".

И вот, когда ужин закончился, король встал из-за стола и рассказал перед всей компанией, как он поступил с Угольщиком. Услышав эту историю, чурбан вздрогнул. И сказал он: "Вот бы мне сейчас снова оказаться на болоте, и чтобы король был один, или любой из его рыцарей, будь он самый храбрый и сильный из всех!"

Тогда лорды громко рассмеялись. Некоторые, однако, были разгневаны и хотели, чтобы его повесили. "Что это за болван, - говорили они, - что он так издевается над королем?" Но Чарльз не желал ничего подобного. "Он крепкий мужчина и может нанести сильный удар. Не дай Бог, чтобы я причинил ему вред. Скорее я сделаю его рыцарем". Так он провозгласил Ральфа Угольщика рыцарем и назначил ему доход в 300 фунтов стерлингов в год, а "следующий гонорар во Франции, который попадет мне в руки, я дам тебе, - сказал он. Но сейчас ты должен получить свои шпоры". И король дал ему доспехи и оружие, а также шестьдесят оруженосцев хорошего звания, чтобы они составляли ему компанию. И стал Ральф впоследствии прекрасным, благородным рыцарем и хорошо служил королю.

ГЛАВА XIV

КАК ФИЕРАБРАС БРОСИЛ ВЫЗОВ КОРОЛЮ КАРЛУ

У Балана, адмирала мавров в Испании, был сын, по имени Фиерабрас, который был самым чудесным великаном, когда-либо рожденным от женщины. Не было человека, который мог бы сравниться с ним и ростом, и величиной конечностей, и крепостью тела. Этот Фиерабрас был царем Александрии и правил всей Вавилонской землей от Красного моря на восток. Владел он и Россией, и Кельном; кроме того, он был владыкой Иерусалима и владел Гробом Господним. Случилось так, что в один из дней этот человек подъехал верхом на яростной лошади к лагерю, где лежал король Карл со своим войском, и попросил, чтобы кто-нибудь вышел и сразился с ним. Никто не отвечал ему и не выходил, тогда он впал в великую ярость и поклялся своим богом Магометом, что не сойдет с этого места, пока не сразится с каким-нибудь христианином; но никто так и не вышел к нему. Тогда он воскликнул очень громким и страшным голосом: "Король Парижа, пошли ко мне своего самого сильного и храброго рыцаря, будь то Роланд, или Оливер, или Тьерри, или Огир датчанин, чтобы он сразился со мной. Если же ты пошлешь против меня шесть или семь своих сильнейших рыцарей, клянусь моим богом Магометом, я не откажусь сразиться с ними со всеми. Но если ты не пошлешь ни одного человека, то я непременно нападу на твой лагерь до наступления ночи в этот же день, отрублю тебе голову, а Роланда и Оливера уведу в плен. Вы пришли в мою землю без причины и, верно, уйдете без чести".

Сказав это, он лег под деревом и, привязав коня к одной из ветвей, снял с себя доспехи. Сделав это, он обратился к королю: "Пошли сейчас Роланда или Оливера сразиться со мной. А если они не решатся прийти одни, то пусть с ними придут двое других, а если четверо побоятся, то пусть придут шестеро. Десять королей я уже убил в одиночном бою; ни один из них, при всей их доблести, не смог устоять против меня".

Когда король Карл услышал эти угрозы и вызовы, он сказал Ричарду Нормандскому: "Кто этот рыцарь, который говорит так смело?"

Герцог Ричард ответил: "Это, милорд король, сильнейший из всех мужчин, рожденных женщинами, и он убежден, что в целом мире нет короля, который мог бы ему противостоять".

"Если уж на то пошло, - сказал король, - я найду одного из своих рыцарей, который сможет с ним сразиться. Но назовите мне его имя".

"Его имя, - ответил герцог Ричард, - Фьерабрас. Он неверный и причинил много зла христианам. Он убил нашего господина Папу, повесил многих святых мужчин и женщин и по сей день владеет Гробом Господним".

"Я еще более твердо решил, - сказал король, - услышав твои слова, что один из моих рыцарей должен встретиться с ним". Тогда он обратился к Роланду и сказал: "Молю тебя, дорогой племянник, выйди вперед и встретиться с этим турком в бою".

Но Роланд ответил ему: "Не так, светлый дядя; почему я должен исполнять твою волю в этом деле? Помнишь ли ты, что случилось вчера, когда мы были так близки к тому, чтобы быть захваченными язычниками, как они обрушились на нас с пятьюдесятью тысячами воинов и как мы, младшие рыцари, вынесли все тяготы дня и получили много тяжелых ран, так что Оливер, мой товарищ, был близок к смерти, и, если бы не твоя помощь, мы все погибли бы? А помните ли вы, как прошлой ночью, когда мы отдыхали в наших шатрах, вы, будучи полны вина, заявили, что ваши старые рыцари перенесли бы себя лучше, чем это сделали мы,

молодые? Теперь посмотрим, как эти старые рыцари будут противостоять этому язычнику, ибо из молодых никто не выйдет против него".

Услышав это, король ударил Роланда, своего племянника, по лицу своей перчаткой так резко, что обильно хлынула кровь. Тогда Роланд выхватил меч и поразил бы своего дядю, если бы его не удержали прохожие. И король воскликнул: "Это чудовищно для любого человека, тем более для его родственника. Схватите его, ибо он умрет смертью за это злодеяние". Когда же придворные стали возлагать на него руки, Роланд воскликнул: "Если кто прикоснется ко мне, я рассеку ему голову надвое". Никто не осмелился подойти к нему. Но Огир датчанин сказал: "Роланд, ты поступил дурно, угрожая своему дяде, которого ты обязан чтить превыше всех людей". "Это правда, - ответил Роланд. "Я был сильно спровоцирован; тем не менее я раскаиваюсь в своем поступке".

Король сказал пэрам Франции: "Меня очень беспокоит это дело. Сначала Роланд, мой племянник, который должен был ревностно помогать мне, грозит убить меня, а потом не находится человека, готового сразиться с этим язычником".

"Мужайтесь, милорд король, - сказал герцог Неймс, - найдется человек, который окажет вам эту услугу". Но король не желал утешаться.

Оливер лежал в постели больной, ибо был тяжело ранен в бою. Но когда он услышал, как король и Роланд поссорились и как Фьерабрас бросил вызов королю и его войску, и ни один человек не вышел ему навстречу, он тут же поднялся с постели и стал разминаться и пробовать себя, сможет ли он каким-то образом выдержать свои доспехи. При этом он заставил свои раны вновь кровоточить. Когда же он перевязал их, как мог, то сказал Гарину, своему оруженосцу: "Принеси мне мое оружие, ибо я выйду навстречу этому язычнику". Оруженосец Гарин сказал: "Милорд Оливер, пожалейте себя. Ты сам накличешь на себя смерть". Оливер ответил: "Исполни мою просьбу, ибо это почетный случай, который никто не должен упустить". И Оливер облачился в доспехи, Гарин помог ему. Сделав это, он взял свой меч, Хаутклер по имени, который он любил превыше всего. Затем ему привели коня Ферраунта, готового к седлу и уздечке. Оливер легко вскочил в седло, даже не коснувшись его, поставил свой щит и взял копье, очень длинное и острое. Затем он ударил своего коня шпорами, и Ферраунт вскочил под ним. Это было благородное зрелище, столь галантен был рыцарь и столь храбр конь.

Оливер подъехал к шатру короля и приветствовал его, говоря: "Государь, я верно служил вам эти три года без награды и жалованья. Молю тебя, дай мне в этот день то, что я пожелаю". Король ответил: "Благороднейший граф, я сделаю это по доброй воле. Нет в этой земле Франции ни города, ни поселка, ни замка, который я не отдал бы вам по вашему желанию". Но Оливер сказал: "Милорд король, я не прошу ни городов, ни замков, а только одного - чтобы вы позволили мне сразиться с этим язычником".

Когда остальные рыцари слышали это, им стало стыдно, что раненый человек принимает вызов, а они сами сдерживаются. "Что это такое, - говорили они, - что Оливер, который был ранен почти до смерти, теперь выходит на бой!" Король же сказал: "Оливер, ты, верно, потерял рассудок. Ты знаешь, что тяжело ранен, и все же тебе грозит еще более страшная опасность. Возвращайся в свою постель и отдохни; конечно, я не позволю тебе вступить в бой с этим язычником".

Тогда Ганелон, который впоследствии стал предателем, встал на свое место и сказал: "Государь, это против обычаев Франции, чтобы вы отказали Оливеру в его просьбе". Король очень разгневался и сказал: "Ганелон, ты не очень хорошо настроен в этом вопросе. Если

все будет так, как ты говоришь, то Оливеру придется сразиться с этим язычником, а если он будет сражаться, то вряд ли сможет избежать смерти. Но запомни вот что: Я клянусь своей верой, что если он будет убит или захвачен в этой битве, то никакое золото мира не спасет тебя от позорной смерти; да, и весь твой дом погибнет вместе с тобой".

"Сэр король, - сказал Ганелон, - да хранят меня Бог и Богоматерь!" Но про себя он втайне сказал: "Не дай Бог, чтобы Оливер вернулся целым и невредимым. Пусть лучше этот язычник отрубит ему голову!" Но когда король Карл увидел, что не может помешать Оливеру сразиться с Фьерабрасом, он сказал: "Теперь да пребудет с тобой Бог, и поможет тебе, и вернет тебя с радостью!" и протянул ему свою перчатку, которую Оливер принял с большим удовольствием и смирением.

Но Рейнер, который был отцом Оливера, увидев, что его сын готов выступить в поход, пришел к королю, опустился на колени у его ног и в горести воскликнул: "Государь, пожалейте меня и моего сына. Он молод и самонадеян, полон гордыни и честолюбия, но так тяжело ранен, что не может сражаться; запрети ему выходить". Но король сказал Рейнеру: "То, что я дал, я не могу отозвать". Тогда Оливер встал и громким голосом сказал: "Сэр король и все вы, лорды Франции, если я обидел кого-нибудь словом или делом, молю его простить меня". Не было ни одного человека, который бы не заплакал, услышав эти слова. Прослезился и сам король, передав его на хранение Богу.

Оливер поскакал дальше и подъехал к дереву, где спокойно и безоружно лежал Фиерабрас. Великан не взглянул на него, но отвернул голову, ибо презирал Оливера за то, что тот был мал ростом по сравнению с ним самим. Оливер сказал ему: "Проснись, ты много раз звал меня в этот день; вот, я пришел. Сначала скажи мне свое имя". Фиерабрас ответил ему: "Я Фиерабрас из Александрии. Это я разрушил город Рим и убил папу, и унес святыни. И Иерусалим мой, и место, где, как ты говоришь, похоронен твой Бог".

Оливер сказал: "Если все это правда, то тебе пора понести должное наказание за свои проступки. Но хватит болтать. Приготовься и вооружись, иначе, клянусь Богом, в которого я верю, я поражу тебя там, где ты лежишь!" Когда Фиерабрас услышал, что он говорит так яростно, он начал смеяться и сказал: "Ты смелый болтун, но сначала скажи мне, кто ты и какого звания". Оливер ответил: "До наступления ночи, язычник, ты будешь хорошо знать, кто я такой. А сейчас послушай: мой господин король передал моими устами следующее послание: "Отрекись от Магомета, твоего Бога, и всех прочих идолов, и уверуй в истинного Бога, сотворившего небо и землю и все, что на них. А пока выбирайте одно из двух: либо уходите из этой страны, ничего не взяв с собой, либо выступайте и сражайтесь со мной".

Фиерабрас сказал: "Дружище, ты не в состоянии встретиться со мной, даже если бы я был без оружия. Но скажи мне сейчас твое имя и родословную". Оливер ответил: "Меня зовут Гарин, и я бедный рыцарь; король Карл послал меня сразиться с тобой; поэтому приготовься к бою". Но Фиерабрас не согласился. "Теперь скажи мне, сэр Гарин, - сказал он, - почему Роланд, или Оливер, или Огир Датчанин, которые, как говорят люди, пользуются большой славой, не выступили против меня?" "Они не выступили, - ответил Оливер, - потому что слишком плохо о тебе думают".

Он сказал это с такой яростью, что его раны снова открылись. Увидев кровь, Фиерабрас сказал: "Вы, верно, ранены, сэр Гарин?" "Не я, - ответил Оливер, - эта кровь, которую вы видите, течет из-под моего коня, где я его пришпорил". Но Фиерабрас увидел, что кровь идет не от коня, и сказал: "Ты говоришь неправду, когда говоришь, что ты не ранен. Я вижу, что это кровь не коня, а твоего собственного тела. Теперь выпей из этого кувшина бальзама, который я взял в городе Иерусалиме. Когда ты выпьешь, ты будешь здоров телом и сможешь

защищаться в бою". Но Оливер не желал ничего подобного. "Это, - сказал он, - просто глупость".

ГЛАВА XV

КАК ОЛИВЕР СРАЖАЛСЯ С ФИЕРАБРАСОМ

Фьерабрас, видя, что ему нужно сражаться, сказал Оливеру: "Подойди, помоги мне вооружиться". Оливер сказал: "Могу ли я доверять тебе?" "Да", - ответил Фьерабрас, - "можешь: я никогда не был предателем ни одного человека и никогда не буду". Тогда Оливер вооружил его; он помог ему облачиться сначала в аравийский кожаный костюм, а затем в стальной плащ и хабергон, а на голову надел богато украшенный драгоценными камнями шлем. Была ли когда-нибудь на свете такая вежливость: Оливер помогает вооружиться язычнику, которого, будучи безоружным, он мог бы легко убить, а язычник жалеет Оливера, считая его не равным себе в бою, и тем более, когда видит, что тот ранен? Побольше бы такой вежливости между христианами!

Вооружившись, Фьерабрас взял три меча, которые у него были, - Плезанс, Баптизм и Грабон; все они были столь прекрасного качества, что никакие доспехи не могли пробить их. Эти три были сделаны одним из трех братьев; другой из этих трех сделал еще три, из которых самым знаменитым был Дюрендаль, меч Роланда; и еще один брат тоже сделал три, из которых достаточно назвать Хаутклер, который был мечом Оливера, и Джойус, который был одним из главных сокровищ короля Карла. На щите у него было изображение его бога, Аполлона, которому он, похвалившись, еще раз попросил Оливера удалиться. И когда Оливер снова отказался, сказав, что надеется одержать победу с помощью своего Бога, Фьерабрас сказал ему: "Теперь, поскольку ты человек христианский, я клянусь тебе купелью, в которой ты был крещен, и крестом, к которому был пригвожден твой Бог, сказать мне честно свое имя и род".

Оливер ответил: "Ты не мог бы заклать меня более великими вещами, чем эта купель и крест; так знай же, что я - Оливер, сын Рейнера, близкий товарищ Роланда и один из двенадцати пэров Франции".

Тогда сказал Фьерабрас: "Я знал, что ты не бедный и неизвестный рыцарь, а великий воин и знаменитый, столь велика была твоя храбрость. Но ты ранен, и будет бесчестьем для меня, если я одолею тебя, воспользовавшись твоей слабостью". Но Оливер яростно ответил ему: "Довольно пустых слов; когда нам предстоит сразиться вместе, ты увидишь, что я не мертвец. Тем не менее, поскольку ты вежливый рыцарь, я еще раз потребую, чтобы ты оставил Магомета и своих ложных богов и принял крещение. Так у тебя в друзьях будут Роланд и король Карл". "Нет, - сказал Фьерабрас, - но это глупость. Давайте же без промедления отправимся на битву".

Тогда эти два чемпиона положили копья на землю и приготовились к бою. Когда французы увидели это, их охватил великий страх, чтобы с Оливером не случилось беды; король же спрятал лицо в мантию и, опустившись на колени перед распятием, обнял его, плача и взывая: "Господи, молю Тебя, сохрани Оливера и не допусти, чтобы христианская вера была

опозорена его гибелью". Тем временем два воина столкнулись в битве, да так яростно, что искры летели с наконечников их копий, когда они ударялись о щиты, а древка обоих были сломаны. Поводья выпали у них из рук, и оба они были так поражены, что едва ли понимали, где находятся. Но затем, придя в себя, они выхватили каждый свой меч. И сначала Оливер с Хаутклером так яростно ударил Фиерабраса по шлему, что тот снес большую его часть, а драгоценности, которыми он был украшен, упали на землю. Но сила удара еще не иссякла: он достиг плеча великана, но кираса из прочной кожи Каппадокии остановила его; тем не менее ноги великана были выбиты из стремян, и он был близок к тому, чтобы быть поверженным. И все люди Франции в один голос воскликнули: "Пресвятая Мария, какой могучий удар нанес Оливер этому язычнику!" "Это правда, - сказал Роланд, - если бы я был с ним в этот день!" Тогда Фьерабрас, в свою очередь, поразил Оливера своим мечом Плезенс в шлем. Шлем отлетел вниз и тяжело ранил коня христианина. Тогда Оливер не на шутку встревожился и воздал хвалу Богу и Деве Марии. Услышав это, Фьерабрас сказал: "Я недоволен тем, что так обидел тебя. Вряд ли ты увидишь, как зайдет солнце в этот день, ибо ты уже слабеешь. Но это постигло тебя потому, что ты уже ранен. Поэтому будь мудр и покинь битву, пока еще есть время". Но Оливер не желал слушать таких советов. Тогда они снова принялись сражаться, да так яростно, что доспехи обоих едва не разлетелись на куски.

Когда король увидел это и понял, что Оливеру грозит немалая опасность, он сильно встревожился. Он громко взмолился, говоря: "Господи Боже, сохрани доблестного Оливера, чтобы он не был убит или захвачен. Истинно, если с ним что-нибудь случится, клянусь душой моего отца, я сожгу все монастыри, церкви и алтари в этой стране". Но герцог Неймс упрекнул короля, сказав: "Не говорите так, сэр король. Лучше молитесь Богу, чтобы по Своей благодати Он помог Оливеру". И король сказал: "Вы правы, я говорил глупости".

Тем временем два чемпиона продолжали ожесточенно сражаться, более ожесточенно, чем подобает благоразумным и опытным воинам. Оливер особенно увлекся, и рука его онемела от частого нанесения ударов, и наконец меч вылетел у него из руки. Он тут же бросился его возвращать, накрыв голову щитом, чтобы укрыться от ударов противника. Но это ему не помогло, ибо Фьерабрас дважды ударил по щиту, да так сильно, что разбил его на куски, а заодно и нагрудник под ним. А Оливер не решался выйти вперед, чтобы взять свой меч, ибо очень боялся, что великан может с ним сделать. Когда люди Франции увидели, в каком положении он находится, они сделали вид, что вооружаются и идут к нему на помощь. Но король Карл не стал этого терпеть. "Не так", - сказал он; "Бог может спасти его и сохранить его правоту, и Он это сделает".

Тогда остальные остались на своих местах. Но вот Фьерабрас стал насмехаться над Оливером: "Теперь я знаю, что ты побежден, ибо ты не смеешь протянуть руку, чтобы взять меч, боясь меня; нет, ты не опустишься до земли, чтобы завладеть богатством всего мира. Теперь послушай меня: если ты отречешься от своей веры и объявишь, что твой Бог - не Бог, и уверуешь в Магомета, то я отдам тебе в жены мою сестру Флорипу, прекраснее которой нет девы на земле, и мы вдвоем завоюем Францию, не пройдет и года, и я сделаю тебя королем половины этого королевства". Оливер ответил: "Боже упаси меня слушать такие глупости. Эти ваши боги вовсе не боги, у них нет ни доброты, ни силы". Фьерабрас сказал: "Я вижу, что ты твердо решил не делать этого. Ни один человек на земле не доставлял мне такого беспокойства, как ты. Но теперь возьми свой меч, ибо без него у тебя не больше сил в бою, чем у женщины". "Этого я не сделаю", - ответил Оливер. "Я не возьму свой меч по твоей милости. Моя жизнь и смерть - у Бога, и я получу свой меч в честном бою или не получу его вовсе".

Тогда Фьерабрас выступил против Оливера, держа в руке меч Плизанс. Тогда Оливер оказался в большом затруднении, ибо у него не было меча, а щит его был рассечен надвое, и доспехи его были сильно разбиты. Но Бог смилостивился над ним и внушил ему посмотреть вокруг. И, оглянувшись, он увидел коня Фиерабраса, а на седле - два меча, Баптис и Грабон. Тогда он поспешил и ухватился за меч Крещение. И когда он овладел им, то сказал: "Царь Александрии, настал час расплаты. Видишь, у меня один из твоих мечей; берегись, чтобы он не стал твоей погибелью". Когда Фиерабрас увидел, что сделал Оливер, он изменил цвет и сказал: "О Креститель, мой добрый меч, что это? Лучшего оружия не было ни у меня, ни у кого-либо из живущих на земле". Затем он сказал Оливеру: "Ты, как я хорошо знаю, благородный рыцарь. Возьми же свой меч и отдай мне свой". "Не так, - ответил Оливер, - я не заключу с тобой никакого соглашения, кроме этого: я сделаю все возможное, чтобы убить тебя, а ты сделаешь то же самое со мной".

Сказав это, Оливер бросился на Фиерабраса так же яростно, как лев, набросившийся на свою добычу. И Фиерабрас не замедлил встретить его. Он нанес ему такой сильный удар, что пробил его шлем, ранив рыцаря в голову. Увидев это, он воскликнул: "Теперь вы ранены, сэр Оливер. Никогда больше не увидишь ты ни короля Карла, ни Роланда; так и я наконец исполню свое желание". Но Оливер ответил: "Не будь таким гордым и не хвастайся слишком много. Я уверен, что либо убью тебя, либо завоюю". Тогда он попытался нанести язычнику удар по голове, но Фьерабрас, высоко подняв щит, чтобы прикрыться им от удара, оставил свой бок незащищенным, и Оливер, быстро сообразив это, со всей силы вонзил свой меч в бок язычника. И тот упал от удара, столь сильного, что Оливер нанес его со всей силой, дабы положить конец поединку.

ГЛАВА XVI

КАК ОЛИВЕР И ДРУГИЕ ПОПАЛИ В ПЛЕН

Фьерабрас, поняв, что побежден, обратился к Оливеру: "Я прошу тебя о милости, благородный рыцарь, и молю, чтобы меня крестили, ибо как я могу отказаться верить в Бога, с помощью которого ты меня победил? Поэтому я отдаюсь тебе и молю о защите". Когда Оливер услышал его слова и увидел, в каком тяжелом положении он находится, он сжалился над ним, положил его под дерево и так перевязал его раны, что остановил кровотечение. Когда он сделал это, Фьерабрас сказал: "Теперь, благородный сэр, перенесите меня отсюда, ибо своими силами я не могу идти". Оливер ответил: "Нет, но ты так тяжел, что я не смогу тебя унести". Тогда великан снова сказал: "Отнесите меня к королю, ибо, поистине, я близок к концу. А если ты не сможешь меня вынести, то возьми моего коня и сядь на него, положи меня поперек седла, а меч мой положи рядом с собой. И заметьте: в том лесу лежат в ожидании 40 000 моих воинов, которых я поставил там сегодня же, приказав им оставаться там, пока я не вернусь с битвы". Оливер был недоволен этими словами; тем не менее он взял великана, положил его поперек седла своего коня и отправился в путь. Тогда из леса вышло большое войско язычников, среди которых был некий Бруллант и еще один, по имени Сортибрант.

Когда Оливер увидел их, он ударил шпорами в своего коня, но тот был так тяжело нагружен, что не мог ехать так быстро, как преследовал враг. Увидев это, мужчины Франции поспешили на помощь Оливеру, прежде всего Роланд, и Ричард Нормандский, и Ги Бургундский, и герцог Тьерри, а также, как водится, родной отец Оливера, герцог Рейнер. Тем временем Брулланд, опередив своих товарищей, приблизился, ибо ехал он на коне, быстром, как борзая. Тогда Оливер сказал Фиерабрасу: "Итак, сэр король, я вынужден вас прогнать, и делаю это с большим неудовольствием. Но вы видите, что я нахожусь в затруднительном положении, ибо если эти люди догонят меня, то я наверняка буду убит, и король Карл никогда больше не увидит меня". Фиерабрас ответил: "Благородный Оливер, неужели ты покинешь меня? Конечно, я буду в очень плохом положении, если ты меня покинешь". Оливер сказал: "Нет, но я не оставлю тебя и буду сражаться за тебя всеми силами до самого конца". Сказав так, он надел на себя языческий нагрудник, который был в лучшем состоянии, чем его собственный, взял в руку свой меч Хаутклер и повернулся навстречу врагу. Тут на него яростно выехал сарацин Брулланд и ударил его копьем в грудь, так что древко сломалось; но Оливер был ранен. Увидев это, Фиерабрас сказал: "Сэр Оливер, вы достаточно сделали для меня; теперь подумайте о себе. Но сначала положите меня где-нибудь в стороне от дороги, если это возможно". И Оливер положил его под деревом в стороне от дороги. И когда он это сделал, то увидел вокруг себя со всех сторон великое множество сарацин. Видя, что бежать ему некуда, он взмолился Богу, чтобы дано ему было не умереть в это время, а жить, пока он не придет к своему концу в компании с Роландом, своим товарищем. После этого он выхватил свой меч Хаутклер и поразил первого встречного, который был сыном величайшего лорда, находившегося в войске сарацинов, и рассек ему грудь, так что тот упал замертво. Тогда Оливер взял его щит, так как его собственный был разбит на куски. Сделав это, он бросился на врага; одного из вождей он убил с первого же удара, а затем еще нескольких. Он держался очень храбро, но не смертному человеку было под силу одолеть такое войско. Сначала под ним был убит его конь, и хотя он снова поднялся с земли и встал на ноги, и нанес много сильных ударов, убив многих, все же он был побежден силой и числом сарацин. Его щит был пробит в тридцати местах, нагрудник пронзен дротиками, а тело изранено много раз. В конце концов, изнемогая от усталости и сильного кровотечения, он упал на землю. Тогда сарацины схватили его, когда он лежал, и связали веревками, и завязали ему глаза, и, посадив на коня, повезли прочь. Все это время он не переставал взывать о помощи, призывая по имени короля Карла и Роланда, который был его товарищем. И те не остались глухи к его воплям, а поспешили на помощь, если это было возможно. И среди них был Роланд, и Ожье Датский, и Ги Бургундский, да, впрочем, и сам король Карл. Не один из них не убил сарацина, но Оливера они не смогли спасти, потому что те, кто его возглавлял, бежали со всей скоростью, так что люди Франции никак не могли их догнать. Но и это была еще не вся беда: многие христиане были убиты, а другие взяты в плен, как Жерар из Мондидье и Джеффри Ланжевен. Их сарацины привязали к лошадям и поспешно увезли. Когда Карл Великий увидел это, он так разгневался, что едва не лишился рассудка. "Помогите! Помогите!" - взывал он к мужчинам Франции. "Неужели вы не спасете своих товарищей? Это будет плохой день для Франции, если эти люди будут уведены в плен". Роланд и его товарищи не замедлили исполнить приказ короля: они прищипорили коней и погнались за врагом, пытаясь любыми способами освободить пленников. И всегда Роланд был впереди, держа в руке свой добрый меч Дюрендаль. Много ударов нанес он им, и мало было тех, кто был сражен, но остался жив. На протяжении пяти миль они преследовали сарацин, и все равно, когда они преследовали, они убивали, но все же они не могли настигнуть Оливера и остальных пленников, так быстро их унесли те, у кого они были во главе. Что же касается Роланда, то, хотя он и поклялся, что не повернет назад, пока не вызволит из плена своих товарищей, он был вынужден отступить от своей цели, так как

наступила ночь, и никто не знал, какой дорогой ему идти. Тогда король, видя, что существует большая опасность, чтобы сарацины не устроили засаду для его войска, приказал им остановиться и повернуть назад к лагерю. И это они сделали очень неохотно.

Когда король Карл поскакал обратно, он нашел Фьерабраса лежащим под деревом, сильно измученным кровотечением из ран. Увидев его, он сказал: "У меня есть веская причина ненавидеть тебя, язычник, ибо из-за тебя многие мои люди были убиты и взяты в плен, в том числе и Оливер, дорожке которого нет никого на свете".

Услышав эти слова, Фьерабрас вздохнул и сказал: "Благороднейший король, я молю тебя по твоей милости помиловать меня и сделать христианином, чтобы, если я исцелюсь от своих ран, я мог сделать все, что в моих силах, для продвижения христианской веры и освобождения Гроба Господня. А теперь я умоляю вас распорядиться, чтобы меня крестили без промедления".

Услышав такие слова, король проникся к нему великим состраданием и велел своим рыцарям отнести его в удобное место для ночлега. И когда люди Франции увидели, как он велик ростом и красив, они сильно изумились, ибо, действительно, когда он был без доспехов, не было во всем мире человека прекраснее. Тогда они поспешно послали за архиепископом Турпином, который, когда тот пришел, крестил его во имя Флорина. Однако до самой смерти его продолжали называть Фьерабрасом. Тогда король послал своих врачей и мудрецов осмотреть его раны, которые, осмотрев его и обнаружив, что он не пострадал ни в одной смертельной части, утверждали, что через два месяца он снова будет цел.

ГЛАВА XVII

СУДЬБА ОЛИВЕРА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

Сарацины, взявшие в плен Оливера и других рыцарей, не останавливались, пока не пришли к богатому городу, по имени Айгремор. Прибыв туда, они затрубили в трубы у ворот. Балан, который был отцом Фьерабраса, услышав это, подошел к воротам и, увидев там Брулланта, сказал ему: "Расскажи мне, Брулланта, друг мой, как ты поживаешь. Взял ли ты короля Карла и обратил ли в бегство его пэров?" Брулланта ответил: "У меня нет для вас таких вестей, сэр адмирал. Мы потерпели поражение от короля Карла, а Фьерабрас, ваш сын, был побежден в одиночной схватке одним из баронов короля и стал христианином".

Услышав это, адмирал сильно встревожился и упал в обморок. Придя в себя, он стал много жаловаться на свое несчастье и оплакивать своего сына, который, никогда не будучи побежденным, теперь потерпел поражение. И наконец, столь велика была его ярость, что он воскликнул: "Если это правда, и Фьерабрас, мой сын, потерян для меня, то, воистину, я выбью мозги этому лжебогу Магомету, который, пообещав мне так много, выполнил так мало". И он в агонии бросился на землю.

Через некоторое время, когда гнев его несколько утих, он сказал Бруллану: "Скажи мне теперь, был ли Фьерабрас, мой сын, побежден одним из этих рыцарей, которых я сейчас

вижу перед собой? Если это так, покажи мне этого человека". И Бруллант показал ему Оливера, и Балан был не прочь полюбоваться им, так высок он был, силен и красив. Тем не менее он воскликнул: "Приведите его ко мне, и я разрублю его на куски". Когда остальные поняли, что он хочет предать Оливера смерти, они сильно встревожились. Но Оливер утешил их, сказав: "Мы не в таком плохом положении, как вы думаете. Но запомните одну вещь, которую я вам советую. Не называйте адмиралу своих истинных имен. Если он узнает, что мы пэры Франции, он не пожалеет нас, и мы погибнем". Но сарацины не знали, что он сказал. После этого Балан приказал привести пленников к нему, предварительно связав их веревками и завязав глаза. После этого он сказал Оливеру: "Скажи мне сейчас свое имя и страну, и смотри, чтобы ты не сказал ничего ложного".

Оливер ответил: "Я - бедный рыцарь, Эугенес по имени, родом из Лотарингии, отец мой - йомен, а эти мои товарищи, которых ты видишь, тоже бедные рыцари, и мы поступили на службу к королю, надеясь таким образом получить повышение и награду". Балан очень огорчился, услышав это. "Я думал, - воскликнул он, - что у меня есть пять лучших и храбрейших рыцарей Франции и что, имея их, я владею, так сказать, ключами Франции". И сказал он своему камергеру: "Разденьте этих людей и привяжите их к вон тому столбу, а мне принесите дротики, хорошо наточенные железом, чтобы я мог стрелять в них для развлечения". Но Бруллант встал и сказал: "Сэр адмирал, умоляю вас выслушать меня; сейчас уже вечер, и слишком поздно вершить правосудие в надлежащей форме; ваших лордов и советников здесь тоже нет; поэтому отложите это дело до полудня, когда все станет известно и ваше решение будет более обоснованным, ибо в то, что эти люди по праву заслуживают такого наказания, я искренне верю. Учтите также, что король Карл, возможно, захочет отдать Фьерабрас в обмен на этих рыцарей. Поэтому вам лучше сохранить их без вреда".

"Это хороший совет", - сказал адмирал. "Пошлите за Брутамонтом, пусть он возьмет этих людей под свою опеку". Брутамон был смотрителем королевской тюрьмы.

Тогда Брутамон бросил этих французских рыцарей в темницу, которая была настолько глубокой, что туда не проникал свет. Это было ужасное место, в котором питались змеи, жабы и всевозможные ядовитые звери, и в нем стоял ужасный смрад. Кроме того, во время прилива туда поступала морская вода, и в это время она была так глубока в подземелье, что доходила до плеч узников. Что касается Оливера, то от соленой воды его раны, которые были многочисленны и тяжелы, стали нестерпимо болеть. Поэтому он был в плохом состоянии и наверняка бы умер, если бы не Жерар Мондидье, который поддерживал его, чтобы он не утонул. И действительно, все они были в большой опасности утонуть, и, несомненно, так бы и погибли, если бы не два столба в подземелье высотой в пятнадцать футов или около того, на которые они взобрались, подняв и Оливера, ибо своими силами он не смог бы этого сделать. Он громко причитал и кричал, что его отец Рейнер больше никогда не увидит его живым. Но Герард утешил его, сказав: "Не пристало храброму рыцарю жаловаться. Давайте лучше уповать на Бога. И все же я хотел бы, чтобы у каждого из нас в руке был хороший меч. Я клянусь Богом, что мы зарубим не один десяток сарацин, прежде чем они снова загонят нас в эту темницу".

У адмирала была дочь, Флорипа по имени Флорипа, очень красивая девушка, еще не вышедшая замуж. Она была небольшого роста и яркая, как майская роза. Волосы ее были как сверкающее золото, глаза яркие, как глаза сокола, брови над ними тонкие и прямые, нос изящный, щеки округлые, светлые, как флердоранж, но нежного цвета розы, рот маленький и нежный, подбородок правильной формы, плечи прямые, грудь изящного изгиба. Она была одета в пурпурную мантию, расшитую золотом, благородного вида и такого достоинства, что

ни одна из носящих ее не могла пострадать от любого яда. Такова была Флорипа. Она была так прекрасна, что если человек постился три дня или четыре, а потом смотрел на нее, он был доволен, как от обилия мяса и питья.

Дева, услышав жалобы французских рыцарей, почувствовала к ним большую жалость. И она вышла из своих покоев в зал, а двенадцать служанок, которые ее ждали, последовали за ней. И когда она пришла в зал, то застала там великое плач, и, спросив о причине, услышала, что ее брат Фьерабрас был побежден в битве и взят в плен. Тогда она громко заплакала и горько рыдала, и все, кто был в зале, плакали вместе с ней.

После того как горе девы немного улеглось, она послала за тюремщиком Брутамонтом и потребовала от него, кто эти люди, которых он держит в темнице. "Госпожа, - сказал он, - это французские рыцари, слуги короля Карла, и они причинили большой вред нашему народу и нанесли бесчестье нашим богам. К своим преступлениям они добавили еще и то, что помогли убить Фьерабраса, вашего брата. Среди них есть один человек, которого я никогда не видел; именно он, как мне сказали, одержал верх над твоим братом". Тогда Флорипас сказал: "Откройте сейчас же темницу, ибо я хотел бы знать, как они поживают". Но Брутамон ответил: "Не так, госпожа; место это мерзкое и отвратительное, и так темно, что вы не сможете разглядеть людей. Кроме того, ваш отец строго-настрого приказал мне, чтобы я никого не подпускал к тюрьме, и уж тем более женщин, поскольку многие обманываются и стыдятся женщин".

Флорипа очень разгневалась, услышав такие слова: "Ты, злой зверь!" - сказала она; "Ты говоришь мне такие слова?" И она позвала своего камергера и велела ему принести ей посох. Когда он принес его, она нанесла тюремщику Брутамонту такой сильный удар по голове, что тот упал на землю мертвым.

Затем Флорипас велела зажечь факел и открыть дверь тюрьмы. И когда она увидела пленников, как они взобрались на столбы, как уже было сказано, она сказала: "Скажите мне теперь, милорды, кто вы и как вас зовут". Оливер ответил: "Прекрасная дама, мы люди из Франции, рыцари короля Карла, и, будучи привезены сюда, были заключены адмиралом в эту ужасную темницу. Лучше бы мы были убиты в бою, чем гнить в этом месте!" Флорипа, которая, несмотря на то, что не была христианкой, отличалась большой вежливостью и состраданием, сказала им: "Теперь я обещаю, что выведу вас из этой тюрьмы, только вы должны обязаться сделать то, что я от вас потребую". И Оливер сказал: "Мы сделаем это, мадам, с радостью. Мы верные люди и преданные, и никогда не были и не будем другими. Дайте нам в руки оружие и направьте нас туда, где мы сможем сразиться с этими сарацинами. Воистину, им будет плохо с нами".

"А теперь, - ответил Флорипас, - думаю, ты слишком хвастаешься. Вот ты в тюрьме, а хвастаешься перед теми, кто на свободе. Лучше уж молчать, чем говорить глупости". Тогда Герард сказал: "Госпожа, тот, кого так держат в тюрьме, часто употребляет легкие слова, чтобы забыть о своей боли". Тогда Флорипас сказал Герарду: "Ты очень вежливо извиняешь своего товарища. Я думаю, что у тебя есть лживый язык, с помощью которого можно завоевывать сердце девы". "Вы говорите правду, леди, - воскликнул Уильям Шотландец, - вы не найдете равного ему на триста миль и более".

После этого Флорипа послала своего камергера за веревкой, которую спустила в темницу. Увидев ее, узники первым делом обвязали ею Оливера, и Флорипа с камергером без особого труда вытащили его из воды. После него остальные были извлечены еще легче. Спасши их, она тайным путем отвела их в свое жилище, которое было очень красивым и просторным, дивно украшенным всевозможными картинами, изображающими солнце, луну и все

небесное воинство, леса, горы и всевозможных живых существ, сделанных, как утверждают некоторые, сыном Мафусаила. Жилище это стояло на черной скале, полностью окруженной морем, а рядом с ним был сад, цветы и плоды которого никогда не опадали. Там же росли драгоценные травы, способные излечить от всех болезней и недугов, кроме смертельной болезни.

У Флорипаса была гувернантка по имени Марагонда. Марагонда сказала девице: "Госпожа, я хорошо знаю этих французов. Это Оливер, сын Рейнера, тот самый, что победил Фьерабраса, вашего брата; вон тот - Жерар из Мондидье, а этот - Вильгельм Шотландец. Да ниспошлет на меня Магомет свое проклятие, если я сразу же не расскажу об этом твоему отцу, лорду-адмиралу". Услышав эти слова, Флорипа изменилась в цвете и пришла в сильный гнев, который, однако, скрыла. Тогда она позвала женщину, чтобы та подошла к ней, где она стояла у окна; когда та подошла, она с силой ударила ее об землю и, позвав слугу, велела ему бросить ее в море, ибо она очень боялась своего отца и его злобы. "Ступай, злобный негодяй, - сказала Флорипа, увидев, как Марагонда погружается в воду, - ты получил свою награду".

Сделав это, она учтиво поприветствовала французов и, увидев, что сэр Оливер весь в крови, дала ему отвар некой травы под названием мандеглор, выпив который, он сразу же стал цел. Затем рыцари освежились в бане, были одеты в добротные одежды и развлекались мясом и питьем. И когда они насытились, она сказала им: "Милорды, я прекрасно знаю, кто вы такие, что это, например, сэр Оливер, который победил Фьерабраса, моего брата; но я оказала вам эту великую любезность не без опасности для себя. Во Франции есть рыцарь, которого я давно люблю, Ги Бургундский по имени, он добрейший человек из всех, кого я когда-либо видел, из рода Карла Великого и Роланда. Я видел его в Риме, когда мой отец Адмирал брал этот город, и тогда же отдал ему свое сердце, когда он поверг на землю некоего Люцифера, который был вождем языческих воинов. Ради этого Гая я стану христианкой, и если не смогу взять его в мужья, то никогда не выйду замуж. Поэтому я прошу тебя помочь мне в этом деле". Тогда Герард из Мондидье сказал: "Госпожа, дайте нам оружие, и мы обратим сарацинов в бегство". Но Флорипа была благоразумна и сказала: "Отдохните немного, друзья мои, ибо потребуется много советов, прежде чем станет ясно, как вам лучше поступить".

ГЛАВА XVIII

О МОСТЕ МАНТРИБЛ

Герцог Рейнер не мог ни есть, ни пить от горя, которое он испытывал по поводу своего сына; и когда он больше не мог терпеть эту беду, он пришел к королю Карлу и изложил свою жалобу. "О, сэр, - сказал он, - я готов умереть от горя по моему дорогому сыну Оливеру. Если я не получу никаких вестей о нем, то мне придется погибнуть или самому отправиться на его поиски". Король, услышав эти слова, преисполнился жалости, послал за Роландом и сказал ему: "Прекрасный племянник, ты должен завтра отправиться в Айгремор, поговорить с Баланом и сказать ему, причем совершенно ясно, что он должен немедленно отдать святыни, которые у него есть, а также освободить тех моих рыцарей, которые у него в плену. А если он откажется это сделать, то скажи ему, что я непременно повешу его как вора". На это

Роланд ответил: "Прекрасный король и дядя, не посылайте меня с таким поручением, ибо если вы это сделаете, то больше никогда меня не увидите". Тогда герцог Неймс сказал: "Осторожно, сир, что вы делаете. Вы знаете, какой доблестный человек ваш племянник Роланд. Если вы отправите его, он больше не вернется". Король Карл сказал: "Тогда вы отправитесь с ним, неся письма, которые я pošлю адмиралу". И тогда другие пэры, как герцог Тьерри и Ожье Датский, встали на свое место и сказали то же самое, и тогда король дал великую клятву, даже глазами в своей голове, что и они должны отправиться. Так он поступил с шестью пэрами. В последнюю очередь он напутствовал Ги Бургундского и сказал ему: "Ты мой кузен и ближайший ко мне по крови, ты будешь седьмым среди этих шести, чтобы отнести мое послание Балану Адмиралу. Ты скажешь ему, что я намерен крестить его, что он держит у меня все свое королевство и что он должен передать мне святыни". Ги Бургундский сказал: "Государь, молю вас не посылать меня с этим поручением, ибо, если вы pošлете меня, я уверен, что вы меня больше никогда не увидите". Но король не обратил на это внимания. На следующий день семеро пришли, встали перед ним и сказали: "Мы просим вашего разрешения уйти; если мы причинили зло кому-то из этой компании, мы просим его простить нас, а если кто-то причинил зло нам, мы прощаем его". При этих словах все присутствующие начали плакать от жалости. Король сказал: "Ну, возлюбленные, я предаю вас Богу; да хранит Он вас!" Затем они отправились в путь.

Тем временем в Айгреморе адмирал пребывал в великой беде и сомнениях. Поэтому он послал за пятнадцатью королями сарацинов, чтобы они дали ему совет. Когда они пришли, самый свирепый из них, Марадас по имени, сказал: "Господин адмирал, зачем ты послал за нами?" Балан ответил: "Я скажу вам правду: Карл Великий направляется сюда. Он говорит, что я держу у него свое королевство. Сейчас ему лучше было бы сидеть тихо и отдыхать от своего старого тела, молиться в своих церквях и есть ту пищу, которая у него есть. Итак, иди и потребуй от него моего сына Фиерабраса и попроси его оказать мне почести за его королевство, или я приду со ста тысячами воинов и сковываю его". Марадасу это дело не понравилось, но он сказал, что пойдет. Так же поступили и остальные; они вооружились и ушли.

И вот обе эти компании отправились в путь и вскоре приблизились одна к другой. И первым увидел сарацин герцог Неймс и сказал: "Видите, эти сарацины идут против нас с большим войском; посоветуйте, что нам делать". Роланд сказал: "Не торопитесь, милорды. Их всего двадцать или, самое большее, тридцать человек; давайте поедем прямо на них", и этот совет показался им всем хорошим.

После этого Марадас выехал из окружения сарацин и сказал: "Несчастье, что вы, будучи христианами, встретились с нами". "Это глупость", - ответил герцог Неймс. "Мы прибыли от короля Карла с посланием к Балану, твоему господину". Марадас снова сказал: "Вам грозит опасность. Кто-нибудь сразится со мной?" "Это сделаю я", - ответил герцог Неймс. "Ты слишком смел, - ответил Марадас. "Я охотно сразился бы с десятью такими, как вы. Слушайте все; пусть никто не двигается с места; я одолею вас всех и отдам моему господину адмиралу".

Роланд, услышав эти слова, был почти вне себя от гнева и воскликнул: "Прежде чем сядет солнце, вы увидите, что мы можем сделать". Тогда он в великой ярости бросился на Марадаса, и Марадас тоже бросился. Каждый из них острием копья сбил корсет другого, но Роланд нанес Марадасу такой удар, что сбил с его головы шлем, а затем, быстро опомнившись, ударил его по голому черепу и рассек его до мозга, так что тот упал замертво. Тогда остальные рыцари набросились на остальных сарацин и перебили их, спасся только один, который не спускал с плеч, пока не подошел к адмиралу. Адмирал сказал: "Ты вернулся

с хорошей скоростью. Что ты сделал?" И король, который спасся, ответил: "Все прошло очень плохо; мы столкнулись с семью рыцарями Франции, которые сказали, что они люди короля Карла. Они бросились на нас и так овладели нами, что я спасся только для того, чтобы рассказать эту историю". Услышав это, адмирал едва не умер от горя и ярости.

После битвы с сарацинами Роланд и его товарищи немного отдохнули на лугу, который находился неподалеку. И сказал герцог Неймс: "Хорошо бы нам вернуться к королю Карлу и рассказать ему о том, как у нас все сложилось. Я полагаю, он будет доволен". Но Роланд сказал: "Вы говорите о возвращении, сэр герцог? Пока у меня в руках мой добрый меч Дюрендаль, я не вернусь. Мы отправим послание адмиралу, как велел король. А теперь давайте возьмем каждый по голове язычника в руку и подарим их адмиралу". "Вы не в своем уме, сэр Роланд, - сказал герцог Неймс, - если мы так поступим, нас наверняка всех перебьют". Но остальные были согласны с мнением Роланда, поэтому каждый взял в руку голову язычника, и они отправились в путь.

Так они ехали, пока не пришли к мосту Мантрибл. Когда герцог Неймс увидел мост, он сказал: "Это Мантрибл, а по ту сторону моста лежит город Айгрemor, где мы найдем адмирала". Тогда Ожье датчанин сказал: "Сначала мы должны пройти по мосту, а это очень опасное место. В нем тридцать арок, и на нем большие башни, а стены так широки, что десять рыцарей могут проехать по ним в один конец. А посреди него - большой разводной мост, который опускается и поднимается десятью железными цепями. А под мостом протекает река, которую они называют Флагот. Река эта течет так быстро, как болт вылетает из арбалета; течение столь бурное, что ни одна лодка или галера ни за что не может переплыть ее. А хранитель моста - великан, Галлафер по имени, очень страшное чудовище. Он вооружен стальным топором, которым может поразить любого, кто посмеет пройти по мосту против его воли".

Тогда Роланд сказал: "Не беспокойтесь, милорды. Пока Богу угодно хранить меня, а Дюрендаль у меня в руках, мне нет дела ни до какого язычника, будь то великан или кто другой. А этого носильщика я убью, если он попытается мне помешать". Но герцог Неймс сказал сэру Роланду: "Это глупые разговоры; неразумно нанести один удар и получить за него целый счет. Предоставьте это дело мне, и я так поступлю с носильщиком, что он пропустит нас через мост без всякого труда".

И вот, когда они подъехали к мосту, перед ними ехал герцог Неймс. Он был старик, и волосы у него были седые, так что ему подобало ехать первым. Носильщик спросил его: "Куда вы едете с этой компанией и каково ваше поручение?" Герцог ответил: "Мы посланники короля Карла и едем в Айгрemor с посланием к адмиралу Балану. Он не изгнал всех злых людей из своей страны, потому что по пути мы встретили пятнадцать злодеев, которые хотели отнять у нас лошадей и жизнь. Но мы навели с ними такой порядок, что они больше не будут нас беспокоить. Смотрите, вот их головы".

Когда портье услышал эти слова, он едва не вышел из себя от гнева. Он сказал герцогу Неймсу: "Послушай меня, ты должен платить пошлину за проезд по этому мосту". Герцог ответил: "Сколько угодно. Мы вас удовлетворим". "Невелика эта пошлина", - сказал носильщик. "Вы должны заплатить тридцать пар гончих, и сто девиц, и сто соколов в клетках, и сто лошадей, и за каждую ногу каждой лошади по куску золота. Также ты должен дать мне четырех вьючных лошадей, нагруженных золотом и серебром". Герцог сказал: "Все это и многое другое вы найдете в нашем багаже, который идет за нами. К полудню вы получите свою дань. По правде говоря, там гораздо больше вещей, чем вы говорите, и хауберки, и шлемы, и хорошие щиты. Берите из них столько, сколько пожелаете". Поверил Галлафер

Портье, так смело говорил герцог, и пропустил их через разводной мост. Тогда Роланд рассмеялся и сказал: "Сэр герцог, вы действительно сдержали свое слово"; и когда они прошли еще немного, Роланд заметил турка, который шел по мосту, и без промедления соскочил со своего зверя, схватил турка за середину и перебросил его через стену моста в реку. Когда герцог Неймс, оглянувшись, увидел, что он сделал, он сказал: "Конечно, дьявол в этом Роланде; в нем нет терпения. Если Бог не сохранит нас, он доведет нас всех до смерти". И действительно, Роланд был столь отважен, что не считался ни со временем, ни с местом; где бы он ни нашел своего врага, он тотчас же отомстит ему.

ГЛАВА XIX

О ДЕЯНИЯХ ФЛОРИПАСА

В свое время французские рыцари подошли к городу Айгремору и, войдя в ворота, подошли, ведомые сарацином, к тому месту, где в тени дерева сидел адмирал. Герцог Неймс сказал своим спутникам: "Я - носитель письма короля, и поэтому буду говорить первым". Роланд был недоволен этим, желая получить эту должность для себя. Но герцог этого не допустил: "Нет, - сказал он, - не говори ни слова; ты не можешь держать себя в руках; если ты будешь действовать по своему усмотрению, то доведешь нас всех до смерти еще до захода солнца".

И герцог заговорил первым, начав так: "Да сохранит и защитит Господь Всемогуший нашего могущественного короля Карла и да посрамит Балана-адмирала и его подданных. Ибо они вели себя с нами весьма бесчестно, пытаюсь отнять у нас лошадей и прочее имущество". Когда адмирал услышал эти слова, ему стоило больших усилий сдержать свой гнев. Не успел он ответить герцогу, как пришел один король, спасшийся от французов, и сказал ему: "Это те же восемь злодеев, что убили королей; отомсти им". Балан сказал: "Оставь их на время", и, обратившись к герцогу Неймсу, сказал: "Закончи теперь свое послание". Герцог ответил, что с радостью сделает это, и продолжил: "Великий и благородный король Франции просит вас передать ему терновый венец, которым был увенчан Господь наш Христос, и другие святыя вещи. Также он приказывает тебе освободить некоторых его рыцарей, которых ты держишь в тюрьме; если ты не сделаешь этого немедленно, то он повесит тебя за шею до самой смерти". Балан сказал: "Ты поносил меня жестокими словами, но я выслушал тебя вежливо. Теперь иди и сядь у вон того столба, и пусть говорят другие, которых я еще не слышал".

Затем пришел Ричард Нормандский и произнес те же слова. Когда адмирал увидел его, он сказал: "Ты похож на Ричарда Нормандского, того самого, что убил моего дядю Корсубла. Пойди и сядь, пока я не выслушаю твоих товарищей". После Ричарда пришли остальные, говоря те же слова и другие, похожие на них. Но никто не говорил более яростно и гордо, чем Роланд, который, приказав адмиралу отдать Святыя вещи, а рыцарям - пленников, добавил: "И смотри, чтобы ты отдал этих пленников в добром деле; иначе король Карл прикажет повесить тебя за шею как вора".

Балан в ярости воскликнул: "Это гордые слова. Клянусь Магометом и Термагантом, я не буду есть, пока тебя не повесят". Но Роланд ответил: "Тогда, думаю, ты будешь держать слишком долгий пост. Говори, что хочешь; я считаю тебя не более ценным, чем дохлую собаку".

Последним пришел Ги Бургундский, который, передав послание, сказал: "Я советую вам, сэр адмирал, подчиниться моему господину королю. Снимите плащ, рукава и башмаки и идите в одной лишь рубашке, неся на спине седло лошади, и не успокаивайтесь, пока не придете в присутствие короля Карла, где вы признаетесь в своих проступках и будете молить о пощаде. Если же ты этого не сделаешь, тебя непременно повесят или сожгут на костре".

Услышав все эти слова, адмирал не на шутку разгневался. Тогда он призвал Брулланта и Сортибранта, а также других своих советников и сказал им: "Что нам делать с этими людьми?" Сортибрант ответил: "Пусть их разрубят на куски. А когда вы их убьете, соберите все свои войска и идите в Мормионд, где сейчас находится король Карл, и возьмите его, и предайте смерти". Выслушав этот совет, адмирал согласился с ним и приказал готовиться к расправе над французскими рыцарями.

Но принцесса Флорипа знала обо всем, что было сделано. Поэтому, войдя в зал, она приветствовала своего отца и спросила его: "Кто эти рыцари, которые расположились вон там поодаль?" Адмирал ответил: "Это рыцари Франции, которые упрекали меня очень злыми словами. Что мне с ними делать?" Флорипас сказал: "Я советую тебе отрубить им головы с минимальной задержкой, ибо они вполне заслужили это. После этого сожги их тела за городом".

Адмирал сказал: "Это хороший совет, и он будет выполнен немедленно. Ступайте в тюрьму и приведите туда других рыцарей, которые там находятся. Пусть все они вместе примут смерть". "Добрый отец, - ответил Флорипас, - сейчас время ужина. Ты не сможешь достойно совершить это правосудие, пока не пообедаешь". Но ее целью было убедить отца справедливыми словами, чтобы он собрал всех француззов вместе. Поэтому она сказала: "Отец, отдай этих рыцарей мне на хранение. Они будут хорошо охраняться. А после ужина ты свершишь над ними правосудие в присутствии своих людей". Адмирал согласился. Но Сортибрант, зная, что женщины изменчивы и непостоянны, сказал ему: "Неразумно возлагать такое доверие на женщину. Вы знаете на многих примерах, как они обманывают мужчин". Флорипас был сильно разгневан этими словами Сортибранта и сказал ему: "Ты предатель, лжец и неверный. Я бы так отхлестала тебя по лицу, что кровь потекла бы по телу, если бы это было прилично служанке".

Закончив спор, Флорипа повела французских рыцарей в свои покои. Когда они шли, герцог Неймс сказал: "Кто видел такую прекрасную женщину, как эта? Поистине, тот, кто сразится с ней за любовь, будет вдохновлен". Но Роланд разгневался и сказал: "Какой дьявол побуждает вас говорить о любви; сейчас не время для таких разговоров". И ответил герцог: "Сэр Роланд, я тоже когда-то был влюбленным". Но Флорипа, сказав, что им не пристало спорить между собой, отвела их в свои покои и затворила за ними дверь. Тогда Роланд и Оливер обнялись с великой радостью. Остальные рыцари тоже были рады снова собраться вместе. И в самом деле, это было чудесно; но чего только не сделает женская смекалка, чтобы добиться того, чего она так сильно желает! Ведь рассказывали, что Флорипа очень любила Ги Бургундского и готова была креститься, лишь бы заполнить его в мужья.

Когда рыцари закончили свои приветствия, Флорипа обратилась к ним: "Милорды, обещаете ли вы мне под честное слово, что поможете мне достичь того, чего я желаю?" Герцог Неймс ответил: "Это, сударыня, мы сделаем охотно. И вы можете верить, что мы сохраним веру в вас". Тогда Флорипа спросила герцога, под каким именем он известен. И когда он сказал ей,

она спросила имена остальных. И когда она подошла к Роланду и услышала, что это Роланд, сын герцога Миланского и племянник самого короля Карла, она опустилась на колени у его ног. И когда он учтиво поднял ее, она сказала ему: "Я люблю одного рыцаря Франции, Ги Бургундского по имени, и хотела бы получить о нем весточку". "Мадам, - отвечал Роланд, - он здесь, на этом самом месте; между ним и вами не более четырех футов пространства".

Тогда Роланд сказал Ги Бургундскому: "Подойди, сэр Ги, к этой деве и прими ее с радостью, как подобает". Но Ги ответил: "Не дай Бог мне взять жену, если только ее не отдаст мне сам король Карл". Когда Флорипа услышала его, она изменила цвет кожи, очень разгневалась и сказала: "Если это так, то я клянусь Магометом, что все эти рыцари будут повешены на виселице". Тогда Роланд сказал Ги: "Молю тебя, сделай этой девице удовольствие, которое она хотела бы получить". И Ги согласился на ее волю. А Флорипа сказала, что теперь она получила то, чего желала больше всего, и поцеловала его, но не в губы, ибо не смела, будучи еще язычницей, а в щеку и подбородок. После этого она открыла большой сундук, стоявший в ее покоях, и расстелила на нем шелковую ткань, а на нее положила терновый венец и гвозди, которыми были пронзены ноги Господа. "Вот, - сказала она, - великое сокровище, которое вы так хотели увидеть". Тогда рыцари подошли и благоговейно, не без слез, поцеловали святые мощи. После этого вещи были снова уложены в сундук, где они находились до этого.

ГЛАВА XX

О ПОСТУПКАХ ФРАНЦУЗСКИХ РЫЦАРЕЙ

Когда адмирал сидел за ужином, в зал вошел вождь, которого звали Люцифер, и он был особым другом адмирала. Он сказал: "Правда ли, как я слышал, что Фьерабрас, ваш сын, который был самым лучшим рыцарем во всем мире, был побежден и взят в плен?" "Это правда, - ответил адмирал, - я не стану скрывать от вас. Его одолел французский рыцарь, которого Магомет может спутать с другими. Но мы взяли пятерых рыцарей короля Карла; еще семь рыцарей прибыли сюда с весьма дерзким посланием ко мне от короля, и все они, таким образом, находятся в тюрьме. Я отдал их в руки Флорипы, моей дочери, и она заперла их в тюрьме".

"Господин, - сказал Люцифер, - ты поступил нехорошо, доверив этих узников женщине, ибо женщины склонны к переменам и переключению с одного дела на другое. Если вам угодно, я пойду и посмотрю, в каком они состоянии".

Тогда адмирал сказал: "Хорошо сказано; пойдя и посмотри, а когда вернешься, сделай так, чтобы моя дочь вернулась с тобой".

Люцифер пошел и, подойдя к палате, где находилась Флорипа, не стал добиваться, чтобы ему открыли дверь, а так сильно ударил по ней ногой, что выбил засов и решетку.

Увидев это, Флорипа очень разгневалась и сказала Роланду: "Это насилие мне неприятно, сэр Роланд, тем более что человек, совершивший его, должен был быть моим мужем, хотя я его не любила. Молю вас отомстить мне за эту обиду".

"Будьте довольны, прекрасная леди, - отвечал Роланд, - этот человек узнает о своем злодеянии, прежде чем уедет. Никогда еще он не платил столько за изготовление замка, сколько заплатит за его взлом". Тем временем Люцифер вошел в палату и, подойдя к герцогу

Неймскому, который был обнажен, взял его за бороду и притянул к себе так грубо, что едва не повалил его на землю. "Откуда ты, старик?" - сказал он, - "Скажи мне правду". Герцог сказал ему: "Я герцог Неймский, я советник короля Карла, от которого я прибыл вместе с этими лордами, которых вы видите, с посланием к адмиралу. И поскольку то, что мы сказали, пришлось ему не по вкусу, он сделал нас пленниками. А теперь уберите свою руку от моей бороды, вы достаточно долго держали меня. И будь уверен, что я говорю не все, что думаю". Язычник ответил ему: "Может быть, адмирал простит тебе твою глупость. Но пойдем, Расскажи мне правду о своих соотечественниках, как они ведут себя и в какие игры играют?" Герцог ответил: "Когда король ужинает, каждый может идти, куда хочет. Кто-то едет на лошади, кто-то идет в поле, а кто-то играет в шахматы или за столом. Утром каждый человек слушает мессу, когда она совершается; они также склонны подавать милостыню нуждающимся. И в бою их нелегко одолеть".

BLOWING THE GREAT COAL.

РАЗДУВАНИЕ ВЕЛИКОГО УГЛЯ.

Люцифер сказал: "Старик, ты зазнался; все это ерунда; скажи, может ли твой народ дуть на великий уголь?" "Я никогда не слышал о великом угле", - сказал герцог. Тогда Люцифер сказал: "Я научу тебя, как это делается", - и он подошел к большому костру, который был в палате, а Роланд тем временем сделал знак герцогу, чтобы тот терпел, как тот поступит. Тогда Люцифер взял самое большое из тех, что горели, и дунул в него с такой силой, что искры разлетелись во все стороны. "А теперь, - сказал он герцогу, - ты тоже должен дунуть". Тогда герцог взял уголь и дунул в него с такой силой, что пламя приблизилось к лицу язычника и опалило ему бороду. Люцифер был почти вне себя от гнева, но не успел он и слова вымолвить, как герцог ударил его клеймом по шее с такой силой, что кость сломалась, и человек замертво упал на пол. "Клянусь, - сказал Роланд, - ты умеешь хорошо играть, раздувая уголь. Да будет благословенна рука, нанесящая этот удар". Герцог сказал: "Не вините меня, друзья мои, ибо вы видели, как этот человек со мной шутил". Тогда Флорипас сказал: "Сэр, вы достойны всяческих почестей. Люцифер, я полагаю, больше не захочет играть с вами на большом угле. Не захочет он и жениться на мне. Ведь именно это и было его целью. Воистину, лучше бы я умерла самой злодейской смертью, чем заполучила его в мужа".

Через некоторое время Флорипа, будучи женщиной мудрой, сказала рыцарям: "Этот Люцифер, который теперь умер, был очень любим моим отцом, который, без сомнения, и сейчас ждет его к себе на ужин. Как только станет известно, что он убит, на вас нападут, и если вы будете побеждены, то все золото мира не спасет вас от смерти. Поэтому вооружайтесь и, вооружившись, не ждите, пока на вас нападут в этом месте, а отправляйтесь и сами нападите на дворец адмирала, и будьте уверены, что вы сделаете это так, что станете его хозяевами".

Этот совет показался рыцарям хорошим. И они вооружились и пошли вперед, смелые, как львы, и свирепые, как голодные волки, и время их похода было час, который бывает между днем и ночью. Первым шел Роланд и убил короля Корсаблиса; следом шел Оливер, и он тоже сразил короля, по имени Колдро; велика была резня, ибо сарацины были схвачены, когда сидели за мясом. Многие были убиты, а немногие выпрыгнули из окон и так погибли. Адмиралу же удалось спастись лишь немногим: когда он выпрыгнул из окна, Роланд нанес ему сильный удар мечом, и меч проделал в мраморном камне окна дыру глубиной в фут. "Брат, - сказал Оливер, - адмирал сбежал от тебя". "Ты говоришь правду", - ответил Роланд, - "и я не очень доволен". Но французы стали хозяевами дворца и, заперев ворота, оказались в безопасности. Но их беспокоило то, что у них не было мяса.

Адмирал зажегся во рву и стал кричать своим людям, чтобы они вытащили его. И это сделали для него Бруллант и Сортибрант. И когда его вытащили, Сортибрант сказал ему: "Сэр адмирал, не говорил ли я вам, что не стоит доверять женщине? Теперь вы видите, что произошло. В другой раз вам лучше поверить мне. Держись за хвост старой собаки, и ты не собьешься с пути". Адмирал сказал: "Сортибрант, не упрекай меня больше. Я отомщу этим людям раньше, чем пройдет много дней". "Это хорошо, - ответил Сортибрант, - но сейчас ночь уже далеко. Я бы посоветовал вам ничего не предпринимать до наступления утра". На этом адмирал успокоился. Но он сильно оплакивал Люцифера.

Что касается французов, то он поклялся, что будет тащить их за хвосты своих лошадей, убедившись, что они не смогут удержаться, потому что им нечего есть, и их король не сможет прислать им помощь, "ибо, - сказал он, - вся помощь должна прийти через мост Мантрибл, а этот мост мы удерживаем".

На следующий день адмирал, собрав большое войско, начал атаковать замок камнями из рогаток и отравленными дротиками. Таким образом они нанесли небольшой урон, но рыцари и девицы в замке сильно страдали от недостатка пищи, и никто не страдал больше, чем сама Флорипа, которая горевала не только за себя, но и за рыцарей, и за девиц, которые ее ждали. Когда Ги Бургундский увидел это, он сказал своим товарищам: "Вот уже три дня, как у нас нет хлеба. Тяжело это терпеть, и я страдаю за этих девиц больше, чем за себя. Лучше умереть, чем терпеть эту боль. Так давайте же выступим вперед и добудем себе пропитание". Этот совет понравился всем французам.

Но Флорипас сказал им: "Теперь я вижу, что Бог, которому вы поклоняетесь, малосилен, раз он позволяет вам оставаться в таком бедственном положении. Если бы вы поклонялись нашим богам, то они, без сомнения, снабдили бы вас мясом и питьем в изобилии". Роланд сказал: "Госпожа, позвольте нам увидеть ваших богов. Если они обладают такой силой, как вы говорите, мы непременно поклонимся им". Тогда Флорипа взяла ключи и повела французских рыцарей в место, находившееся под замком, где в большом количестве были установлены боги: Аполлон, Магомет, Термагонт, Юпитер и другие с ними. Очень великолепно было это место, и полно золота и драгоценностей. Ги Бургундский сказал: "Здесь много золота: если бы король Карл владел им, он мог бы отстроить все церкви, которые были низвергнуты".

Флорипас сказал: "Сэр Ги, вы произносили хулу на богов; поклонитесь ли вы им теперь, чтобы они были склонны помочь вам". Сэр Гай ответил: "Госпожа, я не могу молиться им, ибо мне кажется, что все они спят и не обращают внимания на то, что говорят". Тогда он ударил по изображению Юпитера, и оно упало на землю, а Огир датчанин ударил по другому изображению. Когда все они были повержены на землю, Роланд сказал Флорипе: "Госпожа, эти боги не имеют силы и ни к чему не приводят". После этого дева перестала в них верить.

После этого, когда Флорипа упала в обморок от беды и голода, рыцари выступили вперед. И сказал Роланд: "Теперь кто-то должен охранять ворота, чтобы мы могли, когда представится случай, снова войти в них. Пусть их охраняет герцог Неймс или датчанин Огир". Герцог сказал: "Думаете ли вы, сэр Роланд, что я настолько беден, что стану служить у вас носильщиком? Уверен, я этого не сделаю. Я стар, но все же могу сесть на коня в бою, и сухожилия мои хорошо натянуты, и у меня достаточно сил, чтобы сражаться с врагами". "Поступайте как хотите, сэр герцог", - сказал Роланд. Ни один человек не пожелал занять это место. Тем не менее, в конце концов Тьерри остался с Джеффри сторожить ворота.

Тем временем адмирал, сидя у окна, увидел, как французы выходят на битву. Он послал за Сортибрантом и Брюллантом и сказал им: "Я вижу, что французы выходят на бой. Если они не будут все убиты, я буду очень недоволен". Тогда сарацины, которых было великое множество, напали на французов, но не смогли выстоять против них. Роланд, держа в руке свой меч Дюрендаль, совершал великие подвиги. Рыцари не были отбиты, хотя король Кларион, сосед адмирала, пришел к нему на помощь с 15 000 человек. Поэтому в тот день рыцари сражались с большой славой. А когда битва закончилась, к ним пришла чудесная удача. Ибо они увидели, что мимо замка проехало двадцать зверей, груженных провизией: хлебом, вином, олениной и прочими яствами. Они направлялись к адмиралу, но французские рыцари тут же перебили сопровождающих и загнали зверей в город. Однако это не удалось сделать без особого труда и хлопот.

А беда заключалась вот в чем. Французские рыцари были так сильно потеснены толпой сарацин, преследовавших короля Клариона, что некоторые из них были убиты, как герцог

Басин и Обри, его сын, а Ги Бургундский был взят в плен, его конь был убит под ним. Сарацины завязали ему глаза и повели прочь, а король Кларион тем временем насмеялся над ним и говорил: "Плачь и кричи, как хочешь, мой прекрасный друг, - ведь Ги призвал на помощь Бога, - ничто тебе не поможет. Сегодня я отдам тебя адмиралу, а завтра ты будешь повешен". Французы проявили чудеса храбрости, но не смогли противостоять толпе своих врагов и были вынуждены укрыться в Тауэре.

ГЛАВА XXI

О ПАРНЕ БУРГУНДСКОМ

Французы, оказавшись в безопасности в Тауэре, подкрепились едой, ибо, как уже было сказано, они долго постились. Когда они сидели за едой, пришел Флорипас и сказал им: "Скажите мне, где Ги Бургундский, который должен был стать моим мужем? Я видела, как он выходил с вами за ворота; вернулся ли он с вами?" Роланд ответил ей: "Флорипа, не думай, что увидишь его снова. Язычники вырвали его из наших рук, несмотря на все, что мы могли сделать; и как он будет жить в их руках, мы не знаем". Услышав эти слова, Флорипа упала, как мертвая. Придя в себя, она зарыдала жалобным голосом: "Сеньоры Франции, если Ги не вернут мне, я отдам эту башню моему отцу раньше, чем пройдет два дня". Тогда Роланд утешил ее, сказав: "Не тревожьтесь, леди, вы скоро снова увидите сэра Ги. Это я тоже говорю. Плачем и сетованиями вы его не вернете. Крепитесь и утешайтесь, а также, поскольку вы ослабли от долгого поста, ешьте эту пищу". Тогда Флорипа и ее дамы успокоились и приняли пищу.

Тем временем Гая привели к адмиралу. Он сильно изменился в лице, был бледен и исхудал, так как не ел уже три дня. Кроме того, он с тревогой думал об опасности, которой подвергался. Кроме того, у него было испорчено оружие. Но при всем этом было видно, что он очень галантный рыцарь. Балан спросил его имя и страну. Гай ответил: "Адмирал, я скажу правду без страха. Я Ги Бургундский, подданный короля Карла и двоюродный брат Роланда Доблестного".

Адмирал ответил: "Я хорошо знаю вас, сэр Ги. Вот уже семь месяцев моя дочь питает к вам большую любовь, что мне крайне неприятно. Воистину, по этой причине я потерял много хороших людей, которых убили вы и ваши товарищи. Но скажи мне честно, кто эти рыцари, что были с тобой в замке?" Тогда Гай назвал ему имена рыцарей, последним из которых было имя герцога Басина. "Его, - сказал он, - ты убил, но будь уверен, что за его смерть ты дорого заплатишь". Когда он произнес эти слова, стоявший рядом сарацин ударил его по губам так, что хлынула кровь. Тогда Гай сильно разгневался и, схватив сарацина одной рукой за волосы, другой рукой ударил его по шее с такой силой, что тот упал замертво перед адмиралом.

Адмирал сильно разгневался на этот поступок и крикнул, чтобы Гая крепко связали. При этих словах все сарацины, находившиеся в палате, навалились на него и стали бить так сильно, что он был бы вскоре убит, но сам адмирал закричал, что не должен быть предан смерти

таким образом. Тогда сарацины связали ему руки, и адмирал велел своим людям позвать Брулланта и Сортибранта и других членов своего совета. "Друзья, - сказал адмирал, - посоветуйте, что мне делать с этим пленником, который позорно выставляет меня на ноль". Сортибрант сказал: "Я дам тебе добрый совет относительно него. Поставьте виселицу у рва Тауэра, в котором живут французские рыцари, и сделайте вид, будто собираетесь повесить этого пленника. Но прежде распорядитесь, чтобы тысяча турок, хорошо вооруженных и готовых к бою, была спрятана в тайном месте неподалеку от упомянутого дерева. Будьте уверены, что французы, увидев, что их товарища собираются повесить, выйдут на помощь ему, а когда они придут, то ваши турки, сидящие в засаде, обрушатся на них и возьмут их".

Этот совет очень понравился адмиралу. Поэтому он велел установить виселицу, как советовал Сортибрант, и посадил турок в засаду, более тысячи, чтобы дело было более надежным. После этого он велел тридцати сарацинам подвести Гая к дереву, сильно избивая его при этом шестами. Руки его были связаны за спиной, а на шее висела большая веревка, и он знал, что находится в плохом положении. Он не переставал молить Бога, а также взывал к баронам Франции, и особенно к Роланду, чтобы они помогли ему.

Роланд стоял у окна, из которого была видна установленная виселица. И сказал он своим товарищам: "Что означает, думаете вы, эта виселица, которую устанавливают эти сарацины?" Тогда остальные посмотрели, и герцог Неймс сказал: "Без сомнения, они собираются повесить нашего товарища Ги Бургундского". Едва он заговорил, как они увидели Ги, которого вели сарацины, связанного и раздетого. Увидел это и Флорипас, и воззвал к рыцарям: "О, милорды, неужели вы допустите, чтобы Ги, который является вашим товарищем, был таким позорным образом умерщвлен на ваших глазах? Если он погибнет таким образом, я выпрыгну из этого окна и так умру". И она подошла к Роланду и преклонила перед ним колени, и целовала его ноги, и взывала к нему: "О, господин, помогите этому Ги, которого я люблю, иначе я пропащая женщина. Вооружайтесь, молю вас, и я прикажу приготовить ваших коней, и, если Богу будет угодно, вы успеете вовремя". Тогда Роланд и его товарищи вооружились с большой поспешностью, вышли из башни и сели на коней. И сказал им Роланд: "Давайте теперь держаться вместе, насколько это возможно, и быть готовыми помогать друг другу, когда каждый будет в этом нуждаться, ибо иначе нам вряд ли удастся вернуть это место, ведь нас всего десять человек, а их много".

Флорипа сказала: "Господа мои, я прошу вас не задерживаться, но сначала я принесу вам Терновый венец". И она пошла в свои покои и принесла оттуда Священный Венец. Все рыцари поцеловали ее с большим почтением, и так вышли из башни с доброй отвагой. Когда они ушли, Флорипа и ее девица подняли мост и затворили ворота Тауэра.

Французы в полном порядке поскакали к месту, где была установлена виселица, а сарацины были заняты Ги, которого они сейчас привели туда, с веревкой на шее. Увидев это, Роланд воскликнул: "Стойте, предатели; все будет не так, как вы надеетесь. Вы начали дело, в котором непременно раскаетесь". После этого он бросился на них с такой яростью, что самые стойкие из них обратились в бегство; однако они бежали не так быстро, и Роланд убил двадцать человек из тридцати. Когда сарацины, сидевшие в засаде, увидели это, они поднялись из укрытия, и во главе их был некий Хвойник, язычник дивной силы. Этот Конифер воскликнул: "Эй, вы, французские рыцари, пришли помочь этому злодею? Истинно, вы будете повешены вместе с ним". Роланд очень разгневался, услышав такие злодейские слова, и бросился на него, свирепый, как голодный волк, с мечом Дюрендалем в руке. Не отступил и Конифер, ибо был он великим воином. Он нанес огромный удар по щиту Роланда, который едва не сбил его. Тем не менее Роланд убил его, разрубив голову на две части. После этого он побежал к виселице и перерезал веревки, которыми был связан Гай, а затем

стоял рядом с ним, пока тот не вооружился. Он так и сделал: взял оружие мертвого язычника и сел на коня. Но сделать это было нелегко, так как все сарацины, сидевшие в засаде, надвигались на них, и они были сильно потеснены.

Но Гай проявлял чудеса храбрости, как тот, кто, едва избежав смерти, сражался с великим весельем в сердце. Увидел его и Флорипас, стоявший у окна Тауэра, и крикнул ему, чтобы он держался как мужчина. Услышав это, датчанин Огир сказал своим товарищам: "Послушайте, как храбро держится эта благородная девица. Мы не вернемся в Башню, пока не сделаем все, что задумали". Затем они снова напали на сарацин; Роланд все еще был впереди и гнал язычников перед собой, ибо они бежали от него со всех сторон. Затем французы пробились к мосту и снова вошли в Тауэр.

Увидев это, адмирал сильно встревожился и снова спросил совета у своих советников. Сортибрант сказал ему: "Пусть каждый из присутствующих приготовится к бою, пусть все осадные машины будут наготове, а все трубачи - наготове, чтобы трубить в свои трубы. Французов очень мало, и когда они узнают об этом великом множестве, их охватит страх". На это Брюллант ответил "Друг мой, все, что ты говоришь, - глупость. Ты не испугаешь этих французов таким образом, нет, даже если бы у нас были все рога и трубы в мире. Разве не Роланд, самый могучий из ныне живущих рыцарей, убивает любого, кто осмеливается вступить с ним в бой? Все они великие воины, но Роланд настолько велик, что если бы все остальные были с ним заодно, они бы изгнали сарацин из Испании. Нет человека, который мог бы противостоять им, а что касается наших богов, то они уже давно не оказывали нам никакой помощи". Адмирал очень разгневался, услышав такой разговор, и хотел ударить Брюлланта своим посохом, но Сортибрант удержал его за обе руки: "Оставь свой гнев; нам лучше посоветоваться вместе, как нам разрушить эту башню, которую держат христиане".

Тогда адмирал собрал всех своих людей, которых было так много, что они покрывали землю на милю в каждую сторону. Но полезнее всех этих толп был некий маг по имени Махон. У него было две осадные машины чудесной силы, которые были так устроены, что те, кто их работал, не могли пострадать от врага.

Так сарацины овладели первыми оборонительными сооружениями Тауэра; однако, завоевав их, они не смогли долго удерживать их, так как французские рыцари храбро выполняли свою роль, бросая вниз с верховьев камни, дротики и всевозможные снаряды, и они были так сильны, что ни один человек не мог устоять против них. Девы тоже вооружились и делали то же самое.

Но у мага были и другие средства против христиан. Он сказал адмиралу: "Позволь мне, чтобы некоторые из твоих людей ждали меня, и я быстро доставлю этих христиан в твою руку". И когда все было готово, он выпустил из своих машин по стенам такой чудесный огонь, что загорелись сами камни. Французы были сильно ошарашены этим и стали говорить друг другу, что теперь они непременно должны покинуть Тауэр. Но Флорипас сказал им: "Милорды, не бойтесь. У меня есть чем погасить огонь". Тогда она пошла и взяла несколько трав, смешала их с вином, и рыцари плеснули вина в огонь, и он сразу же погас.

Когда адмирал увидел это, он был вне себя от гнева, а когда Сортибрант сказал ему, что это дело рук его дочери, он поклялся, что она умрет злой смертью. Тогда Сортибрант сказал: "Пусть снова зазвучат ваши рога и трубы, и пошлите своих людей снова атаковать Тауэр. К этому времени французы должны быть настолько измотаны, что будут побеждены. А у них нет ни камней, ни железа, чтобы бросить в нас". Тогда сарацины предприняли еще один штурм Тауэра; он был столь яростным, что воздух потемнел от стрел, дротиков и камней, большая часть стен обрушилась, и рыцари сильно встревожились. "Теперь, - сказали они, - мы

должны быть побеждены, ибо наша оборона сломлена". Но Флорипа призвала их к мужеству. "Милорды, - сказала она, - эта башня еще достаточно крепка, чтобы устоять. Кроме того, хотя у вас больше нет ни камня, ни железа, здесь есть сокровища моего отца - клинья и пластины из золота, которыми вы можете убивать язычников не хуже, чем камнями, а то и лучше". Тогда Ги Бургундский в великой радости поцеловал ее.

Затем Флорипас, отправившись в сокровищницу, показал золото рыцарям. Они взяли его и бросили против сарацинов, к их великому огорчению. Более того, сарацины, увидев золото, бросили сражаться с французами и стали убивать друг друга. Адмирал, увидев это, громким голосом крикнул своим капитанам: "Прекратите нападение, ибо оно оборачивается для меня большой потерей; посмотрите, как разбросаны мои сокровища, которые я собирал с большим трудом". Эти сокровища я доверил хранить Магомету, богу моему, и видите, как он меня подвел. Поистине, если бы он был в моих руках, он должен был бы страдать за это!" Сортибрант сказал ему: "Не гневайся, мой господин, на Магомета. Он сделал все, что от него зависело; несомненно, он спал, когда твои сокровища были испорчены. Эти французы так хитры, что могут делать все, что им заблагорассудится".

В тот же вечер, когда адмирал сидел за ужином, Роланд заметил его из окна, где он прилег отдохнуть. Он сказал своим товарищам: "Я вижу, как Балан ужинает со своими лордами; он расслабляется, и для нас будет большой честью, если мы заставим его подняться от мяса". Остальные лорды были того же мнения. Поэтому они вооружились и вышли из Тауэра. Но адмиралу было известно об их намерениях, и он послал против них своего племянника, Эсполарта по имени, который был очень сильным и доблестным рыцарем. Эсполарт поскакал против французов и, столкнувшись с Роландом, нанес ему по щиту такой сильный удар, что тот едва не был оглушен, но плоть его не пострадала. Роланд, в свою очередь, снял его с коня, но сарацин был так проворен, что тут же снова сел на коня. Но Роланд снова ударил его, да так резко, что тот не понял, где находится. Когда он падал на землю, Роланд ловко подхватил его, перекинул через своего коня и понес прочь.

Когда адмирал увидел это, он в ярости закричал, чтобы они спасли его племянника. Сарацины охотно сделали бы это, но не смогли; многие были ранены, многие убиты, и наконец все французы скрылись в Тауэре. Когда они закрыли ворота, то спросили Флорипаса, кто он такой, кого они взяли. Флорипас сказал им: "Это племянник Балана, человек богатый и могущественный. Если вы хотите разгневать моего отца, предайте его смерти". Герцог Неймес ответил: "Нет, мы не предадим его смерти. Мы оставим его у себя, а если случится так, что кто-то из нас попадет в плен, мы совершим обмен".

ГЛАВА XXII

О РИЧАРДЕ НОРМАНДСКОМ

На другой день после этих событий Ричард Нормандский сказал своим товарищам: "Долго ли нам еще сидеть в этом Тауэре? Я уверен, что в конце концов мы должны погибнуть от рук этих сарацин. Поэтому было бы хорошо послать гонца к королю Карлу и сказать ему, что если

он не хочет, чтобы мы погибли, то должен прислать нам помощь". Герцог Неймс сказал: "Это, сэр Ричард, глупость. Здесь нет человека, который осмелился бы принять это послание. Не знаете ли вы, что вся земля покрыта сарацинами, так что, как только гонец от нас отделится, он будет ими убит?" И сказал Флорипас: "Господа мои, вы в безопасности, пока пребываете в этом месте; поэтому будьте счастливы, как только можете". Но герцог Тьерри был недоволен таким советом: "Мы заперты здесь, милорды, - сказал он, - и наше счастье должно быть недолгим. Давайте сообщим королю о нашем положении, чтобы он пришел к нам на помощь".

Огир датчанин ответил так же, как и герцог Неймс, что нет человека, который бы отправился с таким поручением. "Нет, - воскликнул Роланд, - не говори так. Я поеду". Но герцог Неймс ответил: "Это было бы нехорошо, сэр Роланд; вы не должны идти; сарацины не будут бояться нас и на половину, как сейчас, если вы уедете". Тогда другие предложили поехать: Вильгельм Шотландец, Герард и Ги Бургундский, причем последний желал этого всем сердцем, но Флорипас не хотел этого делать.

Наконец Ричард Нормандский сказал: "Милорды, вы знаете, что я благородного происхождения и что у меня есть сын, достигший совершеннолетия, чтобы носить оружие, и способный встать на мое место. Если случится так, что меня убьют, когда я буду принимать это послание, этот мой сын будет хранить мое наследие и служить королю Карлу". Так было решено, что Ричард Нормандский должен отнести послание королю. Роланд сказал ему: "Сэр Ричард, пообещай, что не будешь задерживаться нигде, пока не придешь к королю, если тебя ранят или возьмут в плен". И герцог Ричард пообещал, что так и будет. Пообещав, он сказал: "Давайте подумаем, как мне уйти отсюда незамеченным для людей с оружием, ибо, если они меня заметят, я не смогу скрыться".

Роланд сказал: "Мой совет таков. Давайте выйдем из Тауэра и нападём на сарацин всеми силами, а пока они будут заняты нами, герцог Ричард ускачет, ибо он хорошо знает эту страну". На это все согласились, не без слез, ибо знали, что герцог взял на себя очень опасное предприятие.

На следующий день, когда все должно было свершиться, французские лорды обнаружили, что ворота Тауэра так плотно окружены множеством сарацин, что ни один человек не может выйти наружу. И так продолжалось целых два месяца. По истечении этого срока, когда адмирал отправился на охоту, а дозор на мосту был небрежен, рыцари сели на коней и выехали вперед. Как только их увидели сарацины, раздался сильный звук рогов и труб, и множество людей сбежалось, чтобы сразиться с рыцарями. Пока они занимались этим, герцог Ричард тайно уехал. После того как герцог проскакал некоторое время, дорога была очень крутой, так как шла по склону горы, его конь сильно издох, и он был вынужден остановиться. И когда он остановился, двое из сарацин, а именно Сортибрант и Бруллант, заметили его и сказали королю Клариону, который был очень знатным воином: "Видите, сир, вон того человека. По правде говоря, он один из тех французов, что заперты в Тауэре. Без сомнения, он везет послание Карлу Великому. Если мы не помешаем ему в этом путешествии, оно может обернуться для нас большими потерями". Услышав это, король Кларион без промедления вооружился, сел на своего зверя - дивного зверя, который мог проскакать галопом тридцать лиг и не устать, - и погнался за герцогом Ричардом, а с ним поехали и другие сарацины.

Когда герцог Ричард, оглянувшись, увидел, что сарацины преследуют его, он сильно встревожился, ибо что мог сделать один человек против стольких? Не прошло и нескольких минут, как преследователи настигли его, а во главе их шел король Кларион. Король сказал:

"Клянусь Магометом, ты никогда не передашь это послание". Герцог Ричард честно ответил ему: "Какое преступление я совершил? Я никогда не обижал вас и не брал ваших сокровищ. Поэтому позвольте мне уйти с миром. Окажи мне эту услугу, и будь уверен, я отплачу тебе многократно". Но Кларион ответил: "Я не сделаю этого и за половину сокровищ всего мира".

Услышав это, герцог Ричард повернулся, чтобы встретить врага. Король Кларион ударил его по щиту, но не смог пробить его, настолько он был жестким и прочным. Но герцог, напротив, ударил его по шее и одним ударом начисто снес ему голову. Она отлетела на целую длину копья, так велик был удар. Тогда герцог, оставив своего коня, сел на коня короля Клариона; никогда еще не ездил он на таком коне, так силен он был и так быстр. Он мог нести на себе семь рыцарей в доспехах и ни разу не вспотел; что же касается плавания по рекам, то никогда не было такого зверя, как он. Тогда герцог сказал своему коню: "Прощай, мой добрый конь; я огорчен, что не могу взять тебя, когда захочу. Бог небесный поможет тебе спастись от этих язычников и снова попасть в руки христиан, которым ты сможешь верно служить в трудную минуту, как служил мне". Сказав так, он отправился в путь.

Когда остальные сарацины подошли и нашли короля Клариона лежащим на земле мертвым, они устроили над ним великую плаху. Некоторые хотели схватить коня герцога Ричарда, но тот не позволил им приблизиться к себе, а помчался галопом, как только мог, туда, откуда пришел. И действительно, он добрался туда за очень короткое время. Первым его увидел адмирал и громко воскликнул: "Аполлион, бог мой, как хорошо поступил Кларион, мой племянник; без сомнения, он убил посланца французов, потому что видите, его конь приближается". И он велел своим людям поймать коня. Но сделать этого они не смогли, так как тварь пробилась к воротам Тауэра, и рыцари распахнули их, чтобы принять его, сильно причитая, ибо не сомневались, что герцог Ричард убит. Тем не менее, Флорипа призвала их к бодрости. "Не плачьте, - сказала она, - вы еще не знаете всего, что произошло".

Тем временем сарацины, сопровождавшие короля Клариона, вернулись, неся с собой тело короля. Когда адмирал увидел его, он упал в обморок, и не один, а четыре раза, так что стал похож на мертвеца. Сарацины встали вокруг и устроили великое плач, так что бароны снова взяли за ум, и Флорипас, хорошо знавший сарацинский язык, сказал: "Теперь я понял правду. Герцог Ричард зарубил этого человека и забрал его коня, ибо, поистине, лучшего коня не найти во всем мире. А плач, который вы слышите, вызван этим несчастьем".

Все бароны обрадовались, услышав эти слова, и Оливер сказал Роланду: "Вот это хорошая новость. Я уверен, что мы благополучно вернемся домой. Я не был бы так уверен, если бы находился в самом сильном замке во всей Франции. Да благословит Бог герцога Ричарда, ибо он храбро держится". И все остальные рыцари согласились с его речью.

Тем временем адмирал призвал к себе одного из своих любимцев, по имени Орейдж, и сказал ему: "Теперь возьми дромадера и поезжай со всей скоростью к Галлаферу, который держит мост Мантрибл, и скажи ему от меня: "Ты позволил посланцам короля Карла проехать через него, из-за чего я понес большой урон. А теперь к королю идет гонец от рыцарей, запертых в этом Тауэре, и если ты не справишься, то заплатишь за это своей жизнью". Орейдж сказал адмиралу: "Я исполню ваше приказание со всей быстротой, ибо за один день я могу совершить такое путешествие, какое другие люди совершают за четыре". И он немедленно отправился в путь на своем дромадере.

Когда он подъехал к мосту Мантрибл, то сказал Галлаферу: "Адмирал недоволен тобой, потому что ты позволил посланцам короля Карла пересечь мост. Они нанесли ему большой урон, захватив его главную башню, а в ней его богов и Флорипаса, его дочь, и убили многих его слуг. А теперь от этих же людей прибыл гонец, который направляется к Карлу Великому за

помощью. Поэтому удержи его от перехода через мост, и если ты этого не сделаешь, то непременно погибнешь с позором". Услышав эти слова, великан Галлафер сильно разгневался и сделал вид, будто хочет ударить Ораге посохом, но стоявшие рядом помешали ему. Тогда он взобрался на вершину башни и затрубил в трубу, так что собралось много тысяч человек. Также был поднят разводной мост.

Тем временем герцог Ричард размышлял, каким способом ему перебраться через мост, и был в большом недоумении, "ибо, - сказал он, - я не вижу, как мне победить и как вернуться, и тем самым нарушить обещание, данное Роланду. Да поможет мне Бог в моей нужде". И, оглянувшись, он увидел, что вся земля покрыта толпами сарацин, некоторые из которых уже отстали от него на небольшое расстояние. Самый старший из них громким голосом воззвал к нему: "Повернись, сэр посланник, ибо пришел твой час".

Герцогу Ричарду было неприятно слышать такое хвастовство, и он, быстро повернувшись, настиг его врасплох и нанес ему столь тяжкие удары, что тот замертво упал на землю. Затем он взял коня сарацина за уздечку и поскакал к берегу реки. И вот! Поток побежал стремительно, как болт из арбалета, с шумом, подобным грому. И когда он увидел это и услышал рев воды, то воздал хвалу Богу.

И вот, когда он смотрел, на берег реки вышел белый дрозд, и река, которая до этого была настолько ниже берега, что человек мог удобно бросить камень, начала подниматься, и так продолжалось до тех пор, пока она не достигла самого верха берега и даже не перелилась через него. Тогда белый заяц вошел в воду, а Ричард, вверив себя Божьей защите, сделал то же самое и благополучно переплыл на другой берег.

Тем временем король Карл, находясь в большом беспокойстве по поводу рыцарей, которых он отправил с посланием к адмиралу Испании, созвал своих советников и рассказал им, что у него на уме: "Я сильно обеспокоен тем, что ко мне не пришло никакого сообщения о рыцарях, которых я послал. Я не знаю, что мне делать, кроме того, что я сниму с себя эту корону, которую я недостойн носить". Ганелон сказал: "Государь, я дам вам добрый совет. Давайте немедленно вернемся во Францию. Этот город Айгремор слишком силен для нас. А адмирал - великий воин, и ему на помощь приходят все сарацины и язычники мира. А теперь, когда Фьерабрас, его сын, стал христианином благодаря вам, он настроен к вам еще более злобно, чем прежде. Поэтому давайте вернемся во Францию. Правда, многие доблестные пэры и рыцари погибли, но они оставили после себя детей, и те, когда вырастут до мужского достоинства, сделают то, что не удалось их отцам. Так мы вернем Святые вещи, о которых я очень скорблю, и отомстим за Роланда, доброго рыцаря, которого, как я убежден, вы больше никогда не увидите".

Услышав это, король на час упал в обморок. Когда же он пришел в себя, то снова попросил совета у своих лордов, ибо не хотел возвращаться и оставлять Роланда и других пэров без помощи.

Но Ганелон и все, кто был из его рода, и все, кто следовал за ним, дали ему тот же совет, что и раньше. "Нас двадцать тысяч, - сказал Ганелон, - и мы поклялись не идти дальше". Но король сказал: "Что мне даст моя корона, если я совершу этот подлый поступок и оставлю этих моих рыцарей погибать без помощи! Тот, кто дает мне такие советы, мало меня любит". Тогда Рейнер, который был отцом Оливера, сказал: "Сир, если вы послушаете этих людей, то нанесете королевству Французскому такой урон, который никогда не удастся исправить". Но Алоис, один из друзей Ганелона, ответил: "Вы лжете, герцог Рейнер; если бы не то, что король здесь, это было бы последнее слово, которое вам следовало бы сказать. Ибо кто вы такой, чтобы так много на себя брать? Твой отец был человеком низкого сословия". Тогда

Рейнер так разгневался, что повалил Алоиса на землю. После этого начался большой шум и ссора, и было бы кровопролитие, если бы не присутствие короля. "Ибо, - сказал Карл, - всякий, кто обнажит меч в этом месте, будет повешен как вор, хотя бы он и был из высшего сословия". Через некоторое время король, при содействии Фьерабраса, заключил мир, но "сначала", сказал он, "Алоис, который так презрительно отзывался о герцоге Рейнере, должен попросить прощения". И Алоис это сделал, но сильно против своей воли. Тем не менее совет тех, кто был за возвращение, возобладал, ибо Джеффри из Высокой башни, среди которых не было человека более почитаемого при дворе короля, настоятельно требовал, чтобы так и было. Тогда король согласился, но с большой печалью, и все благороднейшие из его лордов были сильно обеспокоены тем, что это должно быть сделано. И вот был дан сигнал к отступлению.

Едва войско двинулось в путь, как король Карл, случайно бросив взгляд на восток, увидел одного из них верхом на коне, с мечом в руке, который скакал со всей скоростью, на которую был способен его конь. Тогда он объявил привал, "ибо, - сказал он, - если глаза меня не подводят, это Ричард Нормандский. Дай Бог, чтобы он принес вести о Роланде и других пэрах!"

Как только герцог Ричард подошел к месту, где он стоял, король спросил его о Роланде и пэрах. Тогда герцог Ричард сказал ему, что они еще живы; также он рассказал ему о Флорипасе и Святых вещах, но рыцари находятся в сильной осаде. "Смогут ли они продержаться, - сказал Карл, - шесть дней? Если да, то они будут освобождены". "Возможно", - ответил Ричард. "Но у них нет провианта, кроме того, что они могут добыть своими мечами; кроме того, у адмирала в Тауэре собралось огромное количество сарацин". Также он рассказал ему о мосте Мантрибл и о великане, который его держит. "Этот мост, - сказал он, - мы должны пройти хитростью, ибо силой нам не пройти. Я придумал план, как это сделать. Пусть некоторые из нас оденутся как купцы, спрятав доспехи и оружие под плащом, а остальные спрячутся в лесу неподалеку и будут готовы к бою. Когда мы доберемся до первых ворот, я дуну в рог, и по этому сигналу вы поскачете со всей возможной скоростью".

Король одобрил этот совет. После этого пятьсот рыцарей переоделись купцами. Они сделали большие связки сена и травы, которые должны были служить товаром. Каждый мужчина был хорошо вооружен под плащом. Герцог Ричард был их предводителем, а с ним герцог Рейнер и другие известные люди.

ГЛАВА XXIII

КАК БЫЛ ЗАВОЕВАН МОСТ МАНТРИБЛ

Когда король Карл и его люди спрятались в лесу, который находился неподалеку, герцог Ричард и его компания подъехали к мосту, ведя перед собой вьючных лошадей, нагруженных, как уже было сказано, фальшивым товаром. Но когда рыцари увидели реку Флагот, как стремительно она течет и как сильно ревет, и мост, как опасно по нему

проходить, и ворота, как они закованы в железо, они не на шутку встревожились. Ричард сказал: "Я пойду впереди. Идите за мной, а когда пройдете первые ворота, сбросьте плащи и бейте мечами. И что бы ни случилось, смотрите, чтобы вы не подвели друг друга". И все согласились.

Галлафер, хранитель моста, стоял у первых ворот, держа в руке большой топор, острие которого было со всех сторон. Это был великан огромного роста, с огненными глазами и черной, как смоль, кожей, больше похожий на дьявола, чем на человека. Адмирал был его племянником и очень любил его, доверяя ему настолько, что назначил его смотрителем моста и правителем всей деревни.

Когда французские рыцари приблизились, он сказал им: "Чужестранцы, кто вы?" Герцог Ричард ответил: "Мы купцы, которые путешествуют по ярмаркам, Магомет помогает нам, с драпировками и другими товарами на продажу. Мы хотели бы задержаться на некоторое время в Айгреморе; кроме того, у нас есть подарки, многочисленные и ценные, для адмирала. Все остальные, кого вы видите, - мои слуги и не знают вашего языка. Поэтому скажи мне, что нам лучше сделать и каким путем идти". Галлафер ответил: "Знайте, что я назначен адмиралом Испании хранителем этого моста. И поскольку по нему прошли некоторые рыцари, не заплатившие пошлину, а также гонец, который удивительным образом перебрался через реку и убил моего родственника короля Клариона, мой господин строго-настрого приказал мне, чтобы я ни в коем случае не позволял никому проходить по мосту, если он мне не известен". Когда Галлафер сказал все это, герцог Ричард учтиво склонил перед ним голову и, сделав это, прошел через первые ворота, а трое других, среди которых был и герцог Рейнер, последовали за ним.

Увидев их, Галлафер засомневался, что это может означать. "Вы слишком смелы, - сказал он, - чтобы приехать так далеко без моего разрешения". И он перекинул мост. "А теперь, - сказал он, - сдавайтесь в плен. Я отправлю вас пленниками к милорду адмиралу, который поступит с вами, как пожелает. А теперь позвольте мне посмотреть, что у вас под плащами, ибо вы, как мне кажется, замышляете что-то недоброе". Сказав это, он схватил одного из четверых и повернул его четыре раза. Тогда другой, Рауль по имени, который был двоюродным братом того, на кого Галлафер возложил руки, воскликнул: "Почему ты так поступаешь с моими родственниками?" И он ударил великана своим мечом, но не смог причинить ему вреда, только отрубил часть уха. Тогда оба герцога, Рейнер и Ричард, выхватив свои мечи, обрушили на него всю свою мощь. Но и они оказались бесполезны, ибо великан был облачен в змеиную кожу, которая была прочнее любого почтового плаща. Великан же стал бить Рауля своим топором. Но Рауль, увидев приближающийся удар, легко отпрыгнул в сторону, так что топор упал и не причинил ему вреда, но расколол мраморный камень, на котором засветился, на две части. Тогда сказал герцог Рейнер: "Что же нам делать с этим великаном, ведь меч против него не поможет?" И взял он в руку большую ветвь дерева и свалил его на землю. Тогда великан издал великий и ужасный вопль, и сарацины, следовавшие за ним, бросились бежать. Тогда Ричард опустил разводной мост, и пятьсот человек попытались перебраться через него.

Но сарацины встретили их у ворот, и завязалась великая битва, в которой многие были ранены и многие убиты. Тогда герцог Ричард трижды протрубил в свой рог. Услышав его, король Карл немедленно поднялся из своей засады в лесу, а с ним и все французы, и со всей возможной скоростью направились к мосту. И первым среди них был Ганелон, тот самый, что впоследствии стал предателем. Он был самым первым, и он галантно держался в тот день. Король Карл также показал себя хорошим стрелком. В тот день погибли все, кого он поразил своим добрым мечом Джойус.

Король увидел на земле великана Галлафера с огромным топором в руке, которым он зарубил тридцать французов, и приказал зарубить его, ибо он еще дышал. Но мост еще не был завоеван, потому что на помощь тем, кто его удерживал, подошло великое множество сарацин. Среди них был великан по имени Амион, который воззвал к королю Карлу, говоря: "Где король? Лучше бы ему, болвану, который он есть, быть в Париже, чем здесь".

Услышав это, король в великом гневе сошел с коня, бросился на великана и ударил его Радостью так грубо, что тот упал на землю, едва не разрубившись на две части. Сарацины от этого ничуть не растерялись. Тем не менее они набросились на короля и его людей с дротиками, пулями и стрелами. Тогда король воззвал к своим лордам и рыцарям о помощи. Многие откликнулись на его призыв; тем не менее он был так сильно потеснен, что у него почти не осталось надежды. Тогда герцог Ричард призвал его к бодрости, "ибо, - сказал он, - если каждый сделает все возможное в этот день, мы не потерпим поражения". И он двинулся в путь, а с ним и его товарищи. Ганелон тоже не отставал, хотя были и те, кто давал ему дурные советы, как Алоис, который сказал ему: "Видишь, как король окружен. Для нас будет лучше, если он не найдет избавления. Оставь его сейчас и вернемся во Францию, где мы будем хозяевами без противоречий со стороны кого бы то ни было". Но Ганелон ответил: "Не дай Бог, чтобы мы предали нашего господина, которому принадлежит все, чем мы владеем". Алоис сказал: "Ты просто глупец, раз не мстишь, когда можешь". Но Ганелон не захотел слушать его совета.

Пока эти двое разговаривали, подошел Фиерабрас, уже исцелившийся от ран, и спросил, где король. Алоис ответил: "Он в воротах, и я полагаю, что он уже мертв". Фиерабрас воскликнул: "Что ты стоишь здесь? Почему не помогаете ему в нужде?" И он воскликнул: "Идите все на помощь королю!" И великое множество французов пришло на его зов. Великие дела совершил в тот день Фиерабрас, и Ганелон тоже, так что они вдвоем сделали больше, чем кто-либо другой, для завоевания города.

Тем не менее, оставалось еще кое-что сделать. Когда Амиот, великанша, жена Амиона, услышала крики горожан, она выбежала из своего дома с острой косой в руках и в великой ярости обрушилась на французов и многих из них убила. Когда король Карл увидел, какие разрушения она производит, он призвал арбалет и выпустил в нее болт, прицелившись так метко, что он попал ей между бровей и убил ее. Видно было, что когда она лежала на земле, из ее горла извергался огонь, но больше она не двигалась.

Так был завоеван город Мантрибл. Король Карл нашел в нем много сокровищ, которые адмирал сложил там, полагая, что они никогда не будут захвачены. Он щедро раздал их своей армии, так что все остались довольны. Сделав это, он назначил Гавела и Рауля удерживать город с пятью тысячами человек под их началом. Также он собрал все свое войско и отправился на вершину холма, чтобы осмотреть его. И когда он увидел, сколько их было, - а было их сто тысяч человек, - он возблагодарил Бога, давшего ему такую силу. И он приготовился выступить в поход против адмирала.

ГЛАВА XXIV

О КОНЦЕ БАЛАНА-АДМИРАЛА

Тем временем Балану доложили, что Галлафер убит, а мост Мантрибл взят. Он был вне себя от ярости и, возопив к своему богу Магомету, что он проклят и отступник, ударил по изображению булавой, которую держал в двух руках, и разбил его. Это не было дурным поступком, так как подобные вещи не приносят ни пользы, ни выгоды. Тем не менее Сортибрант упрекнул его и заставил раскаяться в столь пагубных делах. "Этого я сделать не могу, - ответил адмирал, - поскольку этот Карл завоевал мой сильный город Мантрибл". Сортибрант сказал: "Пошлите шпиона, господин адмирал, чтобы вы знали, что делает король Карл; затем давайте вместе выступим против него, и если мы одолеем его, то повесьте его и его людей без пощады, а сыну вашему Фьерабрасу отрубите голову за помощь, которую он оказал вашим врагам".

Адмирал сказал, что так и поступит. Сначала он смирился перед своими богами и поклялся, что принесет им в жертву тысячу фунтов чистого золота. Сделав это, он приказал трубить в трубы, чтобы собрать сарацин. Они привели с собой огромные военные машины, с помощью которых бросали в Тауэр большие камни. И сделали они это с такой целью, что проделали в стене три огромных пролома, по меньшему из которых могла бы проехать телега. Но Роланд и Оливер, прикрываясь щитами, преградили им путь. Тогда адмирал воскликнул: "Друзья, если вы хотите получить мою любовь, исполните свой долг и разрушите эту башню до основания. Истинно, когда я возьму ее, я сожгу огнем эту мою злосчастную дочь Флорипа".

Услышав эти слова, сарацины наступали еще яростнее, чем прежде. И теперь французы удерживали лишь последнюю часть башни. Тогда Роланд велел своим товарищам сражаться с хорошим мужеством, "или, - сказал он, - мы не переживем этот день". Что касается Оливера, то он был за то, чтобы выступить вперед. "Лучше, - сказал он, - пасть с честью среди наших врагов, чем быть убитым здесь". И Огир датчанин, и другие лорды были того же мнения. Но Флорипа не хотела, чтобы они так поступали. "Ты обещал, - сказала она, - что ничего не сделаешь против моей воли. И я прошу вас оставаться в доме". Так они и сделали, изо всех сил удерживая проломы и оттесняя сарацин.

Через некоторое время Балан увидел свою дочь, стоявшую у окна с некоторыми рыцарями, и упрекнул ее за непослушание, пригрозив, что сожжет ее огнем. Но она ничего не ответила, только потрясла палкой, которую держала в руке, как будто хотела побить его. Тогда сарацины, по его приказу, еще более ожесточенно штурмовали Тауэр, и французы взяли находившиеся в Тауэре идола, изображения Аполлона, Магомета и других, и сбросили их на сарацинов, нанеся им огромный ущерб. Увидев это, Балан упал в обморок от ярости, но, придя в себя, велел сарацинам снова штурмовать Башню всеми силами. И они сделали это так яростно, что французы были почти в отчаянии.

Когда они оказались в таком положении, герцог Неймс, подойдя к верхнему окну Тауэра, увидел в долине под ним прапорщика Сен-Дени и позвал своих товарищей, чтобы они тоже подошли и посмотрели на него, "ибо, - сказал он, - без сомнения, король идет к нам на помощь". Сарацины тоже заметили это, и тогда король Колдро посоветовал адмиралу послать войско, чтобы помешать ему прийти в Айгремор.

В тот день король и его войско расположились в открытом поле, так как свои палатки они оставили в Мантрибле. Утром король послал за Фьерабрасом и сказал ему: "Дорогой друг, теперь, когда ты крестился, я люблю тебя больше, чем прежде. Если же твой отец согласится

креститься и отречься от Магомета и его ложных богов, я утвержу его в королевстве и не возьму ни гроша из его имущества. Но если он этого не сделает, то умрет без пощады". И он спросил совета у своих пэров, кого послать с этим посланием к адмиралу. Ричард Нормандский сказал: "Ганелон выполнит это поручение не хуже любого другого человека, если он захочет".

Король Карл послал за Ганелоном и передал ему послание, чтобы тот доставил его адмиралу; и Ганелон с радостью согласился отправиться в путь. Поэтому он вооружился, сел на своего коня, которого звали Гасконец, и отправился в путь. Когда он подъехал к долине, где лежало войско сарацин, стражники схватили его, но, заметив, что он везет послание, сразу же отпустили. И вот, подойдя к палатке, где находился адмирал, он громким голосом сказал: "Благородный Карл, король Франции, шлет вам это послание: Если ты отречешься от Магомета и всех ложных богов и примешь истинную веру, то сохранишь все свои земли и поклонения, и будешь почитаем и любим всеми христианами. Но если ты этого не сделаешь, то непременно умрешь". Так говорил Ганелон. Но Балан, услышав эти слова, очень разгневался и сделал вид, будто хочет ударить его. Тогда Ганелон выхватил свой меч и поразил Брулланта там, где тот стоял рядом с адмиралом, и, вскочив на коня, ускакал.

Герцог Неймс увидел его из окна Тауэра и сказал Роланду и Оливеру: "Что это за рыцарь, который так быстро скачет?". Они решили, что это не кто иной, как Ганелон, и Роланд громко воскликнул: "Дай Бог, чтобы он не попал в руки врага". И пока он говорил, Ганелон повернулся к сарацинам и убил двоих из них, среди которых был брат короля Сортибранта. Когда Оливер увидел это, он сказал Роланду: "Видишь ли ты это? Это хороший рыцарь. Я люблю его сердцем. Дай Бог, чтобы я был с ним там, где он сейчас". Но когда сарацины приблизились к войску короля, они бросились в погоню за Ганелоном.

Когда король узнал, как пролетело его послание, он приказал поставить войско в строй. Так они и сделали, разделив его на десять частей. Сарацины тоже приготовились к битве. Первым выехал Брулланта и вызвал короля на бой; тот не сдержался. И вот они встретились, и король убил Брулланта, а также многих других сарацин. Не было у сарацин недостатка и в великих воинах, как, например, король Тенебрес, знаменитый турок, убивший Иоанна Понтуазского и многих других. Но его одолел герцог Ричард; герцог Рейнер сразил Сортибранта; а Балан Адмирал сразил Хуона Миланского и почти зарубил Милону, но Ганелон и его люди спасли его, хотя и не без большого ущерба для себя. Но и они не одержали бы такой победы, если бы не помощь Фьерабраса.

И вот рыцари, находившиеся в Тауэре, увидев войско своих соотечественников, вышли вперед и, взяв каждый по коню, всадник которого был убит, бросились на сарацинов. Те, будучи взяты как спереди, так и сзади, бежали, как голуби перед ястребом. И Балан бежал вместе с ними, но, будучи настигнут, попал в плен.

Когда адмирала привели к Карлу, король сказал: "Оставишь ли ты своих ложных богов, которые не принесли тебе никакой пользы, и примешь ли истинную веру? Если ты сделаешь это, то ничего не потерпишь ни от себя, ни от своего имущества". "Нет, - сказал адмирал, - этого я не сделаю". Тогда Карл выхватил свой меч и сказал: "Если ты не сдашься, то умрешь". И Фьерабрас, стоя на коленях, молил пощадить его отца. Тогда Балан согласился принять крещение. Однако, когда он подошел к купели, злой дух в нем восстал, и он плюнул в купель, и чуть не убил епископа, который должен был его крестить; он взял его за середину и хотел утопить в купели. Увидев это, король сказал: "Поистине, этот злодей должен умереть". Однако Фьерабрас умолял его набраться терпения и, обратившись к отцу, хотел еще уговорить его креститься. "Нет, - сказал Балан, - этого я никогда не сделаю, и ты глупец, сын

мой, раз просишь о таком. Если бы я был на коне, тогда бы я показал этим негодяям, что у меня на сердце". Когда король услышал это, он сказал: "Кто убьет этого человека?" "Я", - ответил датчанин Ожье и ударом меча срубил адмиралу голову.

После этого Флорипас сказал Роланду: "Сэр рыцарь, вспомни, как ты обещал помочь мне в том, чего я больше всего желаю". Тогда Роланд сказал Ги Бургундскому: "Вспомни обещание, которое ты дал Флорипасу, дочери адмирала, что возьмешь ее в жены". "Это я сделаю охотно", - ответил Ги, - "если король даст на то согласие".

Так Флорипа была крещена, король Карл и герцог Тьерри были ее поручителями, но имя ее не было изменено. После этого епископ выдал ее замуж за Ги Бургундского. Что касается Ги, то он стал королем этой земли; часть он отдал Фьерабрасу, который удерживал ее за собой; но Карл Великий был владыкой всей страны.

ГЛАВА XXV

КАК ГАНЕЛОН ОТПРАВИЛСЯ С ПОРУЧЕНИЕМ К КОРОЛЮ МАРСИЛАСУ

Семь лет король Карл Великий оставался в Испании. Он завоевал всю страну от моря до гор, сохранив лишь Сарагосу, королем которой был язычник Марсилас. Марсилас собрал своих вельмож и сказал им: "Этот король Карл станет нашей погибелью, ибо у нас больше нет войска, чтобы встретить его. Дайте мне совет, как подобает мудрым людям, чтобы я мог спастись от смерти или позора".

Мудрейшим из язычников был некий Бланкандрин, человек доблестный на войне и хороший в советах. "Не бойся, - сказал он, - не бойся, о король. Отправь послание королю Карлу, обещая ему верную службу и дружбу. Пошлите также подарок ему. Пусть там будут львы и медведи, и собаки, семьсот верблюдов и тысяча соколов. Пошлите также четыреста мулов, груженных золотом и серебром, чтобы у короля Карла были средства для оплаты своих солдат. И скажите ему, что если он вернется во Францию, вы последуете за ним и там, на празднике святого Михаила, обратитесь в христианскую веру и будете его вассалом во всех почестях. Если он потребует заложников, пусть получит их, десять или двадцать, как ему будет угодно. Видите ли, я предлагаю своего собственного сына в качестве одного из них, что бы с ним ни случилось. Лучше пусть они потеряют свои головы, чем мы лишимся своей власти и своих земель и будем вынуждены просить хлеба". И все вожди язычников сказали: "Хорошо; мы охотно отдадим заложников".

Бланкандрин снова произнес: "Этой правой рукой и этой бородой я клянусь, что дело кончится так: Вы увидите, как французы поспешно поднимут свой лагерь и вернутся в свои земли. В праздник святого Михаила король Карл устроит большое развлечение. Но когда он не увидит вас и не услышит никаких вестей о вас, он впадет в великую ярость и отрубит головы заложникам. Если это так, то лучше пусть они потеряют свои головы, чем мы потеряем эту прекрасную землю Испании". И все вожди язычников сказали: "Хорошо сказано; пусть так и будет".

Тогда король Марсилас сказал некоторым из своих сеньоров - их было десять человек, и эти были самыми злодейскими из всей компании: "Возьмите в руки оливковые ветви и идите и скажите королю Карлу: "Король Марсилас просит вас сжалиться над ним. Он обещает, что не пройдет и месяца, как он придет с тысячей верных последователей, примет веру Христову и станет вашим вассалом во всех почестях. Также он говорит, что если вы ищете заложников, то получите их". Затем король дал десяти лордам десять белых мулов, на которых они могли ездить. Поводья у них были из золота, а седла из серебра. Так десять лордов выехали из Сарагоссы и прибыли к королю Карлу в город Кордову.

THE AMBASSADORS OF KING MARSILAS.

ПОСЛЫ КОРОЛЯ МАРСИЛАСА.

Они застали короля Карла в великом веселье и радости. Он недавно взял прекрасный город Кордову, разрушив стены и башни своими боевыми машинами, и вместе с городом захватил большую добычу из золота и серебра. Среди жителей тоже не было ни одного, кто не сделал бы выбор между христианским крещением и смертью. Сейчас он сидел со своими баронами в большом фруктовом саду. Кто-то играл в карты, кто-то в шахматы, а молодые люди фехтовали друг с другом. Что касается самого короля, то он сидел под терновником на большом золотом стуле и был очень благородным человеком со своей длинной белой бородой. Когда языческие послы увидели его, они сошли со своих мулов и воздали ему почести. Тогда сказал их предводитель, Бланкандрин: "Слава имени Божьему! Наш господин, царь Марсилиий, велит нам сказать, что, будучи убежденным в том, что закон, по которому вы живете, есть закон спасения, он желал бы завоевать ваше расположение даже половиной своих сокровищ. Поэтому он посылает львов и медведей, верблюдов и соколов, четыреста мулов, нагруженных золотом и серебром, которыми вы можете заплатить всем своим воинам. Кроме того, он говорит, что, когда вы вернетесь в свою страну, он последует за вами, будет послушен вашему закону и окажет вам почтение за свое королевство Испания".

Услышав эти слова, король Карл склонил голову в глубокой задумчивости. Он немного подождал, ибо его речь никогда не была торопливой. Наконец он произнес: "Вы хорошо сказали. Но ваш король давно уже мой враг. Как я могу доверять этим обещаниям?" Бланкандрин ответил: "У вас будут заложники, сир - десять, пятнадцать, двадцать, как вам будет угодно. Среди них будет мой собственный сын, а остальные - знатнейшие люди страны. Так что можете быть уверены, что на следующий праздник Святого Михаила мой господин явится к вам в ваш дворец в Ахене и согласится стать христианином".

"Он сделает это хорошо", - сказал король Карл; "только так он спасет свою душу". Затем он приказал запрячь белых мулов в стойла, разбить во фруктовом саду шатер и устроить послам соответствующие развлечения.

На следующий день король Карл встал рано и, отслушав мессу, послал за своими вельможами, ибо он ничего не хотел делать без совета мудрых людей Франции. Пришли вельможи, среди них Ожье датчанин, и Турпин архиепископ, и граф Роланд, а с ним Оливер, его ближайший друг, и Ганелон, тот самый, что был предателем.

Тогда сказал король: "Государи мои, король Марсилас прислал ко мне посольство с многочисленными и богатыми дарами, львами и медведями, и верблюдами, и большим количеством золота и серебра. Только он ставит такое условие: я должен вернуться во Францию, а он обещает, что сам придет туда, даже в Ахен, и там исповедует себя христианином, а также принесет дань своему королевству. Но говорит ли он правду, этого я не знаю. Что скажете вы, милорды?"

Тогда встал граф Роланд и сказал: "Безумием было доверять этому королю Марсиласу. Разве мы не находимся в этой испанской земле уже семь лет, и разве этот король Марсилас не вел себя всегда как предатель? Разве не посылал он пятнадцать своих язычников, каждый с оливковой ветвью в руке, и разве не делали они ему такое же признание? Ты посоветовался со своими вельможами и отправил ему - так неразумно - двух посланников. Что сделал царь Марсилас? Он отнял у них головы. Я советую вам, сир, как вы начали эту войну, так и доведите ее до конца. Ведите свою армию к Сарагоссе, осадите ее, проведите, если понадобится, остаток своих дней перед ней, но отомстите за храбрецов, которых король Марсилас предал смерти".

Король Карл сидел, склонив голову, и не произносил ни доброго, ни злого слова. Тогда поднялся Ганелон и сказал: "Сир, я бы не хотел, чтобы вы слушали никаких советов, кроме тех, что идут вам на пользу. Король Марсилас прислал к вам, говоря, что готов исповедовать нашу веру и держать королевство Испания в качестве вашего вассала. Тот, кто хотел бы, чтобы вы отказались от такого предложения, ничего не смыслит в делах. Советы гордецов не для смертных. Отбросьте глупость и прислушайтесь к словам мудрых".

Тогда встал герцог Баварский; снежно-белыми были его борода и волосы. У короля Карла не было лучшего советника, чем он. "Сир, - сказал он, - Ганелон дал вам добрый совет. Вам стоит последовать ему. Вы победили короля Марсиласа в этой войне, взяли его замки, разрушили его стены, сожгли его города и обратили в бегство его армию. Теперь он просит вас о пощаде. Конечно, было бы преступлением просить слишком много. Помните также, что он готов дать вам заложников. Пошлите кого-нибудь из ваших дворян, чтобы договориться с ним, ибо действительно пора положить конец этой войне". Так говорил герцог Баварский, и все люди Франции воскликнули: "Герцог хорошо говорит".

"Но, - сказал король Карл, - кого нам послать?" "Я поеду, - ответил герцог, - если вам так угодно. Дайте мне перчатку и посох, которые должны быть у посла". "Не так, - сказал король Карл, - ты не поедешь. Я не хотел бы иметь столь мудрого советника так далеко. Садитесь. Это мой приказ"; и он снова заговорил: "Кого нам послать к королю Марсиласу, милорды?" "Я пойду", - вскричал граф Роланд. "Нет, - сказал Оливер, - вы слишком вспыльчивы и яростны. Боюсь, что вы плохо справитесь с таким делом. Лучше пусть я поеду, если так угодно королю". "Молчите оба, - сказал король, - никто из вас не должен вмешиваться в это дело. Клянусь своей белой бородой, я заявляю, что никто из двенадцати пэров не отправится в это посольство".

Тогда встал Турпин, архиепископ. "Сир, - сказал он, - вы уже семь лет находитесь в этой испанской земле, и ваши дворяне претерпели ради вас много трудов и горестей. Дайте мне перчатку и посох; я пойду к этому сарацину и скажу ему что-нибудь на свой лад".

Но Карл ответил ему в великом гневе. "С этой бородой ты этого не сделаешь. Сядь на место и не говори, пока я не прикажу. А теперь, - продолжал он, - милорды, выберите себе того, кто отправится с этим поручением. Пусть это будет человек, знающий толк в делах и способный нанести удар, если понадобится".

Тогда граф Роланд сказал: "Кого же нам выбрать, как не Ганелона? Лучшего, чем он, не найти". И все мужчины Франции воскликнули: "Правильно, что он поедет, если на то будет воля короля".

Сказал король Карл Ганелону: "Подойди сюда, Ганелон, и возьми эту перчатку и этот посох. Голос людей Франции избрал тебя. Ты слышал его". Но Ганелону это дело совсем не понравилось. "Это дело рук Роланда", - воскликнул он. "Никогда, пока я жив, я не полюблю больше Роланда, ни Оливера, ибо он друг Роланда, ни кого-либо из двенадцати пэров, ибо они тоже любят Роланда. Здесь, под вашим взглядом, сэр король, я бросаю им всем вызов". "Не стоит гневаться", - вскричал король Карл. "Если я велю, ты должен уйти".

"Да, - ответил Ганелон, - я понимаю, что должен идти в Сарагоссу, а кто идет туда, тот не возвращается. Помните, сир, что я взял в жены вашу сестру. У нас есть один сын; прекраснее ребенка вы не видели. Когда-нибудь, если он будет жить, он станет галантным рыцарем. Я оставляю ему свои земли. Позаботьтесь о нем, умоляю вас, ведь я никогда больше его не увижу". "У тебя слишком мягкое сердце", - сказал король Карл. "Если я велю, ты должен уйти".

Ганелон был в большом смятении. Он повернулся к Роланду и сказал: "За что ты гневаешься на меня? Ведь это ты, как всем известно, возложил на меня это поручение к королю Марсиласу. Это хорошо. Но знай, что если Бог допустит, чтобы я вернулся, я навлеку на тебя такую беду и горе, что ты будешь помнить об этом все дни своей жизни". "Это глупость", - ответил Роланд. "Весь мир знает, что мне нет никакого дела до твоих угроз. Тем не менее, видя, что нужен мудрый человек, чтобы отнести это послание короля, я готов отправиться вместо тебя".

"Ты не пойдешь", - ответил Ганелон. "Ты не мой вассал, а я не твой господин. Я поеду в Сарагоссу, к королю Марсиласу. Но будь уверен, там я найду, чем утешиться". Услышав это, Роланд громко рассмеялся, а Ганелон разразился таким гневом, что сердце его готово было разорваться. "Я ненавижу тебя, - сказал он Роланду, - ненавижу за то, что ты сделал для меня этот злой выбор". А Карлу он сказал. "Вот я, сир, я готов исполнить вашу волю".

"Ганелон, - сказал король, - послушай меня. Скажи королю Марсиласу, что если он придет и признает себя моим вассалом и примет святое крещение, то я отдам ему половину королевства Испании; другая половина достанется графу Роланду. Если же он не сделает этого, то я осажу его город Сарагоссу, а когда возьму его, то приведу его силой в мой город Ахен, и произведу над ним суд, и он закончит свои дни в печали и позоре. Возьми это письмо, скрепленное моей печатью, и отдай его в правую руку короля". С этими словами он протянул Ганелону перчатку правой рукой. Но когда Ганелон протянул руку и хотел взять ее, она упала на землю. "Это плохое начало", - сказали люди Франции, - "это послание станет началом многих бед". "Вы узнаете о них в свое время", - ответил Ганелон. Король Карлу он сказал: "Сир, дайте мне разрешение на отъезд, раз уж я должен ехать, то лучше не терять времени". "Иди, - сказал король, - ради чести Господа нашего Христа и ради меня". Правой рукой он осенил себя крестным знаменем и дал ему отпущение грехов. В то же время он отдал ему посох посла и письмо.

Затем Ганелон отправился к себе домой и облачился в свои лучшие доспехи. На ногах он закрепил золотые шпоры, к боку привязал свой добрый меч Мурглис и сел на своего коня Тахебруна. Его дядя Гинемер держал для него стремя. Многие галантные рыцари плакали, провожая его. "О господин, - кричали они, - это плохая расплата за все те услуги, которые вы оказали королю. Графу Роланду и в голову не могло прийти такое. Пошлите нас, милорд, вместо себя".

"Нет", - ответил Ганелон. "Зачем мне обрекать на гибель столько доблестных людей? Пусть лучше я умру один. А вы, друзья мои, возвращайтесь в прекрасную Францию. Передайте мои приветствия моей жене и моему сыну. Храните его и следите, чтобы его имущество не пострадало". Сказав так, он отправился в Сарагоссу.

ГЛАВА XXVI

ИЗМЕНА ГАНЕЛОНА

Не успел Ганелон отъехать далеко, как нагнал сарацинских послов, и, действительно, Бланкандрин задержал свой путь, чтобы так и случилось. Сарацины сказали: "Какой замечательный человек ваш король Карл! Он завоевал Италию, Новый Рим и Германию и готов наложить руку на Англию. Но почему он преследует нас?" "Такова его воля, - ответил

Ганелон, - и нет человека такого роста, который мог бы с ним поспорить". "Вы храбрые люди, лорды Франции, - сказал Бланкандрин, - но вы плохо служите своему господину, когда даете ему такие советы. Вы приведете его к гибели, а вместе с ним и многих других". "Нет", - сказал Ганелон. "Я не заслуживаю такого порицания, да и вообще никто его не заслуживает, кроме одного лишь Роланда. По правде говоря, это в конце концов приведет его к позору. А теперь послушайте меня. На днях король сидел под деревом, когда к нему подошел Роланд, одетый в свой кирасу. Он захватил большую добычу в городе Каркассоне. В руке у него было яблоко. Возьми, - сказал он своему дяде-королю. Как я брошу это яблоко к твоим ногам, так я брошу к твоим ногам короны всех королей земли". У такой гордыни обязательно должно быть падение. Каждый день он подвергает себя смерти. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь убил его. Только ценой его жизни мы обретем мир".

Бланкандрин ответил: "Должно быть, у этого Роланда жестокое сердце, если он хочет покорить все народы и наложить руки на все страны. Но на чью помощь он рассчитывает в столь масштабном предприятии?" "Он полагается на французов", - сказал Ганелон. "Он ни в чем им не отказывает: ни в золоте, ни в серебре, ни в запряжках, ни в мулах, ни в шелках, ни в доспехах. Самому королю он дает столько, сколько тот пожелает. Я не сомневаюсь, что он завоюет весь мир до самого восхода солнца".

Сарацин бросил взгляд на Ганелона и увидел, что у того светлое лицо, но злой взгляд. И Ганелон, когда глаза сарацина обратились на него, почувствовал, что все его тело дрожит с головы до ног. Бланкандрин сказал: "Ты хочешь отомстить этому Роланду? Если да, то отдай его нам. Король Марсилас - щедрый даритель и охотно поделится с тобой своими сокровищами". Так они беседовали, и к тому времени, когда они прибыли в Сарагоссу, они договорились вместе искать средства, с помощью которых Роланд мог бы прийти к своей смерти.

Король Испании сидел под сосной на троне, обитом александрийским шелком. Вокруг него были тысячи его людей, но не было произнесено ни слова, так сильно все они желали услышать вести, которые могли принести с собой Ганелон и Бланкандрин.

Бланкандрин вышел вперед и встал перед королем Марсиласом, держа Ганелона за правую руку, и сказал: "Во имя пророка, здравствуй, о король. Мы передали твое послание королю Карлу". Он воздел руки к небу и возблагодарил Бога, но ничего другого не ответил. Тем не менее он послал к тебе одного из своих главных вельмож, который является великим человеком во Франции. Именно от него вы узнаете, будет ли у вас мир или нет". "Пусть он говорит, - сказал король, - а мы послушаем".

Ганелон постоял немного, размышляя про себя. Затем он начал говорить, и никто не смог бы сказать лучше. "Здоров, о король, во имя Бога, Бога славы, которому причитается всякая честь. Выслушайте, что повелевает король Карл. Вы должны принять христианскую веру. Тогда он дарует вам половину земель Испании, которые будут принадлежать ему. Другую половину он отдаст графу Роланду. Воистину, у вас будет гордый спутник! Если же это вам не понравится, то он осадит Сарагоссу, возьмет вас в плен и отвезет в Ахен, где находится его императорский трон. Там тебе будет вынесен приговор, и ты закончишь свои дни в позоре".

Лицо короля изменилось от гнева, когда он услышал эти слова. В руке у него был позолоченный посох, и он ударил бы им Ганелона, но, по счастливой случайности, его люди удержали его. Увидев это, Ганелон вытащил из ножен свой меч на два пальца шириной. "Меч, - сказал он, - ты прекрасен и светел. Пока ты в моих руках, король Франции не скажет, что я погиб один в чужой земле; нет, истинно, только их лучшие воины заплатят за мою смерть своей кровью".

И вот короля Марсиласа уговорили снова сесть на свой трон. "Ты сам себя подставил под удар, - сказал ему его визирь, - если бы ударил этого француза. Лучше прислушайся к его словам".

"Сир, - сказал Ганелон, - я стерплю это оскорбление, но никогда не соглашусь, за все сокровища, что есть в этой земле, да что там, за все золото, что создал Бог, не произносить слов, которые повелел мне произнести король Карл". И он сбросил на землю свою мантию из соболя, подбитую александрийским шелком; меч же свой он сохранил, держа его рукоять в правой руке. "Это благородный барон", - сказали языческие вожди.

Тогда Ганелон произнес те же слова, что и прежде, и, закончив их, отдал письмо короля Карла в руки короля. Король Марсилас был ученым и учился в языческих школах. И когда он снял печать с письма, то прочитал его от конца до конца; а когда прочитал, то слезы навернулись ему на глаза от ярости, и он дернул себя за бороду и громким голосом воскликнул: "Послушайте, государи мои, что за глупость. Карл, король Франции, велит мне вспомнить двух послов, которых я обезглавил, и приказывает мне, если я хочу искупить свою жизнь, прислать к нему моего визиря. Если я этого не сделаю, он станет моим врагом навеки".

Все держались спокойно, кроме сына короля, который воскликнул: "Ганелон говорит, как глупец; поистине, он заслуживает смерти. Отдайте его мне, и я с ним расправлюсь".

Но Ганелон выхватил меч и встал спиной к сосне. Король Марсилиус встал со своего трона и пошел во фруктовый сад, велел начальнику своих советников следовать за ним. Когда они собрались там, Бланкандрин сказал королю: "Ты плохо поступил с Ганелоном. Он поклялся служить нам". "Приведи его сюда", - сказал король. И Бланкандрин привел его к королю, держа его за правую руку.

"Мой господин Ганелон, - сказал Марсилас, - я поступил неразумно, когда в гневе хотел ударить тебя. Я хотел бы загладить свою вину этими шкурами куниц, которые я купил сегодня. Они стоят больше пятисот золотых". Тогда король повесил их на шею Ганелона. "Я принимаю их, - сказал он, - и пусть сам Бог воздаст тебе за твою щедрость!"

Король сказал: "Поверь мне, Ганелон, что я очень хочу быть твоим другом. А теперь расскажи мне о Карле Великом. Он ведь старый человек, не так ли? Тот, кто прожил всю жизнь? Ему, должно быть, двести лет. Сколько стран он прошел, сколько ударов принял на свой щит, каких могущественных королей привел просить о хлебе насущном! Когда же, думаете вы, он устанет вести войну? Конечно, ему пора отдохнуть в Ахене".

Ганелон ответил: "Вы не знаете короля Карла Великого. Нет человека лучше рыцаря, чем он, так говорят все, кто его знает. Что касается меня, то я не могу его достаточно похвалить; я скорее умру, чем перестану быть одним из его баронов. Что же касается того, что он перестал воевать, то этого не может быть до тех пор, пока жив Роланд. Такого рыцаря нет на всем Востоке. Спутником Роланда, Оливером, тоже является доблестный воин; доблестны и двенадцать пэров. По правде говоря, королю Карлу не нужно бояться никого из живых".

"Но, - ответил король, - нет народа, который мог бы сравниться с моим. У меня четыреста тысяч всадников, с которыми я могу сражаться против короля Карла и его французов". "Однако, - сказал Ганелон, - вы ответите ему не этим. Скорее ты потеряешь тысячи и тысячи своих солдат. Выслушай же мой совет. Дайте королю денег в изобилии; дайте ему заложников. Затем он вернется во Францию и, уходя, оставит за собой арьергард. В этом арьергарде, как мне хорошо известно, будут Роланд, его племянник, и Оливер, спутник

Роланда. И, находясь там, они обречены на смерть. Так падет великая гордость короля Карла. Никогда больше он не поднимется на войну против вас".

"Ганелон, - сказал король, - расскажи нам яснее, как я убью этого Роланда". Ганелон ответил: "Он и двадцать тысяч человек из Франции будут находиться в тылу армии короля. Ваша задача, государь, собрать все свое войско. Сначала пошлите против них сто тысяч ваших сарацин. Я не отрицаю, что они будут уничтожены, но, с другой стороны, люди Франции получат большой урон. Затем вступите с ними во второе сражение. Невозможно, чтобы Роланд спасся и от одного, и от другого. А если он будет убит, то вы отнимете у короля Карла его правую руку. У Франции больше не будет ее чудесных армий; никогда больше король Карл не поведет в бой такие войска. И в Испании наконец-то наступит мир".

"Поклянись, что так и будет", - сказал король; и Ганелон поклялся, что так будет на его мече Мурглисе. Затем они принесли королю большую книгу, в которой был записан закон Магомета, и король дал на ней великую клятву, что если каким-либо способом удастся добиться этого, то Роланд должен умереть, а вместе с ним и двенадцать пэров. "Да свершится наша цель!" - воскликнул Ганелон.

Тогда вожди язычников один за другим пришли к Ганелону с дарами в руках. Первым пришел некий Вальдабрун. "Возьми этот меч, - сказал он, - лучшего нет ни у кого. Помель и рукоять стоят тысячу крон. Пусть это будет залогом нашей дружбы. Только помоги нам привести Роланда к гибели". "Так и будет", - сказал Ганелон.

Затем появился Чимборин. "Возьми этот шлем, - сказал он, - лучшего нет ни у кого. Посмотри, какой большой карбункул блестит на визоре. Только помоги нам убить Роланда". "Так и будет", - сказал Ганелон.

Затем пришла королева Бранимонда. "Господин, - сказала она, - я очень уважаю вас. Мой господин и все его люди очень почитают вас. Я хочу послать вашей жене два браслета. Они из аметистов, рубинов и золота. У вашего короля, как мне хорошо известно, нет подобных". Ганелон взял браслеты из ее рук и положил их в сапог для верховой езды.

Король Марсилас обратился к своему казначею: "Приготовил ли ты подарки, которые я намерен послать королю Карлу?" Казначей ответил: "Они готовы: семьсот верблюдов, нагруженных золотом и серебром, и двадцать заложников, самых благородных в стране".

А теперь король прощался с Ганелоном. "Я очень люблю тебя, - сказал он. "Тебе достанется лучшее из моих сокровищ, если только ты поможешь мне против Роланда. Теперь я даю тебе десять мулов с золотом Аравии, и каждый год ты будешь получать столько же. А теперь возьми ключи от этого города и отдай их королю Карлу; когда ты вручишь ему эти сокровища, передай ему и эти двадцать заложников, только смотри, чтобы Роланд был в арьергарде". "Я думаю, - воскликнул Ганелон, - что задерживаюсь здесь слишком долго". После этого он сел на коня и поскакал прочь.

ГЛАВА XXVII

О ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ РОЛАНДА

И вот король Карл отправился в обратный путь в город Вольтерру (граф Роланд захватил его и разрушил за три года до этого). Там он ожидал Ганелона и дань Испании, и не прошло и нескольких дней, как явился предатель. "Сир, - сказал он, - я приветствую вас во имя Бога. Я принес вам ключи от Сарагоссы, а также большие сокровища, которые прислал вам король Марсилас, и двадцать заложников, самых благородных в стране. Король Марсилас также просит меня сказать, что его не следует винить за то, что он не прислал визиря. Визирь со многими тысячами вооруженных людей сел на корабль - я видел их своими глазами, - потому что они не желали принять закон Христа. Но не успели они отплыть и четырех лиг, как внезапно на них обрушился сильный штормовой ветер, так что их корабли затонули. Вы никогда больше не увидите их, потому что все они утонули. Что же касается самого короля, то вы можете быть уверены, что еще до истечения этого месяца он последует за вами во Францию, примет закон Христа и станет вашим вассалом, получив от вас королевство Испания". "Благодарю Бога за все эти благодеяния", - воскликнул король. А Ганелону он сказал: "Ты хорошо служил мне и получишь должное вознаграждение".

Затем зазвучали трубы, и войско отправилось в путь во Францию. В ту ночь король увидел во сне некий сон. Ему показалось, что он стоит на перевале через Цизру, держа в руке пепельное копье, а Ганелон взял его в руки и потряс так, что оно разлетелось на тысячу кусков, а осколки взлетели к небу. После этого ему приснился еще один сон. Он находился в своей часовне в городе Ахене, и медведь так жестоко укусил его за правую руку, что плоть была прорвана до самой кости. Вслед за медведем пришел леопард из Арденн, который сделал вид, будто собирается напасть на него. И вот из зала вышла борзая и побежала к нему со всех ног. Сначала борзая ухватила медведя за правое ухо, а затем яростно набросилась на барса. "Это великая битва", - кричали все, кто стоял рядом, но никто не знал, кто одержит верх.

На следующий день король собрал своих лордов. "Вы видите, - сказал он, - эти узкие проходы. Кого мне поставить командовать арьергардом? Выбирайте сами". Ганелон сказал: "Кого же нам выбрать, как не моего зятя, графа Роланда? В вашем войске нет человека столь доблестного. По правде говоря, он будет спасением Франции". Король, услышав эти слова, сказал: "Что с тобой, Ганелон? Ты похож на одержимого. Но скажи мне, кто будет командовать моим авангардом?" "Пусть им будет датчанин Ожье", - ответил Ганелон. "Нет никого, кто мог бы лучше себя проявить".

Когда граф Роланд узнал, что было предложено относительно него, он заговорил так, как должен говорить настоящий рыцарь. "Я очень благодарен вам, мой тесть, за то, что вы поставили меня на это место. По правде говоря, король Франции ничего не потеряет от меня: ни коня, ни мула, ни вьючной лошади, ни ноши". "Ты говоришь правду, - сказал Ганелон, - я это хорошо знаю". Тогда Роланд снова обратился к нему и сказал: "Злодей, что ты есть, и происходишь из рода злодеев, неужели ты думал, что я упущу перчатку, как ты упустил ее, когда хотел отнять ее у короля?"

Тогда Роланд обратился к королю и сказал: "Дай мне лук, который ты держишь в руке. Он не упадет из моей руки, как упала перчатка, когда Ганелон взял бы ее из твоей руки". Король сказал Роланду: "Племянник, я с радостью отдам тебе половину своего войска. Это обеспечит твою безопасность". "Не так, государь, - ответил Роланд, - я не нуждаюсь в таком

множестве. Дай мне только двадцать тысяч, пусть это будут доблестные люди, и я буду держать перевалы в полной безопасности. Пока я жив, вам не нужно бояться никого".

Тогда Роланд сел на коня. С ним были Оливер, его товарищ, и Отто, и Беренгер, и Жерар Руссильонский, престарелый воин, и другие, люди знаменитые. И архиепископ Турпин воскликнул: "Клянусь своей головой, я тоже пойду". Так они выбрали двадцать тысяч воинов, с которыми должны были удерживать перевалы.

Тем временем король Карл вошел в долину Ронсесваль, его авангард возглавлял датчанин Ожье. По обе стороны пути возвышались высокие горы, а долины были мрачными и темными. Но когда они прошли через долину, то увидели прекрасную землю Гаскони, и, увидев ее, подумали о своих домах, о своих женах и дочерях. Не было среди них ни одного, кто бы не плакал от умиления. Но из всей этой компании не было никого печальнее самого короля, когда он подумал о том, что оставил своего племянника графа Роланда в Испании. Герцог Неймс, ехавший рядом с ним, спросил: "Что вас тревожит?" "Причин достаточно", - ответил Карл. "Я очень боюсь, что этот Ганелон погубит Францию. Не из-за него ли я оставил Роланда на перевалах? И если я потеряю своего племянника, когда я снова найду ему подобных?" И он рассказал герцогу о своем сне, о том, как Ганелон сломал копье, которое тот держал в руках.

И вот король Марсилас начал собирать войско. Он строго приказал всем своим вельможам и вождям, чтобы они привели с собой в Сарагоссу столько людей, сколько смогут собрать. И когда они пришли в город, а это был третий день с момента издания приказа короля, они отдали честь великому образу лжепророка Магомета, который стоял на самой высокой башне. Сделав это, они вышли из городских ворот. Спешившись, они шли по горам и долинам Испании, пока не оказались перед штандартом Франции, где в боевом строю стояли Роланд, Оливер и двенадцать пэров.

Племянник короля Марсилас выехал вперед войска и сказал своему дяде: "Сир, я верно служил вам, претерпел много трудов и неприятностей, сражался во многих битвах и одержал не мало побед. И теперь вся награда, которую я прошу, заключается в том, чтобы вы позволили мне сразить этого Роланда. Я убью его острием своего копья, если Магомет поможет мне. Так я избавлю Испанию от врага, эти французы отдадутся тебе, и у тебя не будет больше войн во все дни твоей жизни".

Когда король Марсилас услышал эти слова, он протянул руку и отдал свою перчатку племяннику. Тогда юноша сказал: "Ты сделал мне благородный подарок, мой дядя. Теперь выбери мне одиннадцать своих дворян, и мы сразимся с двенадцатью пэрами Франции".

Первым, кто вышел, чтобы предложить себя для битвы, был Фоссерон, брат короля. "Мой господин племянник, - сказал он, - мы пойдем вместе, ты и я - вместе мы одержим эту победу. Горе арьергарду короля Карла. Мы уничтожим его до единого человека".

Следующим выступил Корсаблис, король Барбарии. Он был злым человеком и вероломным, но в тот день он говорил как верный вассал короля. "Сейчас не время, - сказал он, - отступать. Если я найду Роланда, я нападу на него без промедления". После него выступили еще девять вождей, пока число чемпионов не достигло двенадцати против двенадцати пэров Франции.

Сарацинские чемпионы облачились в почтовые плащи, большинство из которых были двойными, надели на головы шлемы из Сарагоссы из хорошо закаленного металла и опоясались венскими мечами. Щиты их были прекрасны на вид, копья - из Валентии,

штандарты - белые, синие и красные. Своих мулов они оставили у слуг и, запрягая их в коней, двинулись вперед. День был прекрасный, солнце яркое, доспехи их сверкали на свету, а в барабаны били так громко, что французы слышали звук.

Сказал Оливер Роланду: "Товарищ, думаю, скоро мы сразимся с сарацинами". "Дай Бог, чтобы так и было", - ответил Роланд. "Наш долг - удержать это место для короля, и мы сделаем это, что бы ни случилось. Что касается меня, то я не стану подавать дурной пример".

ГЛАВА XXVIII

КАК ЯЗЫЧНИКИ И ФРАНЦУЗЫ ГОТОВИЛИСЬ К БИТВЕ

Оливер взобрался на вершину холма и увидел оттуда всю армию язычников. Он крикнул Роланду, своему спутнику: "Я слышу большой шум людей, идущих со стороны Испании, и вижу блеск оружия. Нам, людям Франции, не избежать беды. Это дело рук предателя Ганелона".

"Молчи, - ответил Роланд, - пока не узнаешь; не говори больше о нем".

Оливер смотрел с вершины холма и видел, как наступают сарацины. Их было так много, что он не мог сосчитать их батальоны. Он со всей скоростью спустился на равнину, подошел к рядам французов и сказал: "Я видел больше язычников, чем когда-либо видел человек вместе на земле. Их не меньше ста тысяч. Нам предстоит такая битва с ними, какой еще никогда не было. Братья мои из Франции, соберитесь, как мужчины, будьте сильны; стойте твердо, чтобы не быть побежденными". И все войско в один голос закричало: "Проклят тот, кто побежит".

Тогда Оливер обратился к Роланду и сказал: "Труби в свой рог, друг мой, Карл услышит его и вернется". "Я был глупцом, - ответил Роланд, - чтобы так поступить. Не так; но я нанесу этим язычникам несколько сильных ударов своим мечом Дюрендалем. Они поступили неразумно, решившись войти в эти перевалы. Клянусь, они обречены на смерть все до единого".

Через некоторое время Оливер снова сказал: "Друг Роланд, труби в свой рог из слоновой кости. Тогда король вернется и приведет с собой войско на помощь нам". Но Роланд снова ответил: "Я не сделаю бесчестия ни моим сородичам, ни прекрасной земле Франции. У меня есть мой меч, и этого мне будет достаточно. Эти злобные язычники собрались против нас, чтобы навредить нам. Ни один из них не уйдет от смерти". "Что касается меня, - сказал Оливер, - то я не вижу места, где можно было бы опозориться. Я видел долины и горы, покрытые великим множеством сарацин. Их, по правде говоря, великое множество, а нас всего несколько". "Тем лучше, - ответил Роланд. "От этого моя храбрость только возрастает. Лучше умереть, чем быть опозоренным. И помни, чем сильнее наши удары, тем больше король будет нас любить".

Роланд был храбр, но Оливер был мудр. "Подумай, - сказал он, - товарищ. Эти враги совсем рядом с нами, а король - далеко. Если бы он был здесь, нам не грозила бы опасность; но сегодня здесь есть такие, кто никогда не будет сражаться в другой битве".

Тогда архиепископ Турпин вбил шпоры в своего коня и поскакал к вершине холма. Затем он обратился к людям Франции и произнес: "Сеньоры Франции, король Карл оставил нас здесь; он наш король, и наш долг - умереть за него. Сегодня наша христианская вера в опасности: сражайтесь за нее. Вы должны сражаться, будьте уверены в этом, ибо у вас под носом сарацины. Итак, исповедуйте свои грехи и молитесь Богу, чтобы Он помиловал вас. А теперь для здоровья вашей души я дам вам всем отпущение грехов. Если вы умрете, вы будете Божьими мучениками, каждый из вас, и для вас приготовлены места в Его раю".

После этого французы разошлись, преклонили колени, и архиепископ благословил их именем Божьим. "Но смотрите, - сказал он, - я назначаю вам епитимью - покарайте этих язычников". Тогда мужчины Франции поднялись на ноги. Они получили отпущение грехов, и архиепископ благословил их от имени Бога. После этого они сели на своих быстрых коней, облачились в доспехи и приготовились к битве.

Сказал Роланд Оливеру: "Брат, ты знаешь, что это Ганелон предал нас. В награду он получил хороший запас золота и серебра; это король Марсилас сделал из нас товар, но, поистине, он поплатится за это нашими мечами". Сказав так, он поскакал к перевалу, сев на своего доброго коня Вейлантифа. Копье свое он держал острием к небу; на нем был белый флаг с золотыми бахромами, ниспадавшими до его рук. Он был крепким мужчиной, а его лицо было честным и улыбчивым. Позади него шел Оливер, его друг; и люди Франции указывали на него, говоря: "Смотрите, наш чемпион!" Когда он смотрел на сарацинов, в его глазах была гордость; но для французов его взгляд был сладок и скромнен. Он вежливо обратился к ним: "Скачите не так быстро, милорды, - сказал он, - воистину, эти язычники пришли сюда, ища мученической смерти. Сегодня мы получим от них изрядную добычу. Никогда еще король Франции не получал такого богатства". И пока он говорил, оба хозяина сошлись.

Оливер сказал: "Вы не сочли нужным, милорд, трубить в свой рог. Поэтому вы лишены помощи, которую король мог бы послать. Не его вина, ибо он ничего не знает о случившемся. Но вы, лорды Франции, бросайтесь в атаку так яростно, как только можете, и ни на йоту не уступайте врагу. Думайте только о двух вещах - как нанести прямой удар и как его принять. И не забывайте боевой клич короля Карла". Тогда все мужчины Франции в один голос воскликнули: "Маунтджой!". Тот, кто слышал этот возглас, никогда не сомневался, что это доблестные люди. Гордыми были их ряды, когда они скакали на битву, подстегивая своих коней, чтобы они еще больше ускорились. А сарацины, в свою очередь, выступили вперед с добрым сердцем. Так французы и язычники сошлись в битве.

ГЛАВА XXIX

БИТВА

Первым из рядов язычников выехал Элрот, племянник короля Марсиласа. Он хорошо владел оружием, а его конь был быстр и силен. И были тяжкие упреки, которые он произносил в адрес франкских мужчин. "Вы пришли, - сказал он, - разбойники Франции, чтобы сразиться с нами сегодня? Не знаете ли вы, что тот, кто должен был помочь вам, предал вас? Воистину,

глуп был ваш император, оставив вас в этих проходах, ибо честь прекрасной Франции погибла сегодня, а великий Карл лишился, как бы, правой руки. Так что в Испании наконец-то будет мир".

Роланд услышал эти слова с великой скорбью в сердце. Он пришпорил своего коня золотыми шпорами и со всей силой обрушился на языческого воина. Он разорвал его щит на две части, разорвал кольчугу и разрубил его тело на две части. Это был могучий удар, и Роланд громко воскликнул, нанося его: "Уясни себе, негодяй, что король Карл хорошо знает, что делает. Он не любит измены и предателей. Он поступил мудро, оставив нас в этих проходах. Франция не потеряет чести в этот день. Ударьте, люди Франции, ударьте! Первая кровь - за нами; эти языческие псы должны пострадать за свои проступки".

Тогда из войска сарацинов вышел герцог, брат короля Марсиласа, по имени Фоссерон. Никогда не было на земле человека более наглого и злодейского. Когда он увидел, что его племянник мертв, это ранило его в самое сердце. Он выскочил из толпы и, выкрикивая боевой клич язычников, бросился на ряды Франции. "Прекрасная Франция, - сказал он, - потеряет свою честь в этот день". Велика была ярость Оливера, когда он услышал эти зловещие слова. Он вонзил золотые шпоры в бока своего коня и поразил Фоссерона верным рыцарским ударом. Щит его раскололся надвое, лопнули узы его хауберка, и он замертво упал с седла. "Лежи здесь", - сказал он. "Кому интересны твои угрозы, трус!" И, обратившись к французам, воскликнул: "Ударьте, друзья, ударьте! и мы победим врага". *Маунтджой!* Это боевой клич самого короля!"

Затем появился другой король, по имени Корсаблис. Он прибыл из далекой страны Барбарии. Он воззвал к своим товарищам в армии язычников: "Легко мы выдержим битву. Этих французов мало, и они не имеют никакого значения. Ни один из них не спасется, и Карл, их король, не поможет им. Воистину, настал день, когда они должны умереть". Архиепископ Турпин услышал его - не было во всем языческом войске человека, которого бы Турпин ненавидел больше, - бросился на него с копьем в руке и повалил его на землю.

В тот день пало множество языческих воинов. Не один из двенадцати пэров Франции не убил своего человека. Но ни один из них не проявил себя так доблестно, как Роланд. Много ударов нанес он врагу своим могучим копьем, и когда копье задрожало в его руке, а пятнадцать воинов пали перед ним, тогда он схватил свой добрый меч Дюрендаль и повергал на землю человека за человеком. Он был красен от крови своих врагов. Красен был его хауберк, красны его руки, красны плечи, да и шея его коня. Ни один из двенадцати не задерживался в тылу, не медлил с ударом, но граф Роланд был храбрейшим из храбрых. "Молодцы, сыны Франции!" - воскликнул архиепископ Турпин, увидев, что они так налегли друг на друга.

Следующим после Роланда по доблести и отваге был Оливер, его спутник. Много языческих воинов он сразил, пока наконец копье не задрожало в его руке. "Что ты делаешь, товарищ?" - воскликнул Роланд, узнав о случившемся. "В такой битве, как эта, посох не нужен. Он должен владеть сталью и ничем другим. Где же твой меч Хаутклер с золотой рукоятью и хрустальной рукоятью?" "Клянусь, - сказал Оливер. "У меня не было времени достать его, я был так занят нанесением ударов". И вот, выхватив из ножен добрый меч, он поразил языческого рыцаря, Юстина из Железной долины. Удар был могуч, он рассек его надвое до самого седла - да, и само седло, украшенное золотом и драгоценными камнями, и хребет коня, на котором он ехал, так что конь и человек вместе упали замертво на равнине. "Молодец!" - воскликнул Роланд; "Ты мой истинный брат. Именно такие удары заставляют императора любить нас".

Тем не менее, несмотря на всю доблесть Роланда и его товарищей, битва далась французам с трудом. Много копий было сломано, много знамен разорвано, много доблестных юношей

перебито в расцвете сил. Никогда больше они не увидят мать и жену. Злодейски поступил предатель Ганелон, продав своих товарищей королю Марсиласу!

А теперь случилась новая беда. Король Алмарис с большим войском язычников, идущих неизвестным путем, настиг их в тылу, где был другой проход. Благородный Вальтер, сохранивший прежнюю стойкость, яростно атаковал новоприбывших, но они одолели его и его сторонников. Он был ранен четырьмя копьями и четыре раза падал в обморок, так что в конце концов был вынужден покинуть поле боя, чтобы позвать на помощь графа Роланда. Но невелика была помощь, которую Роланд мог оказать ему или кому-либо другому. Он доблестно держал бой, и с ним Оливер, и архиепископ Турпин, и другие; но строй французов был сломлен, доспехи пробиты, копья дрожали, а знамена растоптаны в пыль. За все это они устроили такую резню среди язычников, что король Альмарис, возглавлявший армию врага, едва смог отвоевать дорогу к своему народу, будучи раненным в четырех местах и изможденным. Он был хорошим воином; если бы он был христианином, мало кто мог бы сравниться с ним в бою!

Он подошел к царю Марсиласу, стоявшему среди своих князей, и упал к его ногам, ибо сил у него не осталось. "На коня!" - вскричал он, - "мой господин, на коня! Ты найдешь франкских мужчин изможденными той резней, которую они устроили среди нас. Их копья сломаны, а мечи разбиты; половина из них мертва, а у тех, кто остался, не осталось сил. Вам обойдется совсем недорого, чтобы отомстить за толпы убитых ими людей. Поверь мне, государь, эти французы готовы к победе".

Тогда король Марсилас приказал своему войску выступить вперед. Это было могучее войско, разделенное на двадцать колонн, и трубы протрубили приказ. Никогда не было такого грохота в стране! "Оливер, мой товарищ, - сказал Роланд, услышав это, - этот предатель Ганелон поклялся нам в смерти. Но если ему это удастся, наш король, несомненно, страшно отомстит. Что же касается нас, то мы должны исполнить свой долг как добрые рыцари, ибо, поистине, эта битва будет не детской забавой. Ударь своим мечом Хаутклер, а я ударю своим мечом Дюрендаль. Много раз мы орудовали ими бок о бок, много побед одержали мы ими. Воистину, если мы падём в этот день, эти язычники не будут нас презирать".

Архиепископ, в свою очередь, обратился к своему народу со словами утешения. "Пусть никто не думает о бегстве, - сказал он, - никогда эти язычники не будут петь нам песни. Лучше умереть в бою. А если мы погибнем, что вполне возможно, то вот в чем я могу вас заверить: врата Рая будут открыты для вас. Завтра, если так будет, вы займете место среди святых". Тогда мужчины Франции воспрянули духом и приготовились к битве.

Король Марсилий сказал своим людям: "Послушайте меня. Этот Роланд - великий воин; победить его будет нелегко. Мы сражались с ним в одной битве и не одержали победы; теперь мы сразимся в другой; если понадобится, и вы последуете за мной, мы сразимся и в третьей. Из этих двадцати колонн десять должны выступить против людей Франции, а десять останутся со мной. Пока я жив, до конца этого дня власть короля Карла будет сломлена". Так он передал эмиру Грандуану знамя, богато расшитое; "Веди своих людей против французов", - сказал он, - "это будет твоим ордером от меня".

Король остался на вершине холма, а Грандуин спустился на равнину, неся перед собой знамя. "К коням!" - крикнул он, и зазвучали трубы, и войско двинулось в бой. Увидев это, французы воскликнули: "Что же нам теперь делать? Проклятье этому предателю Ганелону, который продал нас язычникам!" Но архиепископ Турпин велел им быть мужественными. "Будьте как люди!" - сказал он, - "и Бог даст вам венец славы в раю. Только знайте, что в рай

трус ни за что не войдет". "Да будет так, - ответили французы, - нас мало, но мы не откажемся от своего долга".

Первым из рядов язычников выехал Чимборин, тот самый, что подарил Ганелону шлем с большим карбункулом на визоре. Его конь, по имени Барбемуш, был быстрее ястреба или ласточки. Он поскакал на полной скорости, направил копье на гасконца Энгельера и пробил его щитом и хауберком так крепко, что копье торчало из его тела с другой стороны. "Этих французов легко победить", - воскликнул он. "Ударьте, товарищи, ударьте и сломайте их строй!" Но все французы закричали: "Как жаль, что столь храбрый воин будет убит!"

Роланд сказал Оливеру: "Товарищ, посмотри, как убит гасконец Энгельер; у нас не было более храброго рыцаря в отряде". "Дай Бог, чтобы я отомстил за него", - ответил Оливер и ударил шпорами по своему коню. В его руке был его верный меч Хаутклер, лезвие которого было красным от крови. Он нанес Чимборину такой мощный удар, что убил и человека, и коня. Затем он сразил герцога Альфаиса. Восемь других арабских воинов он сбил с седла, и в таком виде они больше никогда не вступали в бой. "Мой товарищ в страшной ярости, - воскликнул Роланд, - именно такие удары заставят короля Карла полюбить нас. Бейте, люди Франции, бейте и не останавливайтесь!"

Следующим выехал эмир Вальдабрун, тот самый, что подарил Ганелону меч. Он был великим морским правителем. У него было четыреста кораблей, и не было ни одного моряка, который не жаловался бы на его грабежи. Он же вероломно захватил и убил мечом патриарха Антиохийского. Этот человек поразил герцога Самсона, пробив копьем и щит, и кольчугу, и так умертвил его. "Так погибнут все эти несчастные", - воскликнул он. И ужаснулись люди Франции.

Когда Роланд увидел, что герцог Самсон мертв, он яростно поскакал на Вальдабруна и с такой силой ударил его своим огромным мечом Дюрендалем, что развалил надвое шлем, голову, туловище, седло и хребет коня, так что оба упали замертво - и человек, и конь.

После этого Малькидант, сын короля Африки Малькида, убил Ансола. Архиепископ быстро отомстил за него. Никогда священник, который пел мессу, не был таким крепким воином, как он. Одним ударом своего доброго толедского меча он сразил африканца. "Он поражает, архиепископ!" - воскликнули все мужчины Франции, увидев этот поступок.

После этого в бой вступил Грандуинь, который был предводителем войска язычников. Пять рыцарей, доблестных воинов, он зарубил одного за другим, так что люди Франции воскликнули: "Как быстро они падают, эти наши чемпионы!"

Роланд слышал эти возгласы, и они едва не разорвали его сердце, так велик был его гнев. Он поскакал прямо на Грандуинье, и эти двое встретились на среднем пространстве между войсками. Среди язычников не было человека храбрее и лучше владеющего оружием, чем Грандуинь, но он был не ровня Роланду. Они едва успели сойтись в схватке, как Роланд одним могучим ударом рассек его до седла, да так, что свалил коня, на котором он ехал. Много других доблестных подвигов совершил он в тот день, не отстали от него ни Оливер, ни архиепископ Терпин, ехавший на знаменитом коне, которого он отобрал у короля Дании. Но хотя эти и другие тоже держались очень храбро, сарацины были так многочисленны, что в конце концов разнесли всех перед собой. Четыре раза наступали сарацины, четыре раза отбивали их французы. Но когда оно выступило в пятый раз, дела у христиан пошли плохо. Велика была цена, за которую они продали свои жизни; но их осталось всего три десятка.

ГЛАВА XXX

КАК РОЛАНД ТРУБИЛ В СВОЙ РОГ

Граф Роланд, видя, как тяжело страдают его люди, обратился к Оливеру: "Дорогой товарищ, ты видишь, сколько храбрецов лежит мертвыми на земле. Мы скорбим о прекрасной Франции, лишившейся стольких доблестных воинов. Но почему здесь нет нашего короля? Оливер, брат мой, что нам сделать, чтобы передать ему весть о нашем положении?" "Я не знаю", - ответил Оливер. "Знаю только, что лучше смерть, чем бесчестье".

Через некоторое время Роланд снова сказал: "Я затрублю в свой рог; король Карл услышит его там, где он расположился лагерем за перевалами, и он со своим войском вернется". "Это было бы дурно, - ответил Оливер, - и опозорило бы и тебя, и твой род. Когда я дал тебе этот совет, ты не захотел его выполнять. Теперь мне это не нравится. Не пристало храбрецу трубить в рог и звать на помощь, раз уж мы оказались в таком положении". "Битва слишком тяжела для нас, - снова сказал Роланд, - и я затрублю в свой рог, чтобы король услышал". И Оливер снова ответил: "Когда я давал тебе этот совет, ты его презрел. Теперь он не нравится мне самому. Правда, если бы король был здесь, мы бы не понесли такой потери. Но вина за это лежит не на нем. Это ваша глупость, граф Роланд, привела к гибели всех этих людей Франции. Если бы не это, мы должны были бы победить в этой битве, взять и убить короля Марсиласа. Но теперь мы ничего не можем сделать для Франции и короля. Мы можем только умереть. Горе мне за нашу страну, да, и за нашу дружбу, которой в этот день придет печальный конец".

Архиепископ понял, что эти двое спорят, и пришпорил коня, подъехав к месту, где они стояли. "Послушайте меня, - сказал он, - сэр Роланд и сэр Оливер. Я умоляю вас не ссориться друг с другом таким образом. Мы, сыны Франции, находящиеся в этом месте, по правде говоря, приговорены к смерти, и не спасет нас и звук вашего рога, ибо король далеко и не может прийти вовремя. Тем не менее, я считаю, что это хорошо, что вы должны трубить в рог. Когда король и его войско придут, они найдут нас мертвыми, и я это прекрасно знаю. Но они отомстят за нас, чтобы наши враги не ушли, радуясь. И еще они найдут наши тела и отнесут их для погребения в святые места, чтобы псы и волки не пожрали их".

"Ты хорошо говоришь", - воскликнул Роланд, поднес к губам свой рог и дал такой мощный удар, что звук был слышен за тридцать лиг. Король Карл и его люди услышали его, и король сказал: "Наши соотечественники сражаются с врагом". Но Ганелон ответил: "Сир, если бы кто-нибудь, кроме вас, так сказал, я бы сказал, что он говорит неправду".

Тогда Роланд во второй раз затрубил в свой рог; с великой болью и мукой в теле он затрубил в него, и красная кровь хлынула из его губ; но звук был слышен еще дальше, чем в первый раз. Его услышал король, и все его вельможи, и все его люди. "Это, - сказал он, - рог Роланда; он никогда бы не затрубил в него, если бы не сражался с врагом". Но Ганелон снова ответил: "Поверьте мне, сир, никакой битвы нет. Вы старик, а капризы у вас как у ребенка. Вы знаете, какой доблестный человек этот Роланд. Думаете, кто-нибудь осмелится напасть на него?"

Никто, конечно. Скачите, сир, зачем вам здесь останавливаться? Прекрасная земля Франции еще далеко".

Роланд дунул в свой рог в третий раз, и король, услышав это, сказал: "Тот, кто дунул в этот рог, глубоко вздохнул". А герцог Неймс воскликнул: "Роланд в беде; по моей совести, он сражается с врагом. Кто-то предал его; это он, я не сомневаюсь, хочет обмануть вас сейчас. К оружию, сир! Произнесите свой боевой клич и помогите своему дому и своей стране. Вы слышали крик благородного Роланда".

Тогда король Карл велел трубить во все трубы, и тотчас же все мужчины Франции вооружились, надев шлемы, набедренные повязки и мечи с золотыми наконечниками. Щиты их были могучи, копья крепки, а флаги, которые они несли, были белыми, красными и голубыми. И когда они закончили свое вооружение, то поскакали назад со всей поспешностью. И не было среди них ни одного, кто не сказал бы своему товарищу: "Если мы найдем Роланда еще живым, какие могучие удары мы нанесем ему!"

Но Ганелон король передал рыцарей своей кухни. "Возьмите этого предателя, - сказал он, - который продал свою страну". Не повезло Ганелону с ними. Они вырвали у него волосы и бороду и били его своими шестами; затем надели ему на шею большую цепь, подобную той, которой привязывают медведя, и пристегнули к вьючной лошади.

Сделав это, король и его войско со всей скоростью поспешили на помощь Роланду. В фургоне и в тылу звучали трубы, как будто они должны были ответить на рог Роланда. Король Карл, ехавший верхом, был полон гнева; все мужчины Франции были полны ярости. Не было среди них ни одного, кто бы не плакал и не рыдал; не было ни одного, кто бы не молился: "Дай Бог, чтобы Роланд остался жив, пока мы не прибудем на поле боя, чтобы мы могли нанести за него удар". Увы, все было тщетно: при всей своей быстроте они не смогли приехать вовремя.

ГЛАВА XXXI

КАК БЫЛ УБИТ ОЛИВЕР

Граф Роланд оглядел склоны гор и равнины. Увы! Сколько благородных сынов Франции лежали на них мертвыми! "Дорогие друзья, - сказал он, рыдая, - да смилостивится над вами Господь и примет вас в свой рай! Более верных последователей я никогда не видел. Как прекрасная земля Франции овдовела от своих храбрецов, и я не могу оказать вам никакой помощи. Оливер, дорогой товарищ, мы не должны расставаться. Если враг не убьет меня здесь, то, конечно, я буду убит горем. Так пойдем же, поразим этих язычников".

Так Роланд снова бросился на врага, держа в руке свой добрый меч Дурендаль; как олень бежит за гончими, так и язычники бежали за Роландом. "Воистину, - воскликнул архиепископ, увидев его, - это славный рыцарь! Таковую отвагу, и такого коня, и такое оружие я люблю видеть. Если человек не храбрый и не крепкий боец, ему лучше быть монахом в каком-нибудь монастыре, где он мог бы целыми днями молиться за наши грехи".

Но Роланд снова закричал: "Бейтесь, люди, не щадите этих языческих псов!" С этими словами он бросился на врага, а с другой стороны навстречу ему вышел король Марсилас. Он был великим воином, и конь его был быстрее сокола. Сначала он убил Бовона Бургундского, и Ивана, и Герарда, и еще двоих: пять рыцарей он встретил, пятерых убил, а шестым был сам граф Роланд. "Будь ты проклят!" - воскликнул граф, - "ты убил моих товарищей; воистину, ты и впредь не уйдешь без крови". Тогда одним ударом он отрубил себе правую руку, а другим - голову королевскому сыну Юрфалеву. "Помоги нам, Магомет!" - вскричали язычники. "Как сражаются эти злодеи! Они скорее умрут, чем уйдут с поля боя!" И король Марсилас, бросив на землю свой щит, бежал из битвы, и тысячи бежали с ним, восклицая: "Воистину, племянник короля Карла победил!"

Но, увы, хотя король бежал, халиф остался. Он был царем Карфагена и всей Эфиопии. Он был вождем чернокожей расы и могучим храбрецом. Пятьдесят тысяч воинов следовали за ним; все они были чернее чернил, и не было в них ничего белого, кроме зубов. "Жить нам осталось недолго", - воскликнул Роланд, увидев, что новое войско движется на битву. "Но проклят тот, кто не продаст свою жизнь дорого! Ударьте, товарищи, ударьте! Пусть будет, что будет, но Франция не будет опозорена. Когда король придет посмотреть на это поле битвы, на одного из нас, которого он найдет мертвым, будет приходиться пятнадцать сарацинов. Он не сможет не благословить нас за такую доблесть". И Оливер громко воскликнул: "Не повезло всем отстающим!" И оставшиеся французы бросились на врага.

Но язычники, увидев, как их мало, воспрянули духом. И халиф, пришпорив коня, поскакал к Оливеру и поразил его в середину спины, пропустив копье насквозь. "Это меткий удар, - воскликнул он, - я отомстил тебе за своих друзей и соотечественников".

Тогда Оливер понял, что поражен насмерть, но не упал без сил. Своим огромным мечом Хаутклер он ударил халифа по голове и рассек ее до зубов. "Проклятие тебе, язычник! Ни твоя жена, ни одна женщина в стране твоего рождения не сможет похвастаться тем, что ты взял у короля Карла хоть пенни!" Но Роланд воскликнул: "Иди, товарищ, помоги мне; я знаю, что в этот день мы расстанемся в великой печали". Роланд подоспел со всей быстротой и увидел своего друга: он лежал на земле весь бледный и в обмороке, а из его раны огромными струями хлестала кровь. "Я не знаю, что делать, - воскликнул он. "Это несчастье постигло вас. Воистину Франция лишилась своего храбрейшего сына". Сказав так, он едва не упал в обморок, сидя в седле. И тут произошло странное событие. Оливер потерял так много крови, что уже не мог видеть ясно и не мог понять, кто находится рядом с ним. Тогда он поднял руку и со всей силой, которая у него еще оставалась, ударил по шлему Роланда, своего друга. Шлем раскололся надвое до визора, но, по счастливой случайности, не ранил голову. Роланд посмотрел на него и сказал нежным голосом: "Ты сделал это с умыслом? Я Роланд, твой друг, и не причинил тебе вреда". "Ах! - сказал Оливер, - я слышу, как ты говоришь, но не вижу тебя. Прости меня, что я ударил тебя; это было сделано не по умыслу". "Мне это не повредило, - отвечал Роланд, - от всего сердца и перед Богом я прощаю тебя". Так расстались эти два друга в последний раз.

И вот Оливер почувствовал, как на него надвигаются предсмертные муки. Он больше не мог ни видеть, ни слышать. Спустившись с коня, он опустился на землю и, воздев руки к небу, стал исповедоваться. "Господи, - сказал он, - возьми меня в рай. И благослови короля Карла и сладкую землю Франции". И, произнеся эти слова, он умер. И Роланд смотрел на него, когда он лежал. Не было на земле человека более скорбного, чем он. "Дорогой товарищ, - сказал он, - это действительно злой день. Много лет мы были вместе. Никогда я не делал тебе зла; никогда ты не делал зла мне. Как же я буду жить без тебя?" И он снова упал в обморок, сидя на своем коне. Но стремя удержало его, и он не упал на землю.

ГЛАВА XXXII

КАК УМЕР АРХИЕПИСКОП ТЕРПИН

Когда Роланд пришел в себя, он огляделся вокруг и увидел, сколь велика беда, постигшая его войско. Ведь в живых у него остались только двое: архиепископ Терпин и Вальтер Хумский. Вальтер как раз в этот момент спустился с холмов, где он так яростно сражался с язычниками, что все его люди погибли; теперь он взывал к Роланду о помощи. "Благородный граф, где вы? Я Вальтер из Хама, и я недостойн быть вашим другом. Так помогите же мне. Видите, как сломано мое копье и расколот надвое мой щит, мой хауберк разбит на куски, а тело мое изранено. Я вот-вот умру, но я продал свою жизнь дорогой ценой". Услышав его крик, Роланд дал шпоры своему коню и галопом помчался к нему. "Вальтер, - сказал он, - ты храбрый воин и достойный доверия. Скажи мне теперь, где та тысяча доблестных воинов, которых ты забрал из моего войска. Они были хорошими солдатами, и я очень нуждаюсь в них".

"Они мертвы, - ответил Вальтер, - ты их больше не увидишь. У нас была тяжелая битва с сарацинами там, на холмах; у них там были люди из Ханаана, люди из Армении и гиганты; в их войске не было лучших людей, чем эти. Мы расправились с ними так, что они не могут похвастаться тем, что сделали в этот день. Но нам это дорого обошлось; все франкские воины лежат мертвые на равнине, а я ранен насмерть. И теперь, Роланд, не вини меня за то, что я бежал, ибо ты мой господин, и все мое упование - на тебя".

"Я не виню тебя, - сказал Роланд, - только, пока ты жив, помогай мне против язычников". И, сказав это, он взял свой плащ, разорвал его на полосы и перевязал ими раны Вальтера. Сделав это, они с Вальтером и архиепископом яростно бросились на врага. Роланд убил пять с половиной человек, Вальтер - шесть, а архиепископ - пять. Три доблестных воина были они; крепко и твердо стояли они друг за другом; сотни было язычников, но не смели они приблизиться к трем доблестным поборникам Франции. Они стояли вдалеке и метали в троих копья, дротики, копья и всевозможное оружие. Вальтер Хумский был сразу же убит; доспехи архиепископа были пробиты, сам он ранен, а его конь убит под ним. Тем не менее он поднялся с земли, сохраняя в груди доброе сердце. "Они еще не одолели меня", - сказал он, - "пока жив хороший воин, он не сдается".

Роланд снова взял свой рог и затрубил в него, чтобы узнать, идет ли король Карл. Ах, как слабо он затрубил! Но король услышал его, остановился и прислушался. "Милорды! - сказал он, - дела наши плохи, я не сомневаюсь. Сегодня мы потеряем, и я очень боюсь, моего храброго племянника Роланда. По звуку его рога я знаю, что жить ему осталось недолго. Запрягайте своих коней, если хотите успеть помочь ему, и пусть затрубят все трубы, какие есть в войске". И все трубы в войске затрубили в трубы; все долины и холмы отозвались на этот звук; язычники, услышав его, были крайне обескуражены. "Король Карл снова пришел, - кричали они, - мы все как мертвецы. Когда он придет, то не найдет Роланда живым". Тогда четыреста из них, самых сильных и доблестных рыцарей, которые были в войске язычников, собрались в одну роту и еще яростнее напали на Роланда.

Роланд видел, что они приближаются, и ждал их без страха. Пока он был жив, он не хотел сдаваться врагам и не хотел уступать им место. "Лучше смерть, чем бегство", - сказал он, сел на своего доброго коня Вейлантифа и поскакал навстречу врагу. А рядом с ним шел пешком архиепископ Турпин. Тогда Роланд сказал Турпину: "Я верхом, а ты пешком. Но давайте держаться вместе; я никогда не оставлю вас; мы вдвоем будем противостоять этим языческим псам. Среди них, ручаюсь, нет такого меча, как у Дюрендаля". "Хорошо", - ответил архиепископ. "Позор тому, кто не поражает своих самых жестоких. И хотя это наша последняя битва, я хорошо знаю, что король Карл отомстит за нас сполна".

Когда язычники увидели этих двоих, стоящих вместе, они в страхе отступили назад и бросили в них копья, дротики и копьеметы. Они разбили щит Роланда и его кольчугу, но не ранили его, а нанесли ему тяжкое увечье, ибо убили его доброго коня Вейлантифа. Тридцать ран получил Вейлантиф и упал замертво под своим хозяином. Роланд стоял один, ибо язычники бежали от его присутствия, один и пешком. Он хотел бы преследовать врага, но не мог. Тогда он вспомнил об архиепископе; взглянув, он увидел его лежащим на равнине. Он расстегнул шлем, снял с него корсет, перевязал его раны полосками шелковой рубашки и, взяв его на руки, положил на траву. После этого он сказал ему: "Дорогой друг, позволь мне ненадолго покинуть тебя. Все наши товарищи, люди, которых мы так любили, мертвы. Но мы не должны оставлять их лежать там, где они лежат. Тогда слушай. Я пойду и разыщу их тела, принесу их сюда и приведу в порядок перед вами". "Иди, - сказал архиепископ, - и возвращайся как можно скорее. Поле остается за мной и за тобой. Благодарение Богу за это!"

Тогда Роланд отправился на поиски своих товарищей. Один он отправился в путь и обошел все поле битвы. Он искал в горах, искал в долине. Там он нашел мертвые тела Герье и Энгельера Гасконского, Беренгера и Отто, а также других. Всех пэров Франции он нашел там, где они лежали. Затем он перенес их одного за другим и поставил на колени перед архиепископом. Турпин не мог не плакать, когда увидел этих храбрых товарищей мертвыми. Он поднял руку и благословил их. "Друзья, - сказал он, - злая судьба постигла вас в этом мире; да примет вас Бог славы в мире грядущем!"

Роланд снова отправился в путь и стал рыскать по равнине, пока не нашел тело своего товарища Оливера. Под колючкой он нашел его, нежно поднял на руки и принес туда, где сидел архиепископ, и положил его рядом с другими пэрами Франции. А Турпин дал ему также благословение и отпущение грехов. После этого Роланд со слезами на глазах сказал: "Оливер, мой храбрый товарищ, никогда не было лучшего рыцаря, чем ты, чтобы сломать копье и разбить щит, дать добрый совет храбрым и посрамить предателей и трусов". И когда он это сказал, то оглядел эту прекрасную компанию мертвецов, и сердце его сжалось. Такие славные рыцари, такие дорогие ему, а теперь их нет. И он упал в обморок на землю.

ON THE FIELD OF RONCESVALLES.

НА ПОЛЕ РОНЕСВАЛЬСКОМ.

Увидев, что он упал, архиепископ протянул руку и ухватился за рог. В этом месте был источник воды, и он хотел напоить своего товарища. Собрал все силы, он поднялся с земли и, спотыкаясь и шатаясь, пошел, но сил его не хватило; не пройдя и фурта, он упал, шатаясь, на землю, и его настигла предсмертная агония.

Роланд вышел из обморока и поднялся с земли. Он посмотрел вниз и вверх, и вот! По другую сторону от своих мертвых товарищей, распростершись на зеленой траве, лежал великий принц, архиепископ. Жизнь его была почти прожита. "Я согрешил", - сказал он, сцепил руки, поднял их к небу и взмолился Богу, чтобы тот взял его в рай. И с этими словами он умер. Это был конец Терпина. Никогда не было человека, который бы наносил язычникам более сильные удары или говорил более весомые вещи. Да пребудет над ним Божье благословение!

Когда Роланд увидел, что архиепископ мертв, сердце его сильно встревожилось. Никогда, кроме Оливера, он не испытывал большей скорби по убитому товарищу. "Карл Французский, - сказал он, - приезжай поскорее, много доблестных рыцарей ты потерял в Ронсесвальсе". Но король Марсилас, со своей стороны, потерял свою армию. На одного павшего на этой стороне приходится сорок человек на той". Сказав так, он повернулся к архиепископу; тот скрестил руки мертвеца на своей груди и сказал: "Вручаю тебя милосердию Отца. Никогда еще человек не служил своему Богу с лучшей волей, никогда с начала мира не жил более крепкий защитник веры. Да будет благ к тебе Господь и дарует тебе все блага!"

ГЛАВА XXXIII

СМЕРТЬ РОЛАНДА

Теперь Роланд почувствовал, что смерть близка. Взяв в одну руку свой рог, а в другую - свой добрый меч Дюрендаль, он прошел около полутора футов, пока не оказался на равнине, а посреди равнины - небольшой холм. На вершине холма в тени двух прекрасных деревьев возвышались четыре мраморные ступени. Там Роланд упал в обморок на траву. Там его заметил некий сарацин. Тот притворился мертвым и лег среди убитых, покрыв кровью тело и лицо. Увидев Роланда, он поднялся с места, где лежал среди убитых, подбежал к нему и, преисполненный гордости и ярости, схватил графа в объятия, восклицая: "Он побежден, он побежден, знаменитый племянник короля Карла! Смотрите, вот его меч; это знатная добыча, которую я унесу с собой в Аравию". Тогда он взял меч в одну руку, а другой ухватился за бороду Роланда. Но как только тот ухватился, Роланд пришел в себя и понял, что кто-то отнимает у него меч. Он открыл глаза, но не произнес ни слова, кроме одного: "Парень, ты не из наших", - и нанес ему сильный удар по шлему. Сталь пробила его насквозь, и голова оказалась под ним, а сам он лежал мертвый у его ног. "Трус, - сказал он, - что заставило тебя быть настолько смелым, что ты осмелился наложить руки на Роланда? Тот, кто знает его, сочтет тебя глупцом за твой поступок".

И тут Роланд понял, что смерть близка. Он поднялся, собрал все свои силы - ах, как бледно было его лицо! - и взял в руку свой добрый меч Дюрендаль. Перед ним была огромная скала,

и по ней в ярости и боли он нанес десять могучих ударов. Громко звякнула сталь о камень, но он не сломался и не раскололся. "Помоги мне, - взывал он, - о Мария, наша Госпожа! О мой добрый меч, мой Дюрендаль, какой злой жребий выпал мне! В тот день, когда я должен расстаться с тобой, моя власть над тобой потеряна. Много битв я выиграл с твоей помощью, много королевств завоевал, которыми нынче владеет мой господин Карл. Никогда еще никто не владел вами, чтобы пасть ниц перед другим. Пока я жив, ты не будешь отнят у меня, так долго ты находился в руках верного рыцаря".

Затем он во второй раз ударил мечом, на этот раз по мраморным ступеням. Громко звякнула сталь, но не затормозила и не раскололась. Тогда Роланд стал сетовать на себя: "О мой добрый Дюрендаль, - сказал он, - как ты светел и ясен, сияешь, как солнце! Я вспоминаю тот день, когда голос, казалось, сошедший с небес, велел королю Карлу отдать тебя доблестному капитану, и тотчас же добрый король опоясал им мой бок. Много земель я завоевал с тобой для него, и как велико теперь мое горе! Разве могу я умереть и оставить тебя на растерзание какому-нибудь язычнику?" И в третий раз он ударил им о камень. Громко звякнула сталь, но камень не затормозился, а отскочил назад, словно хотел подняться в небо. И когда граф Роланд увидел, что не может сломать меч, он снова заговорил, но уже с большим удовлетворением в сердце. "О Дюрендаль, - сказал он, - прекрасный ты меч и столь же святой. В рукояти твоей святыя мощи, мощи святого Петра, святого Дениса и святого Василия. Эти язычники никогда не овладеют тобой, и не сможет тебя удержать только христианская рука".

И вот Роланд понял, что смерть близка к нему. Он лег головой на траву, положив под себя рог и меч, повернувшись лицом к языческому врагу. Спросите, почему он так поступил? Чтобы показать Карлу Великому и людям Франции, что он умер в разгар победы. Сделав это, он громко исповедал свои грехи, воздев руки к небу. "Прости мне, Господи, - взывал он, - грехи мои, малые и великие, все, что я совершил со дня своего рождения до этого часа, в который я поражен смертью". Так он молился; и, лежа, он думал о многом: о странах, которые он завоевал, и о своей дорогой отчизне Франции, и о своих родственниках, и о добром короле Карле. Он не мог удержаться от вздохов и слез; но одно он помнил больше всего - молиться о прощении своих грехов. "Господи, - сказал он, - который есть Бог правды и спас от львов пророка Твоего Даниила, спаси и мою душу и защити ее от всех опасностей!" С этими словами он поднял к небу правую руку с надетым на нее перстнем, голова его упала на руку, и ангелы унесли его на небо. Так умер великий граф Роланд.

ГЛАВА XXXIV

КАК КАРЛ ВЕЛИКИЙ ОТОМСТИЛ

Не прошло и нескольких часов после этих событий, как король Карл прибыл в Ронсесваль. Страшное зрелище предстало перед ним: не было ни пяди земли, на которой не лежало бы тело какого-нибудь француза или язычника. И король громко закричал, называя мертвецов по именам. "Где ты, Роланд?" - сказал он; "а ты, Оливер?" Он позвал всех двенадцать пэров, которых оставил охранять проходы, но никто не отозвался. Карл заплакал от сердечной

тоски, и его вельможи плакали вместе с ним; не было среди них ни одного, кто не потерял бы сына, или брата, или товарища, или друга. Тогда заговорил герцог Неймс: "Сир, - сказал он, - видите ли вы облако пыли в двух лигах от нас? Это пыль великого множества людей, даже языческой армии. Скачите, сир, и отомстите за этих воинов, которых вы потеряли". "Что! - ответил король, - неужели они уже так далеко? Тогда нам следует поспешить, ибо они лишили меня самого цветка Франции". Тогда он обратился к своим вельможам, назвал четверых по именам и сказал им: "Охраняйте это поле, эти долины и эти холмы. Пусть мертвые лежат, как лежат, но следите, чтобы ни один зверь полевой не тронул их, ни один человек из лагеря. Сделайте так, чтобы никто не поднял на них руку, пока я не вернусь". И четверо ответили: "Так мы и сделаем, сир"; и король оставил с ними тысячу всадников для охраны.

Сделав это, он поспешил преследовать армию язычников. День клонился к закату, но он настиг врага еще до наступления темноты. Некоторые говорят, что Бог совершил великое чудо для царя, задержав солнце на небе, пока он не отомстил за своих врагов. Как бы то ни было, несомненно то, что он настиг сарацин и истребил их с великой резней. Многие пали от меча, а те, кто избежал меча, бросились в реку, реку Эбро, и погибли, утонув. И кричали люди Франции, насмехаясь над ними: "Вы видели Роланда, но это не пошло вам на пользу".

И вот наступила ночь, и король сказал: "Мы должны подумать о нашем лагере; уже поздно возвращаться в Ронсесваль". "Хорошо", - ответили его вельможи. И они расседлали коней, улеглись на зеленую траву и заснули. В ту ночь никто не нес вахты. Что касается короля, то он прилег отдохнуть на одном лугу, положив копье на подушку, ибо не хотел отходить далеко от своего оружия. Его добрый меч Джойус был при нем. Это было чудесное оружие, ибо в его рукояти было железо копья, которым был пронзен бок Господа Христа, когда Он висел на кресте. Некоторое время король со слезами на глазах думал о добрых рыцарях, которых он потерял, о Роланде, своем племяннике, и о многих других, павших на его поле. Но наконец усталость одолела его, и он уснул. И когда он спал, ему приснились два сна. В первом сне он увидел, как на небе поднялась великая буря с громами и молниями, градом и ветром, и как все это обрушилось на его войско, и как загорелись копья, и как щиты засверкали от жара, и корсеты зазвенели от ударов града. После этого он увидел, как множество диких зверей, медведей, леопардов, змей и чудовищ, подобных грифонам, бросились на войско, чтобы пожрать их. И услышал он крики людей: "Помогите нам, король Карл, помогите нам!" Но когда он хотел пойти им на помощь, на него налетел огромный лев из леса. Тогда он и огромный зверь вступили в борьбу. Но кто победил, он не знал. Он не проснулся от своего сна, но сон его изменился. А второй сон, который ему приснился, был таков: Ему казалось, что он находится в своем дворце в Ахене, и что он сидит на ступенях, держа в руках медведя, который был связан двойной цепью. И во сне он увидел, как из Арденнского леса выходят тридцать других медведей, которые говорят каждый голосом человека. "Отдайте его нам, сир, - сказали они. "Неправильно, что вы держите его у себя так долго. Он наш сородич, и мы должны ему помочь". И тогда - это был его сон - пришла прекрасная борзая и напала на самого большого из этих диких зверей. Но кто был победителем в этом конфликте, он так и не смог разглядеть. После этого король Карл пробудился от сна.

Тем временем король Марсилас прилетел в Сарагоссу. Он отдал свой меч и доспехи слугам и в тяжелом состоянии улегся на зеленую траву под оливковым деревом. Он потерял правую руку и потерял сознание от кровотечения. Громко оплакивала его королева Бранимонда. Что касается его слуг, то они проклинали короля Карла и всю Францию, а также яростно поносили своего бога Аполлиона. "Злодейский бог!" - кричали они, - "почему ты подвергаешь нас такому позору? Почему ты так опозорил нашего короля? Это плохая расплата для тех, кто

оказал тебе честь". Сказав так, они отобрали у бога его скипетр и корону и разбили его на куски своими шестами. Никогда еще бог не обращался так жестоко со своими поклонниками.

Тогда царица сказала сама себе, заливаясь слезами: "Проклятье этим богам, которые подвели нас в день битвы. Только эмир может нам помочь. Конечно, он не может быть настолько подлым, чтобы не сражаться против этих людей Франции!" Тогда царь Марсилас отправил к нему посла с мольбой о помощи. "По правде говоря, - сказал он, - если ты меня подведешь, я отброшу своих богов, приму веру Христову и заключу мир с королем Карлом".

Услышав это, эмир собрал людей из четырех своих королевств, посадил их на корабли и отправился в море. Быстро пришли они в землю испанскую и не останавливались, пока не пришли в город Сарагоссу. Тогда слуги эмира расстелили на траве ковер из белого шелка, а на нем поставили кресло из слоновой кости. Эмир сел на него, а его вожди встали вокруг.

"Слушайте! - сказал эмир, - этот Карл слишком долго тревожит землю Испании. Я нападу на него в его собственной стране, даже во Франции. Ничто не помешает мне повергнуть его к своим ногам или убить". И когда он говорил, то ударил перчаткой правой руки по своему колену. Затем он призвал к себе двух своих вождей и сказал: "Идите к королю Марсиласу и скажите ему: Я пришел помочь тебе против людей Франции. Придите и воздайте мне почести, и я начну войну с королем Карлом даже в его собственной земле, во Франции. И если он не падет к моим ногам, не попросит прощения и не отречется от веры Христовой, я сорву корону с его головы. Возьмите ему в знак примирения также эту перчатку и этот золотой посох". И все его вельможи воскликнули: "Хорошо сказано".

И оба посланника отправились в путь, неся один перчатку, а другой посох. Когда они прошли через ворота Сарагоссы, то увидели великое множество людей, причитающих. "Боги поступили с нами дурно, - говорили они, - наш король ранен насмерть, а его сын мертв, и Испания станет добычей христианских псов". Когда они подошли к дворцу, то произнесли приветствие, сказав,

"Пусть теперь Аполлион и Магомет завладеют королем Марсиласом и королевой Бранимондой!" "Нет, - сказала царица, - что за глупость? Наши боги покинули нас. Посмотри, что постигло короля, моего мужа". Посланник ответил: "Перемирие с такими словами! Эмир, наш господин, велел нам сказать: "Я освобожу короля Марсиласа; что же касается этого Карла, то я нападу на него в его собственной земле, во Франции". Эту перчатку и этот посох он посылает в подтверждение своих слов". Королева Бранимонда ответила: "Тебе нет нужды ехать во Францию. Здесь, в Испании, ты можешь встретить короля Карла, и, по правде говоря, он будет великим воином".

Тогда король сказал: "Вы видите, милорды, что я в плохом положении. Нет у меня никого, кто бы мог прийти после меня, ни сына, ни дочери. Сын у меня был еще вчера, но граф Роланд убил его. Скажите за меня вашему господину: я отдаю вам эту землю Испании, только охраняйте ее от христиан! И попросите его прийти ко мне; я дам ему полезный совет относительно короля Карла и возьму у него ключи от этого города Сарагоссы. Что касается Карла, то он расположился лагерем у реки Эбро, в семи лигах отсюда. Там эмир найдет его, ибо, по правде говоря, люди Франции не откажутся от битвы".

Затем посланники вернулись к эмиру и рассказали ему обо всем, что произошло: как король Карл оставил Роланда и пэров охранять перевалы, и как они были убиты, и какие большие потери понес король Марсилас, и как он уступил ему всю землю Испании, и как король Карл

и его люди расположились лагерем у Эбро. Тогда эмир приказал своим людям готовиться к походу. "Поторопитесь, - сказал он, - иначе эти французы сбегут от нас".

Тем временем король Карл занялся поисками тела своего племянника, графа Роланда, и остальных, павших вместе с ним. И когда они были найдены, он приказал похоронить остальных с большими почестями, но три тела - Роланда, Оливера и архиепископа Турпина - он велел отложить в сторону. Сердца этих троих были вынуты из тел и завернуты в шелк, а затем вложены в гробы из белого мрамора. Тела же завернули в оленьи шкуры с запасом пряностей и уложили каждое в карету, чтобы отвезти их в город Блуа.

Когда все это было сделано, прибыли два посланника от эмира с таким посланием. "Эмир ведет против вас большое войско из земли Аравийской. Будь осторожен, ибо сегодня он будет проверять тебя, действительно ли ты мужественный человек".

Король ничего не ответил на эти слова, только громко крикнул своим людям: "К оружию! К оружию!" Тогда он без промедления вооружился, надел корсет, зашнуровал шлем, взял в руку свой добрый меч Джойус и, сев на своего доброго коня, поскакал впереди своего войска. "Никогда не было более царственного человека!" - говорило все войско. И сказал король, глядя на войско: "Кто не доверится таким людям? Если только эти язычники устоят на ногах, они, конечно, дорого заплатят за смерть Роланда". "Дай Бог, чтобы так и было!" - сказал герцог Неймс. Тогда король призвал к себе двух лордов: "Вы займете место Роланда и Оливера; один из вас будет нести меч, а другой - рог". И после этого он поставил все свое войско в строй.

Тем временем к нему вернулись посланцы эмира. "Мы видели короля Карла", - сказали они. "Он храбр, и храбры те, кто следует за ним, и они не подведут короля. Тебе придется сразиться с ними. Поэтому вооружайтесь". "Это хорошая новость для всех, кто храбр", - сказал эмир. "Трубите в трубы, чтобы мои люди приготовились". Это был могучий воин с глубокой грудью и широкими плечами, по которым локонами рассыпались волосы, со светлым лицом и сияющими глазами; о своей храбрости он приводил множество доказательств. Каким бы галантным рыцарем он был, если бы не был христианином! У него был знаменитый меч, который он называл Драгоценным, и огромное медвежье копье, по имени Матте. Галантным рыцарем был и принц Мальприм, его сын. "Вперед, сир, - сказал принц своему отцу. "Увидим ли мы сегодня короля Карла?" "Да, - ответил эмир, - ибо он храбрый человек, и все говорят о нем с почтением. Однако теперь, когда он потерял графа Роланда, своего племянника, он вряд ли сможет удержать свои позиции перед нами. И все же нам предстоит великая битва". "Да будет так", - сказал принц. "Я прошу вас оказать мне честь нанести первый удар". "Он будет твоим", - ответил эмир.

Тогда эмир выстроил свою битву так, что оба войска встали друг против друга. Между ними не было ни холма, ни долины, ни леса; каждый был на виду у другого. Великолепны и ужасны были они на вид, так ярко сверкали шлемы и рогатины, щиты и копья. И ярким и чистым был звук труб; но ярче и чище всех звучал рог Карла, великого короля. И первым выехал вперед эмир перед своим войском. "Следуйте за мной!" - крикнул он своему войску, - "Я укажу вам путь". И он взмахнул копьем, повернув острие в сторону короля Франции. А король Карл, увидев эмира и его штандарт с драконом, который несли за ним, воскликнул громким голосом: "Владыки Франции, вы сражались во многих битвах, и теперь вам предстоит еще одна. Посмотрите на это воинство язычников. Их много. Но какое значение имеет их множество? Следуй за мной!" И он пришпорил своего коня. Добрый конь помчался вперед, и все мужчины Франции воскликнули: "Храбрый человек наш король; никто из нас не подведет его". Первым, кто нанес удар по врагу, был граф Рабель. Пришпорив коня, он бросился на

Торлена, короля Персии, и метко ударил копьем в его щит. Добрая сталь пробила щит и корсет, и король замертво упал на поле боя. "Удар! Удар за Карла и правое дело!" - закричали все мужчины Франции, увидев падение перса.

С другой стороны принц Мальприм, сын эмира, выехал вперед на своем белом коне, ворвался в середину армии Франции и сражал воина за воином. "Видишь! - вскричал эмир, - видишь, сын мой, как он стремится к королю французов! Нет лучшего солдата, чем он. Следуй за ним, и победа будет твоей, и все награды за победу, земли и замки, золото и прекрасные женщины". Вожди язычников не замедлили выступить. Яростно поскакали они вперед, и битва закипела на равнине. Когда герцог Неймс увидел, как принц Мальприм ломает ряды франков, нанося смерть при каждом ударе, он бросился на него с копьем наготове. Он пронзил острием верхний край его щита и корсет, глубоко вошел в его бок и положил его мертвым на поле. Но когда король Канабен, который был дядей принца, увидел, что случилось с его племянником, он поскакал к герцогу и, выхватив меч, нанес ему сильный удар по шлему. От удара оторвалась половина шлема и шнурки, которыми он был зашнурован, а острие меча коснулось самой плоти. Герцог все еще держался одной рукой за шею своего коня; если язычники нанесут ему еще один такой удар, он погибнет. Но, слава Богу, на помощь ему пришел король Карл. Он ударил короля Канабена своим кабаньим копьем в визор его шлема и одним ударом поверг его на землю.

В других местах эмир вносил большой хаос в ряды франков, убивая вождя за вождем, среди которых был и старик Ричард, герцог норманнов. За ним следовало множество языческих рыцарей. Много доблестных подвигов совершили они. Где эмир вел ряды язычников, там люди Франции несли тяжелые потери, и вот пришел один, принесший ему дурную весть. "Принц Мальприм, твой сын, убит, - сказал этот человек, - и король Канабен, твой брат, тоже убит". Эмир едва не умер от горя, услышав такую дурную весть; но он призвал к себе одного из своих мудрейших советников. "Подойди, - сказал он, - ты верен и мудр, и я всегда следовал твоим советам. Скажи мне теперь, на чьей стороне будет этот день - арабов или людей Франции?" "Сир, - ответил мудрец, - вы попали в дурную ситуацию. Что касается ваших богов, то не ищите у них помощи. Призовите турков, арабов и, прежде всего, гигантов на фронт. С ними вы еще можете одержать победу".

Тогда эмир поднес свой рог ко рту и протрубил призыв, громкий и ясный. Турки, арабы и великаны ответили на него. Могучими воинами они были, и яростным был их натиск, настолько яростным, что они разорвали войско Франции на две части. Когда же Огир датчанин увидел, что постигло войско короля, он сказал ему: "Видишь, как язычники ломают наши ряды и убивают наших людей. Если ты хочешь нести свою корону там, где ее следует нести, ты должен ударить со всей силой".

Тогда король выехал вперед, а с ним герцог Неймс, и Ожье датчанин, и Джеффри граф Анжуйский. Все они были хорошими рыцарями, но ни один не был так храбр, как Огир Датский. Многих он убил, в том числе и языческого рыцаря, который нес штандарт эмира. Увидев свой штандарт в пыли, эмир приуныл, но сердце короля Карла возродило надежду. "Сыны Франции, поможете ли вы мне?" - вскричал он. "Не стоит даже просить нас", - ответили ему; "Проклят тот, кто не нанесет удар от всего сердца!" И вот, когда день клонился к вечеру, эти двое встретились в бою, король Карл и эмир. Ожесточенная была схватка между ними, и много ударов наносили они один другому. Наконец случилось так, что ремни седла каждого из них были пробиты насквозь, и они оба упали на землю. Быстро поднялись они на ноги и, выхватив мечи, сошлись в яростном поединке. Это была битва не на жизнь, а

на смерть. Первым заговорил эмир: "Король Карл, вы убили моего сына, вы несправедливо вторглись в мои земли. Но если вы окажете мне почтение, я отдам ее вам во владение". "Это был бы позор, - ответил король Карл, - я никогда не дам язычнику ни мира, ни жизни. Стань христианином, и ты получишь все, что я могу дать". "Это пустые слова", - ответил эмир; "Я скорее умру". И, заговорив, он нанес королю Карлу мощный удар по шлему. Меч пробил железо и снес скальп на ширину ладони. Король покачнулся на месте и едва не упал на землю. Но Бог распорядился иначе, и ангел, охранявший его, прошептал ему на ухо: "Карл, что ты делаешь?". И когда он услышал голос ангела, то больше не думал ни об опасности, ни о смерти. Сбрав все свои силы в один могучий удар, он разрубил голову врага на две части. Он рассек ее до подбородка, и эмир замертво упал на равнину.

Как только язычники увидели, что их вождь убит, они поспешно бежали, и люди Франции преследовали их до самых стен Сарагоссы. Там стояла королева Бранимонда со своими священниками и ждала вестей о войне. Когда же королева увидела множество бегущих, она поспешила к королю Марсиласу и сказала ему: "О сир, наш народ побежден, а эмир мертв". Когда царь Марсилас услышал эти слова, он отвернулся к стене, закрыл лицо и заплакал. Так велико было его горе, что сердце его разорвалось в груди, и он умер.

Что касается города, то никто из язычников и не думал его защищать. Они безропотно выломали ворота, а королева сдала королю Карлу все башни, большие и малые. Воистину, хорошо работает тот, кто работает с Богом.

Как только наступил день, король Карл приказал своим людям разрушить все то, что язычники считали святым. Что касается людей, то их привели к воде для крещения. Тех, кто не желал креститься в веру, король велел повесить, или зарубить мечом, или сжечь огнем. Но большая часть охотно подчинилась приказу короля и стала добрыми христианами, по меньшей мере сто тысяч из них.

После этого король отбыл из Сарагоссы, оставив тысячу человек для охраны города. Он взял с собой королеву Бранимонду; также он взял тела Роланда и Оливера и архиепископа Турпина и с почестями похоронил их в Блуа.

Когда король Карл вернулся в прекрасный город Ахен, ему сказали, что одна прекрасная дама желает его видеть. И он приказал привести ее к нему. Когда она вернулась, это была Альда Прекрасная. Она сказала: "Скажи мне, о король, где граф Роланд? Он обещал стать моим мужем". Король сильно встревожился, услышав эти слова. Он заплакал и разорвал свою белую бороду. "Сестра моя, - сказал он, обретая дар речи, - дорогая моя сестра. Ты спрашиваешь у меня новости о мертвеце. Но успокойся. Роланда мы больше не увидим, но вместо него ты получишь моего сына Льюиса, того, кто будет начальником Марчей". "Это странные слова, - сказала Альда Прекрасная, - Бог и Его благословенные святые не дают мне жить теперь, когда мой Роланд мертв", - и, заговорив, она смертельно побледнела и упала к ногам короля, а когда ее подняли, оказалось, что она мертва. Когда король увидел это, он позвал к себе четырех графинь и велел им отнести ее в женский монастырь, который находился неподалеку. Всю ту ночь эти благородные дамы сторожили ее тело; на следующий день она была похоронена у алтаря с великими почестями.

О НАКАЗАНИИ ГАНЕЛОНА

Король разослал гонцов во все концы своих владений, велел всем судьям, сведущим в законах, явиться к нему во дворец в Ахене. Судьи пришли, как он велел, и были собраны вместе в праздник святого Сильвестра, который был последним днем декабря. Когда все собрались, он приказал сержантам вывести Ганелона из тюрьмы и привести его к судьям. Когда они это сделали, король сказал: "Милорды, я хочу, чтобы вы судили этого человека, Ганелона. Он пришел со мной, когда я отправился с войском в Испанию; он ограбил меня на двадцать тысяч человек из Франции; он лишил меня Роланда, моего племянника, которого мы больше не увидим, и Оливера, учтивого рыцаря, и двенадцати пэров Франции - и все это он сделал ради денег".

"Это правда, - сказал Ганелон, - да падет на меня проклятие, если я буду отрицать это. Но послушайте: Роланд причинил мне зло в том, что касалось золота и серебра. Поэтому я хотел отомстить ему и подстроил его смерть. Это я признаю, но отрицаю, что совершил какую-либо измену". Так говорил Ганелон, стоя перед королем. Он был красив и был бы благородным рыцарем, если бы только был правдив сердцем.

Ганелон снова заговорил, говоря: "Умоляю вас, милорды, выслушайте мою защиту. Когда я был в войске короля, я служил ему верно и хорошо. Но мой племянник Роланд лелеял в своем сердце великую ненависть ко мне и хотел убить меня. Не он ли добился того, что меня отправили с посольством к королю Марсиласу? Если я и спасся, то только по собственному почину. Тогда я бросил вызов Роланду, Оливеру и всей его компании, о чем свидетельствуют король и все присутствующие здесь. Это была месть, признаюсь, но я утверждаю, что это не было изменой".

На помощь Ганелону пришли тридцать человек из его рода, главным из которых был некий Пинабель. Этот Пинабель был прекрасным оратором, когда нужно было отстаивать свою точку зрения, и хорошим воином, когда требовалось оружие. К нему обратился Ганелон: "Я уповаю на тебя, и только на тебя; ты можешь избавить меня от бесчестья и смерти". "У тебя будет защитник, - ответил Пинабель, - первый, кто произнесет над тобой смертный приговор, тому я дам ложь острием этого меча". Тогда Ганелон пал к его ногам и поблагодарил его.

К королю в Ахене собралась большая компания из многих областей: люди из Саксонии и Баварии, из Пуату, норманны, французы и немцы из-за Рейна. И никто из них не был более благосклонен к Ганелону, чем бароны Оверни. "Пусть дело остается на месте", - сказали они. "Мы будем умолять короля проявить милосердие к Ганелону. Роланд мертв, и все золото и серебро мира не вернут его. А что касается битвы, то это просто глупость". С этим согласились все бароны - все, кроме одного, Тьерри, который был братом Джеффри Анжуйского. Тогда бароны Оверни отправились к королю и сказали: "Сир, мы умоляем вас освободить графа от этого обвинения. Отныне он будет служить вам со всей добросовестностью и преданностью. Оставьте его в живых, ибо он дворянин. Что же касается Роланда, то он мертв, и ни золото, ни серебро его не вернут". "Вы все - предатели!" - вскричал король в великом гневе. Но когда он увидел, как бароны одобряют эти слова, он сильно встревожился. Тогда Тьерри, который был братом Джеффри Анжуйского, предстал перед ним и сказал: "Не тревожьтесь, мой добрый господин. Вне всякого сомнения, этот Ганелон - предатель. Пусть Роланд и поступил с ним дурно, но ради вас он должен был оставить его невредимым. Поэтому я выношу ему смертный приговор: пусть его повесят за пятки, пока он не умрет, и бросят его тушу собакам. Это справедливое наказание для

предателей. А если кто из его родственников скажет мне "нет", то я отвечу ему ложью на острие меча". Так говорил граф Тьерри, и все люди Франции в один голос восклицали: "Хорошо сказано".

Пинабель, услышав эти слова, приблизился к королю. "Сир, - сказал он, - прикажите им прекратить этот шум. Граф Тьерри высказал свое мнение; я же, со своей стороны, утверждаю, что он солгал. Давайте передадим это дело на суд меча". "Да будет так, - ответил король, - но я должен получить заложников". Тогда тридцать родственников графа предложили себя. Король, со своей стороны, тоже предложил заложников.

Сначала оба поборника исповедовались и получили отпущение грехов. Также они раздали большую милостыню бедным. После этого они вооружились для битвы. Недалеко от города Ахена есть большая равнина; на ней и встретились два чемпиона, чтобы сразиться: один - за доброе имя Роланда и его товарищей, другой - за Ганелона. Сперва они напали друг на друга, держа копья наготове. Они были настолько равны, что ни один из них не получил преимущества в схватке. Шпоры обоих были сломаны, корсеты обоих прорваны, а ремни лошадей так порваны, что седла вывернулись. Так оба чемпиона оказались без лошадей. Быстро вскочили они на ноги и схватились за мечи. Они наносили мощные удары, и люди Франции были в большом страхе. Тогда Пинабель воскликнул: "Возьмите свои слова обратно, граф Тьерри, я буду вашим другом и товарищем и разделю с вами мои богатства, если только вы сделаете Ганелона другом короля". "Да будет так!" - ответил Тьерри. "Никогда я не сделаю этого. Бог рассудит нас". Через некоторое время он снова заговорил: "Пинабель, ты настоящий рыцарь, сильный и благородный, и все люди знают твою храбрость. Заканчивай эту битву. Я заключу мир между тобой и королем. Что же касается Ганелона, то пусть он получит по заслугам". "Не дай Бог, - ответил Пинабель, - чтобы я бросил своего родственника". И вот чемпионы снова сошлись в поединке. Сначала Пинабель нанес мощный удар, ранил Тьерри в правую щеку и был близок к тому, чтобы зарубить его на месте. Но Бог хранил его, ибо он не был защитником права! Тогда Тьерри, в свою очередь, поразил своего противника. Удар пришелся по шлему, рассекая его надвое, и по черепу, так что мозг мужчины разлетелся по земле.

Затем последовало наказание. Король спросил: "Что нам делать с теми, кто поклялся в невинности предателя?" "Пусть их повесят", - ответили вельможи. И это было сделано. Что же касается Ганелона, то его привязали к четырем лошадям, так что он был разорван на четыре части. Таков был конец предателя.

ГЛАВА XXXVI

КАК КОРОЛЬ КАРЛ ПОСЛАЛ ГУОНА С ПОРУЧЕНИЕМ

Король Карл, будучи уже преклонных лет и желая отдохнуть, решил сложить свои полномочия. Поэтому он созвал своих баронов и сказал им: "Я устал от своего царствования. Скажите теперь, кому из двух моих сыновей, Шарло и Льюиса, я его передам. Ибо Льюис уже

слишком молод, а Шарлот не в том состоянии, чтобы быть пригодным для такого достоинства". Бароны ответили: "Сир, давайте рассмотрим этот вопрос сами". И они разошлись в разные стороны, и решили, что королем должен стать принц Шарлот.

Среди баронов был некий Амаури, который состоял в родстве с предателем Ганелоном. Этот Амори сказал королю: "Было бы хорошо испытать принца Шарло. Есть еще герцогство Бордо, чьи принцы, Хуон и Жерар, еще не присягнули вам. Если вы дадите мне несколько солдат, я приведу их сюда пленными, и ваш сын Шарло получит их земли. Это будет его испытанием, прежде чем он получит королевство Франция".

Но герцог Неймс, будучи и мудрым, и правдивым сердцем, сказал королю: "Это нехороший совет Амаури. Принцы молоды, и, может быть, они не по умыслу, а скорее неосознанно нарушили свой долг перед вами. Поэтому пошлите гонцов в Бордо и прикажите им явиться к вашему двору. Если они послушаются, хорошо; если же нет, то вы поступите с ними по совету Амаури".

И король отправил гонцов в Бордо, и князья приняли их с большим почетом. И когда они передали свое послание, герцогиня сказала: "Я благодарю короля; мои сыновья непременно придут оказать ему почести, когда я подготовлю их к путешествию". Посланцы вернулись к королю и рассказали ему об этом, и он очень обрадовался и сказал: "Хорошее дерево приносит хорошие плоды; герцог Севин Бордоский был хорошим человеком, и его сыновья тоже хорошие люди. А что касается этого злоумышленника Амори, то я изгоняю его из земли французской".

Тогда Амори отправился к принцу Шарло и сказал: "Я думал завоевать для вас герцогство Бордо. Но герцог Неймес помешал мне. Тем не менее, эти земли еще могут стать вашими, если только мы избавимся от принцев Юона и Жерара. Давайте обрушимся на них, когда они поедут сюда".

Тогда эти двое затаились в лесу, мимо которого, как они знали, должны были проехать эти двое. У Амаури была двойная цель: либо убить Хьюона и его брата, либо, если они убьют Шарло, обвинить их в этом перед королем и понести соответствующее наказание. И вот он сказал Шарло: "Вон Хьюон и Герард; выезжайте против них, ибо они слабаки". Своим людям он сказал: "Пусть принц едет один, ему не нужна ваша помощь".

И Шарлот поскакал вперед и указал путь, по которому должны пройти два брата. Тогда Хуон сказал своему брату: "Поезжай и посмотри, чего требует этот рыцарь; если он потребует плату за проезд, то мы, как хозяева дороги, заплатим ее". И Герард поскакал вперед. Принц Шарлот спросил его: "Кто ты?" Жерар ответил: "Мы - сыновья Севина, который был герцогом Бордо, да помилует его Бог". "Тогда, - сказал принц, - вы сыновья злодея. Севин отнял у меня три замка, и я никогда не мог добиться от него справедливости. Теперь, стало быть, вы должны пострадать за это зло". "Сэр, - ответил Жерар, - вы видите, что я без оружия. Для меня будет позором, если вы меня убьете. Но если ты потерпел обиду, мы возместим тебе ущерб". "Я не заглажу свою вину, - вскричал принц, - а отомщу". И когда Жерар обратился в бегство, будучи безоружным и опасаясь за свою жизнь, он поскакал на него и поразил его копьем, так что тот упал на землю как мертвый.

Когда Хьюон увидел этот поступок, он сильно встревожился, думая, что его брат убит. Подстегнув коня, он поскакал со всей поспешностью и нагнал принца еще до того, как тот подъехал к лесу. Он воскликнул: "Кто ты такой, что без причины убил моего брата?" Шарлот ответил: "Я сын герцога Тьерри", ибо он не хотел, чтобы его знали; кроме того, он замаскировал свой щит, "а сделал я это потому, что твой отец отнял у меня три замка, и я

никогда не мог свершить над ним правосудие". Хуон сказал: "Ты лживый рыцарь и убийца, и я бросаю тебе вызов". Затем он накинул на руку свой алый плащ, достал меч, ибо другого оружия или доспехов у него не было, и поскакал против принца. Принц, в свою очередь, пришпорил коня и бросился на Хуона с копьем наперевес. Он пронзил копьем плащ и платье, в которое был одет Хуон, а также рубашку, которая была под плащом, но в тело не попал. Хьюон же, подняв меч в обеих руках, нанес Шарло, когда тот проходил мимо, столь яростный удар, что расколол его шлем надвое. Так что сталь вошла в его мозг, и он замертво упал на землю.

Тогда Хьюон, соскочив с коня, стал искать рану Жерара и, обнаружив, что она не столь серьезная, как он думал, перевязал ее полоской своей рубашки. Затем он посадил его на клячу, которая была у него в обозе, чтобы ему было удобнее ехать. Так они отправились в Париж, ибо Хьюон хотел пожаловаться королю, что, имея безопасный путь, он подвергся такому жестокому нападению.

Рыцари Амори сказали ему: "Что нам теперь делать? Принц лежит мертвый на равнине. Будет плохо, если тот, кто убил его, спасется бегством". Амаури ответил: "Мы возьмем тело и отнесем его в Париж, а там обвиним его перед королем". И он со своими рыцарями последовал за Хуоном и его компанией, неся с собой тело Шарло.

Прибыв в Париж, Хьюон вошел туда, предстал перед королем и рассказал ему о том, что с ним приключилось. Сначала он сказал: "Сир, посмотрите на моего брата, как он ранен". И когда он заговорил, то отдернул дублет и рубашку Жерара и показал рану под ними. И упал юноша в обморок перед королем и его лордами, так велика была боль, которую он испытывал. Король очень пожалел раненого и велел позвать своего хирурга, чтобы тот перевязал рану. И еще он сказал: "Если я найду того, кто совершил этот поступок, я расправлюсь с ним так, что это никогда не забудется".

После этого Хуон рассказал, как на него напали и как он убил своего противника. Услышав это, король сказал: "Если бы этот лживый рыцарь был моим сыном Шарло, которого я люблю всем сердцем, я бы не стал отрицать, что он постигла его участь".

Пока король говорил, на улице раздался сильный крик, ибо тело принца проносили через весь город, и люди оплакивали его. Король сказал герцогу Неймсу: "Пойди и посмотри, что может означать этот крик". И герцог отправился, но когда он подошел к большим воротам дворца, там лежало тело принца Шарло на щите, и его несли четыре рыцаря.

Когда тело внесли и положили перед королем, он сказал громким голосом: "Скажи мне теперь, кто совершил это деяние и по какой причине?" Амаури ответил: "Человек, совершивший это деяние, сидит вон там. Он не кто иной, как Хуон из Бордо". Когда король услышал эти слова, он готов был обрушиться на Хьюона и зарубить его, но герцог Неймс и другие его бароны удержали его.

Тогда Хуон сказал королю: "Поверьте мне, сир, что я не знал, что этот рыцарь - ваш сын; поистине, если бы я знал это, то не пришел бы к вам с жалобой, как сделал это сегодня. Скорее, мне следовало бы убежать и спрятаться как можно лучше".

Тогда герцог Неймс сказал королю: "Пусть теперь выйдет Амори и расскажет нам, почему он затаился в лесу в засаде с вашим сыном и какую цель он имел в виду".

И выступил Амаури и рассказал такую историю: "Господин, твой сын прислал ко мне послание, желая, чтобы я отправился с ним в поход. И я пошел с ним, только мы шли вооруженные, ибо я боялся арденнских людей, чтобы они не напали на нас. Случилось так,

что мы пришли в небольшой лес, и там мы бросили наших ястребов, и один из них потерялся. Пока мы искали его, пришли Хуон и его брат, и Хуон держал ястреба на кулаке. Тогда ваш сын вежливо потребовал своего, и Хьюон в ответ выхватил меч и зарубил вашего сына, а потом ускорил так быстро, что мы не смогли его догнать; и теперь я бросаю ему вызов, чтобы он сказал, что не знал, что рыцарь, потребовавший ястреба, - ваш сын".

Тогда Хуон сказал: "Я докажу, что этот Амаури - лжец, и заставлю его признаться, что я не знал, что рыцарь, которого я убил, - сын короля. А в качестве поручителя я даю своего брата Жерара, ближе которого у меня нет никого в родстве". Амаури, в свою очередь, дал в поручители двух племянников, которые у него были.

Король сказал герцогу Неймсу: "Пусть подготовят поле, на котором эти двое будут сражаться, и пока оно не будет готово, запрут их в башне, и пусть сто рыцарей будут готовы охранять поле, когда оно будет готово. Ибо я не позволю похоронить моего сына, пока не будет повешен побежденный, если он не будет уже убит на поле".

Когда все было готово, оба чемпиона принесли друг другу клятву на святых мощах, что говорили правду, и приготовились к бою. Но люди заметили, что Амаури, когда он хотел сесть на коня, споткнулся так, что едва не упал на землю. Тогда король, объявив, что никто не должен под страхом смерти подать знак кому-либо из сражающихся, встал и сказал: "Я хочу сказать, что если не будет сделано признание в истине, то побежденный должен лишиться всех своих земель и быть изгнан из этого королевства". И от этого решения он не отступил, хотя герцог Неймс и другие бароны протестовали, что король несправедлив.

После этого два рыцаря вступили в бой. Сначала они набросились друг на друга верхом, сломав копья, да так сильно, что их кони повалились на землю. Затем оба поднялись на ноги и стали сражаться на мечах. Сначала Амаури ударил Хуона по шлему с такой силой, что едва не оглушил его. И действительно, Хуон был вынужден на некоторое время опуститься на одно колено. Увидев это, Амаури воскликнул: "Хуон, ты не можешь больше держаться; тебе следовало бы признаться в своем злодеянии". Но Хуон ответил: "Молчи, лживый предатель", и сделал вид, что собирается ударить его по шлему; но когда Амаури поднял меч, чтобы парировать удар, Хуон внезапно повернул свой удар и поразил человека под его защитой так, что отрубил ему левую руку. Когда Амаури увидел, что он так искалечен, он придумал хитрость. Он сказал Хуону: "Я признаю, что говорил неправду и что ты не знал, что рыцарь - Шарлот. Поэтому я отдаю себя на вашу милость. Подойди же и прими мой меч, который я охотно отдаю тебе". Но когда Хуон приблизился, чтобы взять меч, Амаури ударил его по руке, думая нанести ему тот же урон, что и себе. Удар этот он пропустил, но нанес большую рану, так что кровь потекла вниз. Тогда Хуон сказал: "Получи, лживый предатель!" - и убил его одним ударом, но для раскаяния или признания не было времени.

Тогда спросил король: "Признался ли побежденный?" И когда он услышал, что признания не последовало, то сказал Хуону: "Я изгоняю тебя навеки из этого королевства. Никогда не будет у тебя ни пяди земли в Бордо или Аквитании". Он ни на йоту не отступил от этого приговора, так как Хьюон умолял его пощадить, а герцог Неймс с другими баронами настоятельно просил его не совершать этой великой несправедливости. Однако в конце концов, когда он увидел, что остался один, так как герцог со своими приближенными покинул дворец, он был вынужден несколько отступить от своего намерения. Тогда он позвал баронов и сказал: "Вернитесь ко мне, ибо я вынужден уступить вашему желанию". Хуону он сказал, ибо юноша преклонил перед ним колени с великим смирением: "Сделаешь ли ты то, что я прикажу?" И Хуон ответил: "Сир, нет ничего на свете, чего бы я не сделал по вашему приказу, если бы таким образом я мог вернуть себе вашу милость. Воистину, я бы отправился

к вратам ада, как Геракл, если бы вы послали меня туда". Король ответил: "Может быть, Хуон, я отправлю тебя в место худшее, чем то, куда отправился Геркулес, ибо из пятнадцати посланцев, которые уже отправились туда, ко мне не вернулся ни один. Итак, слушай, что я скажу: ты отправишься в город Вавилон и войдешь во дворец Гаудиса, который является адмиралом города, когда он сидит за обедом. И бросишь ему вызов, и возьмешь скипетр из его руки. Этот скипетр ты отдашь в мои руки. После этого я снова приму вас в свои ряды и верну вам ваши земли". Бароны сказали: "Господин, вы, должно быть, очень желаете смерти тому, кого посылаете с таким поручением". Король ответил: "Пусть он никогда не возвращается во Францию, если не привезет с собой скипетр адмирала". Он также не дал ему никакой другой милости, кроме того, чтобы с ним отправились десять рыцарей. И Хьюон приготовился к отъезду.

ГЛАВА XXXVII

КАК ХЬЮОН ВСТРЕТИЛСЯ С КОРОЛЕМ ОБЕРОНОМ

Нет нужды рассказывать обо всех путешествиях Хьюона после его отъезда из Парижа.

¹Достаточно сказать, что он отправился в Рим и там получил благословение папы, сел на корабль в Брандисе и, пересекая Внутреннее море, прибыл в Святую землю и, высадившись в Яффе, на второй день прибыл в Иерусалим. И был у него в товарищах некий Гарин, который был братом его матери, ибо Хуон был сыном герцога Севина из Бордо. В Иерусалиме, когда они поклонились Гробу Господню, Хуон сказал своему дяде: "Я очень благодарен тебе за твою великую доброту, что ты до сих пор сопровождал меня. А теперь возвращайся к своей госпоже, моей тетушке, и к своим детям". "Не так, - ответил Гарин, - я не оставлю тебя, пока ты сам не вернешься в свою землю".

[1] Бриндизи.

Из Иерусалима они отправились через пустыню, сильно страдая от жары и жажды. По дороге они увидели хижину, в дверях которой сидел старик с длинной белой бородой, который, когда Хуон приветствовал его именем Бога, сначала заплакал, а потом поймал руку Хуона и много раз поцеловал ее. "Вот уже тридцать лет, - сказал он, - как я не видел лица христианина. И сейчас, глядя на вас, я вспоминаю одного благородного пэра, которого я знал давным-давно во Франции, герцога Севина Бордоского. А теперь я молю вас отдохнуть немного".

И Хьюон с Гарином привязали своих коней к деревьям, сели и стали беседовать со стариком. И когда Хьюон рассказал свою историю, старик поведал, как его отправили в паломничество в Иерусалим, потому что он убил рыцаря на турнире, и как по дороге домой его взяли в плен

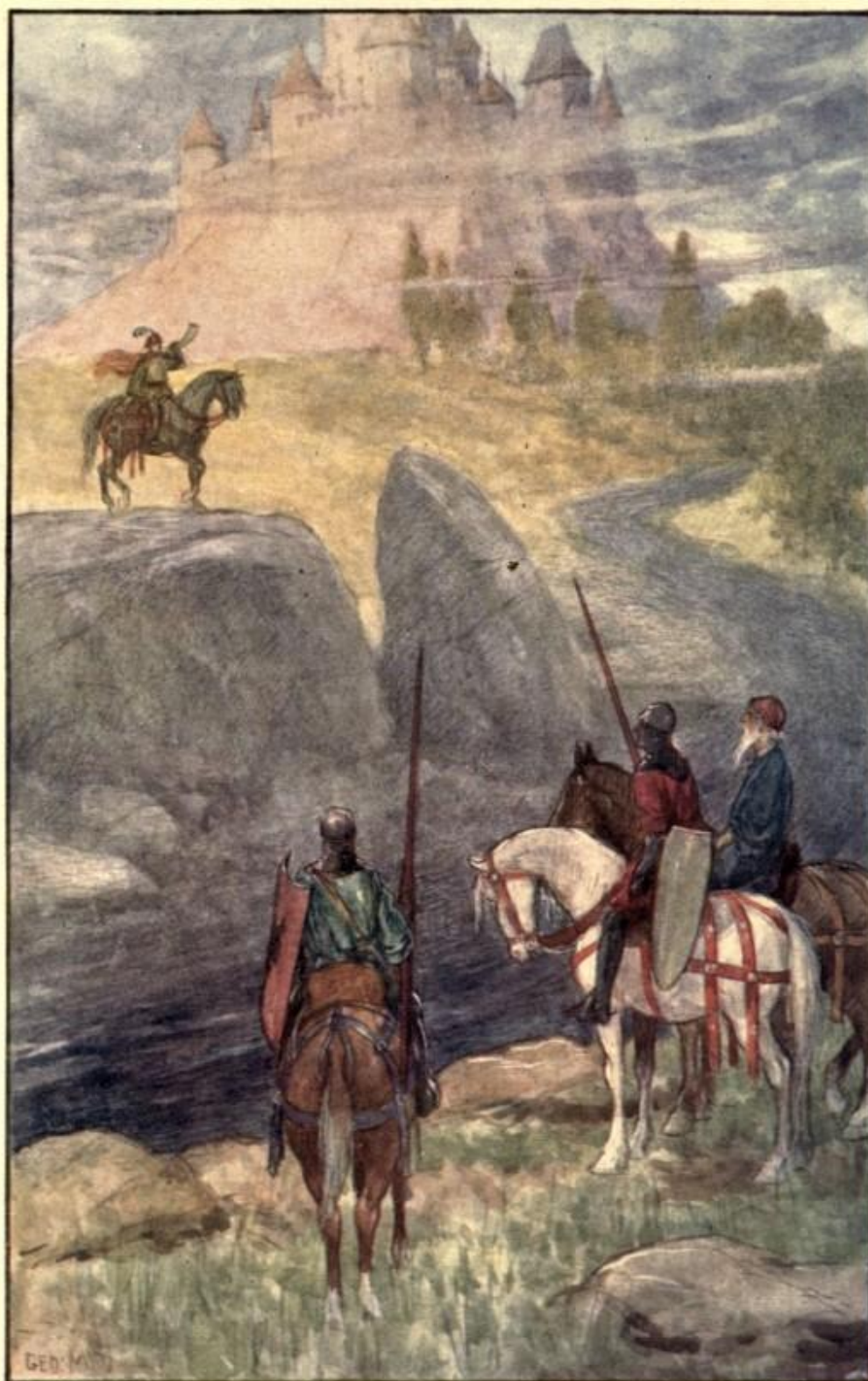
сарацины и отвезли в Вавилон, откуда он бежал через два года. "Но, - сказал он, - я не смог вернуться домой, а с тех пор живу в этом месте".

Хуон сказал: "Я иду в Вавилон. Скажи мне, какой дорогой я должен идти". Старик ответил: "Есть две дороги в Вавилон: одна - сорок дней пути, другая - всего пятнадцать. Но на той, что короче, стоит некий Оберон, царь фей. Этот Оберон очень приятен на вид, и голос его очень сладок, но будьте уверены, что вы не заговорите с ним, ибо тот, кто заговорит с ним, погибнет навеки. Но если вы не будете с ним разговаривать, он помешает вашему путешествию своим волшебством. Поэтому я советую тебе не выбирать более короткий путь".

Этот совет не понравился Хуону, и он сказал: "Если я могу выиграть столько времени, лишь удерживая свой язык от речи, я непременно так и сделаю". "Если такова твоя воля, - ответил старик, которого, надо сказать, звали Герамес, - я пойду с тобой".

На следующий день они отправились в путь. В полдень они немного отдохнули под дубом, и когда они отдыхали, к ним подошел Оберон, очень богато одетый в одежду, украшенную драгоценными камнями, и державший в руке очень драгоценный лук. На шее у него висел рог на двух золотых цепях. Такого рога не было в этом мире. Одна его нота могла исцелить от всех болезней, другая утолить голод и жажду, третья облегчить тяжесть на сердце, а четвертая могла увлечь любого, кто слышал ее, даже против его воли.

Когда Оберон проезжал мимо, он затрубил в свой рог, и, услышав его, Хуон забыл о голоде и жажде, которые его мучили. И Оберон воскликнул: "Молю тебя, говори со мной". Но Хуон, помня о совете Герамеса, не ответил ни слова, а поскакал прочь. Тогда Оберон в гневе снова затрубил в свой рог, и сразу же поднялась сильная буря, так что они едва могли пробиться сквозь нее; после бури на их пути появилась большая река, очень черная и глубокая и несущаяся со страшным шумом; а на другом берегу реки показался очень красивый замок, который, когда они некоторое время смотрели на него, исчез из виду.

HUON MEETING WITH OBERON.

ВСТРЕЧА ХУОНА С ОБЕРОНОМ.

Гермес сказал: "Скачите теперь, не обращая внимания на эти вещи". Так они и сделали. Когда они проскакали около пяти лиг и больше ничего не увидели, Хуон сказал: "Мы

благополучно скрылись от этого Оберона". Герамс ответил: "Не так; мы еще увидим его". И пока он говорил, они увидели Оберона на другой стороне моста, по которому должны были пройти. Хуон сказал: "Видите, вот дьявол, который устраивает все эти неприятности". Оберон услышал эти слова и воскликнул: "Господин, вы поступаете со мной дурно; я не дьявол и не злой человек, и прошу вас, поговорите со мной". Но Хуон не ответил ему ни слова.

Через несколько дней Оберон явился снова и сказал: "Я заклинаю тебя именем Бога, чтобы ты говорил со мной. Я знаю, кто ты и зачем пришел сюда, - и он рассказал ему обо всем, что с ним случилось, об убийстве Шарло и гневе короля, - и будь уверен, что ты не сможешь выполнить то, зачем пришел, иначе как с моей помощью". "Господин", - ответил Хуон, - "всегда пожалуйста". И Оберон сказал: "Этим словами ты заслужишь для себя великую награду".

Едва он произнес эти слова, как перед ними возвысился прекрасный дворец, а во дворце был зал, а в зале золотой стол, уставленный кубками, тарелками и блюдами, и на нем всевозможные яства. И сели они за стол, и пировали радостно. И Оберон рассказал Хуону, как он стал таким, каким был, ибо был он еще ребенком, на которого можно было смотреть. "Когда меня крестили, - сказал он, - мой отец устроил королевский пир для всего народа и позвал фей. Но одну фею не позвали, и она, сильно разгневавшись, сказала: "Этот ребенок не вырастет ни на йоту после третьего года жизни". Но потом, раскаявшись, сказала: "Хоть это и так, но не будет более прекрасного ребенка, чем он". И когда они были удовлетворены, Хуон сказал: "Разрешите ли вы нам уйти?" Оберон ответил: "Вы отправитесь, когда пожелаете, но сначала я хотел бы показать вам кое-что". И сказал он рыцарю: "Пойди, принеси мне мой кубок". И рыцарь принес ему кубок. Оберон взял его в руки, осенил крестным знаменем, и тут же кубок наполнился вином до краев. "Смотри, - сказал он, - этот кубок. Если человек находится в смертном грехе, то в чаше не будет ни капли вина, когда он возьмет ее в руки; если же он избавится от греха, то она наполнится для него. Возьми ее сейчас и испытай". Хуон ответил: "Я не считаю себя достойным этого; но все же скажу, что я раскаиваюсь во всем, что сделал плохого, и прощаю всем людям то, что они могли сделать мне плохого". Тогда он взял кубок в руки, и тотчас же он наполнился вином. Тогда Оберон сказал: "Возьми этот кубок, ибо ты достоин его, и этот рог тоже. Но берегись, чтобы ты не пользовался им без нужды". И, посмотрев на Хуона некоторое время, он сказал: "Хуон, я люблю тебя, но предвижу, что ты много пострадаешь из-за своей глупости". И он позволил ему и его спутникам уйти.

ГЛАВА XXXVIII

О КОНЦЕ ЛЖЕГЕРЦОГА МАКАЙРА

Хьюон и его спутники ехали дальше, пока не подъехали к городу Тормонту. У ворот они встретили человека с луком в руке, который охотился в лесу. Хьюон приветствовал его именем Бога и пожелал узнать, как называется город. Выслушав приветствие, человек сказал: "Сэр, говорите тише, молю вас; если герцог этого города узнает, что вы христианин, он непременно убьет вас. Я сам христианин, но скрываю это из страха за свою жизнь".

"Я направляюсь в Вавилон, - сказал Хуон, - и хотел бы остановиться на ночь в этом городе, ибо я и моя компания устали". "Господин, - ответил незнакомец, - я советую вам не задерживаться; если герцог узнает о вашем приезде, вы вряд ли спасете свои жизни". Но Хуон сказал: "День уже давно прошел, и мы устали. Мудрый путник не покидает хорошего города". Тогда незнакомец сказал: "Если ты намерен сделать это, я отведу тебя в ночлежку, где ты будешь в безопасности". И человек отвел Хуона и его спутников в дом начальника города.

Хуон поприветствовал проректора так же, как и человека у ворот, и проректор ответил ему тем же: "Говори тихо, - сказал он, - ибо если герцог узнает об этом, ты пропадешь. Тем не менее я буду рад видеть вас в своем доме". Затем он велел Хьюону и его спутникам войти в дом, и, освежившись, они обильно поужинали. Покончив с ужином, Хьюон сказал Герамесу: "Объяви, чтобы любой человек в городе, кто пожелает, мог прийти и отужинать бесплатно. И пойдите вы в город, и купите хлеба и мяса и прочего необходимого, а я со своей чашей напою их". Так и было сделано, и не было во всем городе ни одного нищего или бродяги, который бы не пришел на ужин. А Хуон подносил им вино из кубка.

Следует сказать, что герцога города Тормонта звали Макайр, и был он дядей Хуона. Но он отрекся от христианской веры и был полон ненависти ко всем христианам. Примерно в это время он случайно послал своего управляющего в город, чтобы тот купил провизию. Но когда управляющий обнаружил, что все продано, он снова пришел к своему хозяину и сказал: "Я не могу найти в городе ничего для твоего ужина. В доме бургомистра поселился молодой человек, который купил все съестные припасы, что были в городе, и накормил ими всех плутов и бродяг". Услышав это, герцог сказал: "Я пойду и посмотрю на этого парня". И он велел своим рыцарям вооружиться и пойти с ним. Когда он шел, к нему подошел один из тех, кто был на ужине, и сказал: "Есть один юноша, у которого есть чудесный кубок. Если все люди от востока до запада выпьют из него, он не пропадет". Тогда герцог сказал себе: "Я выпью этот кубок". И он со своими людьми отправился в дом проректора.

Увидев идущего герцога, проректор сказал Хуону: "Вот идет герцог; не знаю, как ты справишься". "Не беспокойся", - ответил Хьюон; и когда герцог вошел в дом, он сказал ему веселым голосом: "Сэр, вас ждут". "Что вы имеете в виду под этим беспорядком? Почему вы пригласили всех этих негодяев к ужину?" "Сэр, - отвечал Хуон, - я отправляюсь в путешествие к Красному морю; этих бедняков я так развлекаю, чтобы они молились за меня, чтобы я благополучно вернулся". "Это глупость, - сказал герцог, - что тебе дадут их молитвы, если ты потеряешь голову?" "Сэр, - ответил Хьюон, - будьте довольны. Садитесь сейчас со своими рыцарями и пообедайте с нами; если я сделал что-то плохое, я исправлюсь".

И герцог со своими рыцарями сели, казалось, довольные. И когда они ужинали, а Хуон все время вежливо прислуживал им, он взял кубок и показал его герцогу, говоря: "Не пуст ли этот кубок?" "Так и есть, - ответил герцог, - я ничего в нем не вижу". Тогда Хуон совершил над кубком крестное знамение, и тотчас же он наполнился вином. Но когда он передал его герцогу, то через мгновение он был пуст. Сказал герцог: "Что это за волшебство?" "Это не волшебство, - ответил Хуон. "Потому что ты грешен, поэтому кубок опустел в твоих руках".

Герцог не на шутку разгневался, но все же умерил свой гнев и сказал: "Скажи мне теперь свое имя и свой род, и из какой ты страны". И, услышав это, он сказал: "Прекрасный сэр, вы мой племянник; вы не должны жить нигде, кроме как у меня". "Благодарю тебя, господин", - ответил Хуон. Но Герамс сказал: "Безопаснее остановиться у проректора".

На следующий день Хьюон собирался уехать, но герцог сказал: "Подожди немного, прекрасный племянник, пока не придут мои бароны, ибо я хотел бы, чтобы они отправились с тобой в путь". "Я доволен, - ответил Хуон, - если вам так угодно".

Герцог, намереваясь убить племянника, сказал некоему Джеффри, рыцарю, прибывшему с ним из Франции и также отрекшемуся от христианской веры: "Приведи пять или шесть десятков воинов, и пусть они убьют этого Хуона и весь его отряд. Пусть ни один не уйдет, если ты не хочешь потерять мое расположение". Джеффри согласился.

Но когда Джеффри вышел от герцога, он сказал себе: "Злодейское дело хочет совершить герцог, чтобы я убил его родного племянника. Я помню, какую великую услугу оказал мне отец этого человека, герцог Севин, когда я был во Франции, спасая мне жизнь, когда меня одолевали враги. Было бы позорно так поступить с его сыном".

Теперь в замке находилось около шести десятков пленников из земель Франции, захваченных на морях. Джеффри, отвечавший за этих пленников, так как был высокопоставлен при герцоге, отправился в темницу, где они лежали, и сказал им: "Сэры, если вы хотите спасти свои жизни, следуйте за мной". Они с радостью согласились. Тогда он отвел их в камеру, где хранилось оружие, и вооружил их всех. После этого он сказал: "Господа, теперь настало время показать свою храбрость, если вы хотите получить свободу вместо рабства". И он рассказал им, как герцог послал за язычниками, чтобы те убили его племянника. "Но вы, - сказал он, - когда придет время, не убьете, а поможете ему".

И вот пленники, облачившись в доспехи и держа мечи наготове, последовали за Джеффри в зал, где герцог и Хьюон обедали; когда они вошли в зал, Хьюон сказал своему дяде: "Это те бароны, которые проводят меня в путь?", ибо ему очень хотелось уехать. Герцог, думая, что Джеффри выполнил его наказ, сказал: "Не так, мой племянник; это солдаты, за которыми я послал, чтобы они убили тебя".

Услышав это, Хуон поднялся на ноги, надел на голову шлем и приготовился сражаться за свою жизнь. Джеффри, в свою очередь, сказал пленникам: "Покажите себя мужчинами, честные сеньоры, и не дайте сбежать ни одному язычнику!" И пленники обрушились на компанию, собравшуюся на ужин с герцогом, и перебили их.

Герцог же, увидев, как его обманули, бежал тайным путем, который знал, и, выпрыгнув из окна, спасся. А Джеффри и французы закрыли ворота и подтянули разводной мост, думая защищаться в замке, ибо знали, что герцог не успокоится, пока не овладеет им.

Вскоре герцог, собрав большую компанию людей, осадил замок. С собой у него были военные машины и лестницы, по которым его люди могли забраться на стены и пробить брешь пиками и мотыгами. Так язычники и поступили, и, несмотря на всю доблесть Хьюона, Джеффри и пленников, замок был очень близок к тому, чтобы быть взятым.

Гермес сказал Хуону: "Теперь, господин, тебе пора трубить в свой рог, ибо, если не придет к нам помощь, мы вряд ли увидим еще один день". Хьюон ответил: "Я бы с радостью это сделал, но рога у меня нет, ибо я оставил его у проректора".

Тем временем проректор пришел к герцогу и сказал ему: "Сэр, это недобрый совет, что вы разрушаете свой собственный замок. Заключите мир с вашим племянником на таком условии: пусть он и его компания немедленно уйдут из вашего города. Позвольте мне пойти и убедить его". "Ты пойдешь", - ответил герцог.

И вот проректор, подойдя к воротам замка, сказал, что очень хочет видеть Хьюона, который, подойдя, пожелал узнать, кто он такой. Услышав, что это проректор, он сказал ему: "Теперь, если ты хочешь служить мне, отдай мне рог, который я оставил у тебя". "Это легко сделать", - ответил проректор, достал его из своей груди и отдал Хуону.

Гермес, хотя и советовал дунуть в рог, но, увидев, что Хуон уже готов это сделать, раскаялся, ибо не доверял королю Оберону и с радостью обошелся бы без его помощи. Поэтому он сказал Хьюону: "Сэр, я сомневаюсь, что вы сейчас в таком положении, чтобы дуть в рог. Возможно, король Оберон не захочет, чтобы это было сделано".

"Что ты имеешь в виду?" - ответил Хьюон. "Неужели я должен ждать, пока меня не убьют, прежде чем я попрошу о помощи?" И, поднеся рог к губам, он дунул в него со всей силы.

Царь Оберон услышал звук рога, сидя в своем городе Моммуре, и сказал себе: "Несомненно, я нужен моему другу; я хотел бы быть с ним и десять тысяч человек со мной". Не успел он этого пожелать, как он и десять тысяч воинов оказались в городе Тормонте. Великую резню учинили они над язычниками, но тех, кто пожелал окреститься королем Обероном, спасли живыми. Что же касается герцога, то его убили без пощады, ибо он был злым человеком и согрешил против знания, и повесили его тело на виселице, которая была установлена на стене, чтобы его конец послужил примером для других.

После этого Оберон покинул Хуона. При этом он сказал: "Я предвижу, что из-за своего безрассудства ты столкнешься со многими опасностями. Поэтому я советую тебе не предпринимать никаких приключений, кроме тех, что необходимы". На эти слова Хуон ответил, что, уезжая из Франции, он решил, что не откажется ни от каких приключений, какими бы опасными они ни были. "Это глупость, - сказал Оберон, - и запомни: если ты затрубишь в рог, когда отправишься в какое-нибудь из таких приключений, я не стану его слушать, даже если ты сломаешь рог, когда будешь в него дуть". "Сэр, - сказал Хуон, услышав эти слова, - вы будете делать свое удовольствие, а я - свое". Но Оберон ничего не ответил. Так и расстались эти двое в гневе.

ГЛАВА XXXIX

КАК ХУОН, УБИВ ВЕЛИКАНА, ПРИШЕЛ В ВАВИЛОН

После этого рассказали Хуону, что недалеко от города Тормонта есть некая башня, очень чудесное место, где живет великан, по имени Анголафер. Ворота этой башни, как гласила история, охраняли два медных человека, каждый из которых держал в руке железный молот. Эти двое били своими молотами, не переставая ни на минуту, причем один наносил удар, а другой прекращал; и делали они это так быстро, что даже ласточка не могла пролететь между ними, не получив вреда. Но если бы человек смог каким-то образом проникнуть в башню и одолеть великана, то нашел бы там сокровища без конца.

Когда Хуон услышал об этом, он подумал: "Это приключение по мою душу". И он направился к башне. Когда он увидел, как медные люди бьют своими молотами, он задумался, как бы ему

победить их. Через некоторое время он увидел золотой таз, привязанный цепью к мраморному столбу; по нему он нанес три больших удара мечом, ибо сказал себе: "Если я смогу поговорить с каким-нибудь человеческим существом, это будет лучше, чем иметь дело с этими медными людьми". Так и случилось. Была в башне некая девица, Сибил по имени, которую великан держал в плену, и она, услышав шум, подбежала к окну и выглянула наружу. Увидев Хуона, она сказала: "Кто это? Это прекрасный рыцарь. Я сужу, что он из Франции, потому что вижу на его плече три креста с голубыми буквами; жаль, что с ним случилось несчастье; но что могут сделать пятьдесят рыцарей против этого великана? Но если он пришел с доброй целью, я охотно помогу ему".

Теперь там была рукоятка, повернув которую, можно было остановить удары молота. Леди Сибил размышляла: "Осмелюсь ли я сделать это? Но лучше умереть, чем оставаться в этом рабстве". И тут она услышала дыхание великана, как у человека, погруженного в глубокий сон. Тогда она повернула ручку, и Хуон вошел во дворец. Но когда он прошел от ворот в зал, а из зала в палату, а из нее в другие палаты и никого не увидел, только мертвецы лежали тут и там, он был не мало удивлен.

Побродив так некоторое время, он услышал голос плачущей девицы, за которым и последовал, пока не пришел к тому месту, где она сидела. "Почему ты плачешь?" - спросил он. "Я плачу, - ответила она, - потому что ты в большой опасности. Знай, что я христианка, хотя семь лет не общалась ни с одним христианином. Мой отец, совершая паломничество к Гробу Господню, потерпел кораблекрушение в этом месте. Его, со всем его отрядом, великан убил, а меня оставил в живых". "Скажи мне, госпожа, - сказал Хуон, - кто ты?" "Я дочь, - ответила она, - Гинемера, графа Сент-Омера, и замужем за сестрой герцога Севина из Бордо". "Тогда, - сказал он, - вы моя родственница, ибо я старший сын того же герцога Севина"; и он приветствовал ее с полной учтивостью. "А сейчас я на пути к адмиралу Вавилона, посланный с поручением Карлом Великим. Но расскажите мне об этом великане". "Нет, - сказала она, - тебе лучше уйти, пока он спит". Но Хуон не желал слушать этот совет. "Я навлеку на себя позор, - сказал он, - если буду бояться этого злодея". "Если ты так настроен, - ответила Сибилла, - то найдешь его в четвертой палате от этой". Когда Хьюон пришел в четвертую палату, он увидел великана, чудовищного на вид, спящего на кровати, и громко воскликнул: "Встань, языческий пес, или я отрублю тебе голову!" Великан ответил: "Ни одна сотня таких, как ты, не одолела бы меня, будь я вооружен; даже сейчас я не боюсь тебя". "Надень доспехи", - сказал Хуон, - "я не стану сражаться с голым человеком". "Это смело и вежливо", - сказал великан. "Скажи мне свое имя и страну". Хуон ответил: "Я бедный рыцарь из Франции, которого Карл Великий послал с поручением к адмиралу Вавилона". "У этого же адмирала, - сказал великан, - я взял не один город, а много. Эту башню я взял у Оберона, великого князя в этих краях, а вместе с ней - доспехи, которые не может носить никто, кроме тех, кто не виноват. Теперь, из вежливости, ты попробуешь ее, если пожелаешь".

Тогда Хуон взял доспехи и надел их на себя, и вот! Он легко их надел. "Я вижу, - сказал великан, - что ты достойный рыцарь; теперь, когда ты испытал доспехи, отдай их мне снова". "Я этого не сделаю, - ответил Хуон, - не за двенадцать самых прекрасных городов, которые находятся между этим местом и Парижем". "Друг, - снова заговорил великан, - если ты доставишь мне доспехи, я позволю тебе уйти отсюда без вреда; также я дам тебе золотое кольцо, которое было у меня от этого же адмирала Вавилона. Тот, у кого есть это кольцо, может пройти, куда пожелает".

"Я не должен благодарить тебя за этот подарок, - сказал Хуон, - потому что кольцо я могу взять по своему желанию, когда ты будешь убит". Тогда великан в великом гневе бросился на него с фальчионом, который он держал в руке, но, пропустив удар, поразил стоявший рядом

столб так резко, что сталь впилась в камень. Когда Хуон увидел, что произошло, он ударил великана и отрубил ему обе руки. Великан обратился в бегство, но леди Сибил, пришедшая спасти христианского рыцаря, ударила его посохом по ногам, так что он упал головой вниз на землю; когда Хуон увидел, что он лежит так, он одним ударом меча отрубил ему голову.

После этого Хьюон выглянул из окна башни и крикнул своим товарищам, стоявшим в страхе: "Поднимайтесь сюда, я убил великана". Тогда леди Сибил повернула ручку, как и прежде, так, что древко осталось на месте, и они вошли в башню. День был уже далеко позади, и они сели ужинать, веселясь от души.

На следующий день Хуон сказал своим спутникам: "Оставайтесь в башне с леди Сибиллой, ибо я отправлюсь в Вавилон один. Если же я не приду через пятнадцать дней, то садитесь на корабль и отплывайте в страну франков". Но Гермес сказал: "Не так, господин мой; мы будем ждать тебя целый год". И все согласились с этим.

Итак, Хуон отправился в Вавилон. Когда он приблизился к городу, то увидел, что лес переполнен путниками: одни отправлялись в поход, другие возвращались с прогулки, купцы и путешественники с лошадьми и повозками. Он дивился, видя их, ибо они были ему чужды; и они тоже дивились ему, ибо доспехи его были не по моде их страны. Он так увлекся этим зрелищем, что кольцо великана совершенно вылетело у него из головы, и от этого забвения он, как видно, получил много неприятностей.

Когда он подошел к адмиральскому дворцу, то крикнул привратнику, чтобы тот открыл ворота. Портье должен был узнать, не сарацин ли он. "Это я", - ответил Хуон, думая, что иначе его не пустят. И носильщик открыл ему. Тут Хуон сразу вспомнил о кольце и сказал себе: "Я согрешил, солгав этому человеку, и напрасно, имея кольцо".

После этого он подошел ко вторым воротам и к привратнику, который открыл ему при виде кольца; а за вторыми - третьи, а за третьими - четвертые, которые он прошел таким же образом.

Оказавшись в самом центре дворца, он подумал: "В этом месте, несомненно, много сарацин, а я всего лишь христианин. Пора трубить в рог, и тогда мне поможет король Оберон". Тогда он затрубил в большой рог.

Король Оберон услышал этот звук, сидя в своем дворце. Но он сказал себе: "На устах того, кто дунул в этот рог, была ложь, ибо нота его фальшива. Пусть он хоть горло себе разорвет от дуновения, я не пойду ему на помощь".

Услышав это, адмирал сказал своим господам, сидевшим с ним: "Во дворце есть волшебник. Приведите его ко мне, пока он не натворил нам бед".

Хьюон не на шутку встревожился, когда обнаружил, что никто не пришел на его дудение в рог. "Я в плохом положении, - сказал он, - и больше не увижу ни своего народа, ни своей страны. Тем не менее человеку подобает сохранять мужество". И когда к нему подошли лорды адмирала, он не обратил на них внимания, а пошел прямо вперед, и они побоялись наложить на него руки.

Когда он подошел к тому месту, где сидел адмирал, он не поклонился, но выхватил свой меч и сказал: "Я пришел от великого короля Карла". Не успел он сказать больше, как адмирал громко воскликнул: "Схватить мне этого негодяя!" И лорды сделали вид, что хотят схватить его. Тогда Хьюон снял с пальца кольцо и показал его адмиралу, не говоря ни слова.

Когда адмирал увидел кольцо, он сказал: "Оставьте этого человека в покое; он здесь по праву". Тогда Хуон сказал: "Я - христианин, и пришел я от великого короля христиан. Итак, выслушайте послание, которое он передает: "Обратитесь от ваших ложных богов; исповедуйте веру Христову; признайте, что вы держите ваше царство от меня; и пошлите мне в знак ваш царский скипетр. Если же не сделаете этого, то я приду с войском и истреблю и вас, и весь народ ваш". Таково послание короля, и я советую вам прислушаться к нему".

Когда адмирал услышал эти слова, его гнев перешел все границы. "Знайте, - воскликнул он, - что до вас пятнадцать посланцев приходили ко мне с таким же требованием, и эти пятнадцать были повешены за шею на том же самом месте; а вы будете шестнадцатым". И он сказал своим людям: "Схватите мне этого парня". Тогда Хуон, прижавшись спиной к стене и выхватив меч, стал сражаться изо всех сил. Многих он убил; но когда он бился час или больше, а число врагов скорее увеличивалось, чем уменьшалось, и он ослабел от жары и труда, тогда он был вынужден сдаться. Тогда сарацины связали его и поставили перед адмиралом.

Адмирал сказал своим лордам: "Что нам делать с этим парнем?" И лорды в один голос ответили: "Пусть его немедленно убьют". Однако один лорд, пожилой человек, пользовавшийся большой славой за свою мудрость, не согласился с этим советом. "Сэр, - сказал он адмиралу, - наш закон запрещает предавать кого-либо смерти в этот день. Поэтому я советую держать его под стражей в течение года; после этого мы снова посоветуемся о нем. Кроме того, есть еще один вопрос, который я хотел бы узнать. Как появился этот человек? Спросите его, милорд".

Тогда адмирал сказал: "Дружище, объяви мне, каким путем ты прошел через ворота". Тогда Хуон сказал себе: "Я больше не буду говорить неправды, хотя и погибну за это". И он протянул кольцо, говоря: "Я прошел через ворота благодаря этому кольцу". И он рассказал, как получил кольцо и как убил великана в башне.

Когда старый советник услышал это, он сказал адмиралу: "Господин, мы должны скорее благодарить этого человека, чем причинять ему вред, ведь он убил великана, который хотел причинить нам столько зла". Адмирал ответил: "Я не знаю, как благодарить человека, который принес мне столь дерзкое послание. Но что касается того, чтобы оставить его в живых, то все будет сделано так, как ты скажешь. Я не отступлю от обычаев моих предков. Пусть его некоторое время держат в тюрьме". Тогда адмиральские старшины взяли Хуона и бросили его в темницу, которая находилась под дворцом.

Случилось так, что когда Хьюона привели к адмиралу, прекрасная дочь адмирала, Эсклермонда по имени, стояла за занавесом, где она могла слышать все сказанные слова и видеть, что делается, будучи сама невидимой. Эта дева, увидев Хьюона и поняв, каким прекрасным рыцарем он был, и как смело он показал себя и в поединке, и когда предстал перед ее отцом, зародила в своем сердце к нему неземную любовь. Поэтому, когда она услышала, что его собираются убить, ей стоило больших усилий удержаться от крика. Но когда она узнала, что его собираются посадить в темницу на некоторое время, она задумалась, как помочь ему.

Когда наступила полночь, и все во дворце спали, она вышла из своих покоев, неся в руке восковой факел. Когда она подошла к двери темницы, то, по счастливой случайности, обнаружила, что тюремщик спит, и, взяв его ключи, открыла дверь темницы.

Она сказала Хьюону: "Прекрасный господин, я Эсклермонда, дочь адмирала, и я видела вас, когда вы предстали перед моим отцом, а также когда вы сражались с его людьми, и знала,

что вы прекрасный рыцарь и галантный. Поэтому я очень хочу помочь тебе, и нет ничего, чего бы я не сделала ради тебя", - она говорила более смело, потому что темница была мрачной, и она не могла видеть лица рыцаря, а рыцарь - ее.

Когда Хьюон услышал, что говорит дева, он сказал себе: "Теперь я должен быть правдив, как подобает христианину. Я должен сказать этой деве, что я, будучи христианином, не могу иметь дружбы с сарацином; но о любви я говорить не буду, чтобы не опозорить ее". И он сказал: "Прекрасная дама, ибо ты должна быть прекрасна, раз ты так милостива, я благодарю тебя за твою доброту и не откажусь от услуг, которые ты сочтешь нужным оказать мне. Только вы должны знать, что я, будучи христианином, не могу иметь дружбы с сарацином".

Леди Эсклермонде, услышав его слова, вспылала к нему гневом. "Если ты не хочешь иметь меня другом, - сказала она, - то, воистину, ты будешь иметь меня врагом и поймешь, что выбрал худшую долю". Тогда она вышла из темницы и сказала тюремщику: "Смотри, чтобы этот человек не ел и не пил три дня". И тюремщик сказал: "Госпожа, будет сделано, как ты повелеваешь".

Не прошло и трех дней, как Эсклермонде раскаялась в своем сердце, что совершила этот поступок. Тогда она пошла к тюремщику и сказала ему: "Открой дверь, ибо я хочу поговорить с этим узником". И когда он открыл дверь, она сказала Хуону: "Сэр рыцарь, я очень восхищаюсь вашим упорством, ведь вы стойко переносите голод и жажду, которые для многих, я не сомневаюсь, тяжелее, чем любые опасности и раны в бою. Поэтому выслушайте меня: Я обещаю, что если мне удастся бежать из этой земли, то я крещусь, как только прибуду в любую землю, где это можно сделать". Хуон ответил ей: "Вы меня очень обрадовали, прекрасная леди; я благодарю вас от всего сердца".

Эсклермонд сказал тюремщику: "Теперь поставь перед пленником мясо и питье и позаботься о нем, как сможешь. Только скажите адмиралу, что он умер от голода". Тюремщик ответил: "Все будет сделано, как вы пожелаете".

ГЛАВА XL

КАК ВЕРНУЛСЯ ХУОН, ВЫПОЛНИВ СВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Когда Герамс и леди Сибил пробыли в башне три месяца и не получили никаких вестей о Хуоне, они сильно встревожились и засомневались, что им делать. И пока они сомневались, случилось так, что некие язычники приплыли на корабле, везя дань великану. Увидев их, Герамс сказал своей компании: "Нам не стоит задерживаться здесь, когда Хуон, возможно, нуждается в нашей помощи. Давайте возьмем этот корабль и поплывем по морю, пока не прибудем в Вавилон". Так они сели на корабль, и язычники не смогли им помешать.

Когда они прибыли в Вавилон, Герамес привел свою компанию к дворцу адмирала, вошел и приветствовал его, когда тот сидел со своими господами, говоря: "Да хранит теперь адмирала Гаудиса Магомет, от дара которого сынам человеческим достаются и кукуруза, и

вино!" "Друг, - сказал адмирал, - ты желанный гость в этом месте. Скажи мне свое имя и страну". "Я пришел, - ответил Герамс, - из города Момбраунт, и я сын короля Иворина". Теперь Иворин был братом адмирала. Адмирал поднялся со своего места и сказал: "Тогда я рад тебе вдвойне. Скажите, как поживает мой брат, король Иворин?" "Он в добром здравии", - ответил Герамс. "А кто эти люди, которые с тобой?" - спросил адмирал. "Это, - ответил Герамес, - французы, которых король взял с собой, когда они плыли по морю. Он посылает их вам на забаву, чтобы в праздник святого Иоанна Крестителя вы привязали их к кольям на лугу, и пусть лучники стреляют в них, выбирая, кто лучше попадет. А эту девицу, которую я взял с собой, если вам будет угодно, посадите к вашей дочери, чтобы она лучше выучила французский язык". "Все это, - ответил адмирал, - будет сделано по вашему желанию. А пока посадите этих катифов в тюрьму и проследите, чтобы у них было достаточно мяса и питья, чтобы они не умерли от голода, как недавно умер в этом месте один Хуон из Бордо. Он был прекрасным рыцарем, хотя и христианином".

Услышав эти слова, Герамес сильно разгневался. Он так разгневался, что с большим трудом удержался, чтобы не броситься на адмирала и не зарубить его; но посохом, который у него был, он ударил лжепленников, которые у него были, так сильно, что потекла кровь. А они, опасаясь адмирала, не решались шелохнуться, но в сердцах своих проклинали Герамеса. Сказал адмирал: "Прекрасный племянник, мне кажется, что ты мало любишь христиан". "Даже так, сэр", - ответил Герамес; "три раза в день я бью их в честь моего Бога Магомета". Затем он повел французов в тюрьму, избивая их на ходу, но никто из них не смел произнести ни слова.

Когда они шли, то встретили госпожу Эсклермонду, которая сказала: "Кузен, я очень рада вашему приходу, а теперь позвольте мне рассказать вам об одном частном деле, если вы обещаете хранить его в тайне". "Это я сделаю с готовностью", - ответил Жерамес. "Тогда слушай, - сказала девица. "Примерно пять месяцев назад в эти места прибыл французский рыцарь, привезший послание от короля Карла Великого. Его, моего отца, принявшего принесенное послание очень плохо, посадили в тюрьму. Я убедила отца, что этот Хуон умер от голода, но на самом деле он жив, и, действительно, его так же хорошо кормят и поят, как и самого моего отца".

Жерамес ничего не ответил, сомневаясь в том, что может быть в сердце девицы, и опасаясь, что это может быть уловкой, чтобы вывести правду о себе. Поэтому он не произнес ни слова, а грубо втолкнул французов в темницу.

В тюрьме было так темно, что Хьюон никак не мог понять, кто они такие, что их привели к нему. Но через некоторое время он услышал, как один из них сетовал на свою тяжелую судьбу и молил Господа Христа, чтобы Он помог им: "Ибо, - сказал он, - Ты знаешь, что мы не сделали ничего плохого, что нас бросили в это место, придя сюда ради нашего молодого господина Хьюона". Когда Хьюон услышал это, он понял, что это французы, и сказал: "Расскажите мне, милостивый государь, что с вами случилось". И господин рассказал ему свою историю. И Хьюон, выслушав ее, сказал: "Я - Хьюон, цел и невредим, благодаря прекрасной Эсклермонде, которая, поистине, христианская дева в сердце". Тогда французы стали горько жаловаться на Герамеса, говоря, что он самый страшный и жестокий предатель на свете. "Нет, - сказал Хуон, - будьте довольны, Герамес сделал все это, чтобы избавить нас, как вы скоро узнаете наверняка". Так и случилось: Герамс, поговорив еще раз с прекрасной Эсклермондой и узнав, что в душе она расположена к Хуону и его спутникам, пришел той же ночью в темницу и рассказал правду. "Только, - сказал он, - мы должны немного подождать, пока не представится подходящий случай".

Через семь дней во дворец пришел великан по имени Аграпарт, брат Анголафера, которого убил Хуон. Цель его прихода заключалась в том, чтобы потребовать от адмирала дань, которую по обычаю платили его брату. Адмирал сидел за ужином, когда он пришел, а великан подошел к столу и сказал: "Вы - лживый предатель, ибо укрываете злодея, который каким-то нечестным способом убил моего брата Анголафера". И, сказав это, он протянул руку и стащил адмирала с его места так грубо, что корона на его голове упала на землю. Сделав это, он сам сел в кресло адмирала и сказал: "Моя воля состоит в том, чтобы вы платили мне дань, которую вы должны были платить моему брату, ибо то, что принадлежало ему, по праву перешло ко мне. Но я оказываю тебе такую милость: ты должен выбрать двух человек, которые смогут сразиться со мной в поединке. Если они одолеют меня, то ты и твоя земля будете свободны от налога; если же я одолею их, то ты будешь платить вдвое больше".

Услышав эти слова, адмирал сказал своим рыцарям: "Настало время, когда вы можете отплатить за всю доброту, которую я вам оказал, и за все дары, которые я вам преподнес. А если не хватает благодарности, то я скажу еще вот что: если кто выйдет сразиться в одиночку с этим великаном, тому я отдам в жены мою дочь Эсклермонду, а после моей смерти он получит в наследство все мои земли".

Но ни один человек не вышел, ибо сарацины очень боялись великана. Тогда Эсклермонда сказала своему отцу: "Господин, тебе говорили, что французский рыцарь по имени Хуон, которого ты бросил в темницу, умер от голода. На самом деле это не так. Хуон еще жив, и я обещаю вам, что он сразится с этим великаном".

И адмирал послал в темницу за Хуоном и его компанией. И когда Хьюон предстал перед ним, видно было, что он в добром здравии, хотя и несколько бледен из-за того, что был заперт. "Ты нашел хорошую тюрьму", - сказал адмирал. "Да, - ответил Хуон, - и я благодарю за это вашу дочь. Но скажи мне теперь, зачем ты послал за мной". Адмирал сказал: "Видишь того великана? Он бросил вызов любому человеку, да, двум людям, и я не могу найти ни одного, кто бы согласился сразиться с ним. Итак, если ты сразишься с ним и победишь его, то ты и вся твоя компания вернетесь к королю Карлу Великому. Я также передам в ваши руки подарок для короля; я также обязуюсь посылать ему из года в год такой же подарок за головные деньги; я также обязуюсь служить ему с таким войском, какое он потребует. Воистину, я скорее стану его рабом, чем буду платить дань этому злобному великану. Но если ты предпочтешь остаться со мной, то я отдам тебе в жены свою дочь Эсклермонду, а вместе с ней и половину моего королевства".

"Господин, - сказал Хуон, - я охотно сражусь с этим великаном. Но сначала ты должен вернуть мне мой рог и мой кубок, которые были у меня отняты". "Будет сделано", - сказал адмирал и приказал отдать рог и кубок Хуону. Хуон передал их Герамесу, чтобы тот сохранил их для себя. После этого он вооружился для битвы. И когда адмирал увидел его снаряженным к бою, он сказал: "Это такой славный рыцарь, какого я никогда не видел".

Когда великан и Хуон сошлись в поле, великан задал такой вопрос: "В каком родстве ты состоишь с адмиралом, что готов сражаться за него?" Хуон ответил ему: "Я не в родстве с ним, я француз по рождению, и я убил твоего брата". "Это плохо слышно, - сказал великан, - но я благодарен Магомету, что он дает мне возможность отомстить за смерть моего брата; однако, поскольку я вижу, что ты храбрый человек, если ты поклонись Магомету, я отдам тебе в жены мою сестру, а она на фут выше меня и черна как уголь, и половину моих земель". Хуон ответил: "Я не получу ни твоих земель, ни твоей сестры. Пришло время сражаться".

Тогда оба, опустив копья, бросились друг на друга, да так яростно, что копья их разлетелись на куски, а кони повалились на землю. Но оба легко вскочили на ноги, и в следующий

момент великан хотел нанести Хуону сильный удар, но Хуон легко отпрыгнул в сторону, так что великан пропустил его удар. Но Хуон в свою очередь ударил великана по шлему и отрубил ему ухо. Тогда великан сильно испугался и воскликнул к Хуону: "Я отдаю себя тебе; молю тебя не причинять мне вреда".

Адмирал был очень доволен победой, а Эсклермонде радовался еще больше. Когда Герамес увидел, что произошло, он сказал адмиралу: "Знай, что я не сарацин, не племянник твой, но я пришел искать моего господина, Хьюона из Бордо". Адмирал, услышав это, сказал: "По правде говоря, трудно осознать хитрость и коварство этих французов".

Тем временем пришел Хьюон и передал великана адмиралу. Великан встал на колени и сказал: "Я считал себя самым могучим человеком на всей земле, и десять человек не могли бы одолеть меня, но теперь я побежден только одним. Поэтому я покоряюсь тебе и прошу прощения". "Я помилую тебя, - ответил адмирал, - если ты пообещаешь впредь не преступать против меня и поклянешься быть моим человеком, пока будешь жив". "Обещаю", - и, опустившись на колени на виду у всех, он поклялся, что будет человеком адмирала.

Покончив с этим, адмирал и его главные лорды вместе с французами сели ужинать. За ужином Хуон взял кубок, который дал ему Оберон, и показал его адмиралу со словами: "Посмотри, что будет, если я сделаю этот знак". И когда он осенил себя крестным знаменем, кубок наполнился вином. Тогда он передал кубок в руку адмирала, и тотчас же вино исчезло. Адмирал очень изумился этому зрелищу и сказал: "Вы меня заколдовали". "Нет, сэр, - ответил Хьюон, - это не чары. Это знак того, что вы полны греха. И теперь я умоляю тебя оставить своих ложных богов и креститься. Истинно, если ты не сделаешь этого, я переполню твой дворец и весь твой город вооруженными людьми". "А теперь послушайте, - вскричал адмирал, - этого слишком смелого француза! Он просидел в моей тюрьме полгода, а теперь, видите ли, собирается переполнить мой город вооруженными людьми. Удивляюсь, где он их найдет!" "Тем не менее, - сказал Хуон, - тебе лучше поступить так". "Я бы не стал этого делать, - ответил адмирал, - если бы Карл Великий и все его войска были здесь".

Тогда Хуон затрубил в рог. И услышал Оберон, сидя в своем дворце, и сказал: "Вот снова рог, и, кажется, он звучит верно". И пожелал он: "Быть бы мне в Вавилоне со ста тысячами вооруженных людей". И сразу же случилось так, как он пожелал. Так Оберон и Хуон захватили город Вавилон. Всех, кто не хотел креститься, они убили, и среди них Адмирала, который упорно отказывался оставить своих ложных богов, а всех, кто согласился креститься, они спасли живыми. И Хуон взял себе скипетр адмирала, и тогда Оберон снова пожелал, и сразу же он, Хуон и вся его компания и прекрасная Эсклермонда оказались на берегу моря. И он приказал приготовить хороший корабль, чтобы отвезти их в их страну. И Хьюон взошел на корабль вместе с прекрасной Эсклермондой и всем своим народом; также они взяли с собой главные сокровища города Вавилона.

Тогда Оберон простился с Хуоном, сказав: "Смотри, чтобы ты говорил правду и удерживался от греха; так ты будешь преуспевать все дни твои и придешь к блаженству, когда кончатся дни твои. А теперь снова подай мне кубок и рог, ибо они тебе больше не нужны".

Тогда Хьюон со своей компанией и прекрасной Эсклермондой отплыли на корабле и со временем прибыли в страну Францию. Там Хьюон передал Карлу Великому адмиральский скипетр, и король принял его в свою королевскую милость и вернул ему его земли. Затем Хьюон сочетался браком с прекрасной Эсклермондой, и эти двое жили вместе в великом счастье до конца своих дней.

Вскоре после того, как Хуон был восстановлен в своем герцогстве Бордо, император Карл Великий умер, охваченный лихорадкой, которой, будучи уже старым и изможденным многими трудами на войне и в мире, он не мог противостоять. Говорят, было много предзнаменований его смерти - затмения солнца и луны и другие чудесные явления. Кроме того, когда он совершал свой последний поход против датчан, он увидел, как большой свет, словно пылающий факел, прошел через ясное небо и упал на землю; и конь, на котором он ехал, упал на землю с большой силой. Также дворец, в котором он жил в Ахене, сотрясся от землетрясений, а в церкви, которую он сам основал, случилось такое знамение: слово PRINCEPS в надписи, которая фиксировала это его благодеяние, так потускнело, что его уже нельзя было прочесть. Так Карл Великий умер 28 января в год нашего спасения, 814. Его похоронили в погребальной камере в этой же церкви Ахена. Через много лет после этого, когда камеру вскрыли, тело императора нашли сидящим на троне, как будто он был еще жив, в императорских одеждах, с короной на голове и скипетром в руке, а рядом лежал его меч Джойус, а на коленях лежала книга Евангелий.

В жизни он был высоким и сильным человеком, ростом в семь футов. Глаза у него были большие и пронзительные, волосы и борода длинные. Он обладал приятной речью и мог говорить на других языках, кроме своего родного. В зрелые годы он стремился овладеть письмом, но так и не смог научиться этому искусству. По правде говоря, он был очень благородным и могущественным принцем.

БРАТЯ УНВИН, ЛИМИТЕД, ПЕЧАТНИКИ, УОКИНГ И ЛОНДОН.